

L. 3

СОБРАНИЕ ВОЕННЫХ

ДЕЛ

Г. О. ИВАНОВА

СОБРАНІЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ VIII.

СОЧИНЕНИЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ VIII.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ
INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat

Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18,

Петровка, д. Михалкова, № 5,

1884.

24. 186 / 8-9

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Басардины.

По улицамъ и полямъ усадьбы Спирова мела и передувала безтолковѣйшая декабрьская вьюга: то зачѣмъ-то несла цѣлое облако снѣгу и, выйдя за ворота, тотчасъ же клала его на огромнѣйшій и безъ того сугробъ; то точно сверломъ сверлила и завывала въ разбитое слуховое окно на барскомъ домѣ; то съ какимъ-то упорствомъ дула въ задъ скотнику Климу, рубившему передъ скотнымъ дворомъ дрова и не обращавшему на это рѣшительно никакого вниманія. На крыльцѣ избы стояла старуха Михайловна, и съ ней вѣтеръ какъ бы заигрывалъ, вкрутя и завывая ей истасканный передникъ.

— Чьи такіе, дѣдушко, это проѣхали?—окликнула она Клима.

— Басардины, надо быть... къ тестю ѣдутъ.

— И то дѣло. Да, да!

— На балтировку, видно, ладятъ,— заключилъ Климъ.

— Да, да!—согласилась и съ этимъ Михайловна; а потомъ, о чемъ-то звонко вздохнувъ, вернулась въ избу.

На Спиоровскомъ полѣ, по переметенной и ухабистой дорогѣ, дѣйствительно тянулся цѣлый обозъ. На передней лошади ѣхалъ молодой дворовый малый, Митька. Онъ сидѣлъ спокойно, какъ истуканъ, и только когда его очень ужъ тряхнетъ въ ухабъ, онъ моргнетъ носомъ и ткнетъ лошадь кнутовищемъ, на что та обыкновенно отмахнетъ ему хвостомъ.

Въ тѣхъ же саняхъ, за спиной у Митьки, сидѣла горничная дѣвица Дарья, закутанная по самый носъ въ какія-то лохмотья. Странное явленіе представляли собой эти два молодыхъ существа: жизнь ли ихъ очень заколотила, или ихъ организмы, питаемые круглый годъ постными щаами и мякиннымъ хлѣбомъ, содержали въ себѣ болѣе лимфы чѣмъ крови, но только пятидесятую версту они ѣхали вдвоемъ, и во все это время хоть бы переглянулись, пошутили бы между собой, переговорили слова два-три. Митька, положительно можно сказать, даже ничего и не думалъ; а Дарья всю дорогу смутно соображала, куда это она положила барышнины чулки: старая барыня, какъ пріѣдутъ на мѣсто, непременно ихъ спроситъ, а она и не помнитъ, куда ихъ засунула.

За передней ѣхалъ самъ баринъ, въ розвальняхъ, парой гусемъ. Заложенный у него на вынось сивый

меренокъ, по прозванью Репейникъ, обнаруживалъ удивительное стараніе. Онъ везъ, потѣлъ, обтирался, я все-таки везъ, какъ-будто бы сотни начальническихъ глазъ смотрѣли на него и любовались его усердіемъ, между тѣмъ какъ шедшая въ корню, сухопарая саврасая кобыла рѣшительно парализовала всѣ его старанія. Лошадь эта, пока дорога шла еще прямая, везла кое-какъ; но чуть-чуть встрѣчался крутой поворотъ, или надобно было обойти какую-нибудь рытвину, такъ сейчасъ же и терялась: не понимала ли она, какъ это сдѣлать надо, или ей трудно было ладить съ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, только непременно сядетъ въ хомутъ, начнетъ болтаться изъ стороны въ сторону и по крайней мѣрѣ съ полверсты не устоитъ. На подобное неравенство въ распредѣленіи трудовъ сидѣвшій кучеромъ задѣльный мужикъ Потапъ, такъ какъ настоящихъ дворовыхъ кучеровъ ужъ не хватало, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: все его стараніе было направлено на то, чтобы самому какъ-нибудь прилепиться на облучекъ, къ которому онъ скорѣе изображалъ собою касательную линію, чѣмъ сидящаго на немъ человѣка. Едва позаберется нѣсколько поспокойнѣе, какъ сани занесетъ въ его сторону, и поѣхалъ внизъ; опять начнетъ забирать вверхъ, — да такъ всю дорогу, даже потъ прошибъ!

На всѣ эти продѣлки съ Потапомъ баринъ, мужчина съ просѣдью, но довольно еще молодцоватый, въ потертой медвѣжьей шубѣ и шапкѣ съ собачьимъ околышкомъ, надѣтой нѣсколько на-бекрень, смотрѣлъ не безъ удовольствія.

— Опять съехалъ?—говорилъ онъ, слегка улы-

баясь, когда Потапъ, спустившись съ саней до самаго горла, отчаянно хватался за передокъ.

— Ты сиди крѣпче!—совѣтовалъ онъ ему.

На все это Потапъ отвѣчалъ сердитымъ взглядомъ и забирался на передокъ почти съ ногами.

Баринъ между тѣмъ переносилъ свое вниманіе на другіе предметы.

«Ишь, какъ дугу-то погнуло», думалъ онъ, глядя, какъ сбившаяся съ-панталыку коренная шла совершенно бокомъ.

На закраинѣ поля замелькали какія-то черныя пятна.

«Кусты это или деревья, чортъ знаетъ?» продолжаетъ онъ соображать съ замѣтнымъ вниманіемъ.

«Кусты!» рѣшалъ онъ мысленно и самодовольно.

Налетѣвшая вьюга заслѣпляла ему глаза. Онъ повертывался и начиналъ смотрѣть въ другую сторону.

Волновали ли, въ настоящую минуту, какія-либо иныя, болѣе серьезныя мысли и болѣе раздражительныя чувствованія этого, какъ мы увидимъ впоследствии, отца довольно многочисленнаго семейства, — мы не знаемъ, и даже имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать, что какъ къ совершенному имъ теперь пути, такъ и вообще ко всей громадѣ плывущей на него жизни, онъ относился довольно созерцательно и совершенно спокойно.

Ѣхавшая за розвальнями тройка, въ крытыхъ саняхъ, представляла гораздо большій порядокъ: лошади всѣ въ ней были одной масти, коренная шла даже съ нѣкоторою гордостью. Молодой кучеръ

Михайло, съ черкесскимъ лицомъ, стройный, перетянутый ремнемъ съ посеребреннымъ наборомъ, ловко сидѣлъ на облучкѣ. Пожилой лакей, хоть и въ очень старинной, но замѣтно сбереженной гороховой шинели, съ нѣсколькими воротничками и со свѣтлыми пуговицами, тоже привычно сидѣлъ рядомъ съ нимъ и, при малѣйшемъ наклоненіи саней на его сторону, сейчасъ же соскакивалъ и подпиралъ ихъ плечомъ. Видно, онъ понималъ, что ѣдетъ съ дамами, изъ которыхъ одна молоденькая, съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, безпрестанно выглядывала изъ-подъ опущеннаго фордека и, оглянувъ окрестность, снова опускалась въ глубь саней, приговаривая съ досадою: «нѣтъ еще, далеко».

Сидѣвшая съ ней пожилая дама, казалось, и не слыхала этихъ восклицаній.

Елибы какой-нибудь художникъ захотѣлъ изобразить идею житейской озабоченности въ видѣ женщины, то лучшаго образца не нашелъ бы для себя, какъ эта дама, со впалыми, желтоватыми щеками, съ довольно еще свѣтлымъ, умнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, но который весь былъ погруженъ въ себя и ушелъ въ глубь души. Въ противоположность своему на все спокойно-взирающему супругу, своей пятнадцатилѣтней дочери, чѣмъ-то своимъ, должно быть, занятой, въ противоположность наконецъ вялой и далеко не заботливой прислугѣ, — она одна тутъ обо всемъ думала и надъ всѣмъ бодрствовала.

Трудно перечислить, сколько заботъ, предположеній, надеждъ и опасеній проходило въ ея бѣдной женской головѣ, а тутъ еще — смѣшно даже ска-

зять — отъ дорожной ли ѣзды, или отъ несущагося со всѣхъ сторонъ свѣжаго воздуха, передъ ней, какъ нарочно, начали возставать такъ давно ужъ, кажется, забываемыя воспоминанія...

II.

Вельможи-благодѣтели.

Надежда Павловна Басардина была чуть ли не пятая дочь секундъ-маіора Рылова, который, еще на ея памяти, ходилъ въ кафтанъ съ борами, въ чулкахъ и башмакахъ и, какъ что-то вѣроятно очень умное, любилъ выдѣлывать передъ гостями палкой, какъ павловскимъ эшпатономъ. Потомъ, она воспитанница въ домѣ князя Д... Цѣлый верхъ огромнаго московскаго дома отведенъ былъ для десяти питомицъ, все почти прехорошенькихъ собой дѣвочекъ... Какъ живой стоялъ передъ ней старый князь, всегда въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ тремя звѣздами. Каждое утро онѣ гуртомъ сходили въ нему внизъ дѣлать реверансъ, цѣлуя при этомъ его бѣлую и благоуханную руку... Шли потомъ къ его дочери, величественной, бойкой красавицѣ, графинѣ N..., авантюристкѣ по жизни, вышедшей сначала за французскаго эмигранта, бросившей его потомъ въ Парижѣ для итальянскаго тенора и теперь жившей, какъ знали всѣ, даже маленькія воспитанницы, почти въ открытой связи съ правителемъ дѣлъ отца, безобразнымъ, рябымъ, косымъ, но умнымъ и пронырливымъ поповичемъ, грабившимъ всю

Москву и при этомъ сохранившимъ какую-то демонскую власть надъ старымъ княземъ и его дочерью. Помнила Надина и огромную классную комнату, съ длиннымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ котораго всегда возсѣдала m-lle Dorothée, высокая, плоская швейцарка, скорѣй бы допустившая, чтобы міръ перевернулся вверхъ дномъ, чѣмъ которая-нибудь изъ воспитанницъ произнесла при ней русское слово. Помнила и танцовальнаго учителя, ставившаго ихъ всѣхъ въ рядъ, и довольно нецеремонно вытягивавшаго ихъ маленькія ножки для довольно трудныхъ минуэтныхъ па. Помнила наконецъ и многознаменательный день: въ домъ шумъ, бѣготня; это пріѣхалъ сынъ князя, юный дипломатъ, любимецъ двора. Надинъ было уже пятнадцать лѣтъ, она все внимательнѣй и внимательнѣй прислушивалась къ шепоту подругъ о непонятныхъ и въ то же время какъ будто бы и знакомыхъ ей вещахъ. Въ тотъ же день, на *petite soirée*, всѣ воспитанницы были представлены молодому князю. Онъ ихъ благосклонно, хоть нѣсколько и свысока, опривѣтствовалъ. Никогда уже, во всю свою жизнь, ни прежде, ни послѣ, Надина не видала мужчины красивѣе, умнѣе и любезнѣе. Не давая себѣ хорошенько отчета, она обыкновенно засматривалась на князя, когда онъ стоялъ гдѣ нибудь вдали и рисовался своимъ почти еще юношескимъ станомъ. Разъ князь, именно въ это самое время, обернулся къ ней; Надина сконфузилась, покраснѣла. Онъ все это видѣлъ и улыбнулся ей.

Вскорѣ послѣ того, въ довольно темноватую залу, гдѣ воспитанницамъ обыкновенно давали музыкальный урокъ, вошелъ князь. Надина сѣла вдали отъ

прочихъ дѣвушекъ. Онъ прямо подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Она сконфузилась и поотодвинулась отъ него.

Князь ласково смотрѣлъ на нее.

— Avez-vous des parents?—спросилъ онъ ее, вѣроятно за тѣмъ, чтобы только заговорить съ ней.

— Non, mes parents, c'est votre père,—отвѣчала Надина, совершенно сконфуженная.

— Donc, je suis votre frère, подхватилъ князь... — такъ?

— Non, non,—отвѣчала Надина, еще болѣе сконфузившись.

— Et je puis vous aimer?—продолжалъ уже шепотомъ князь.

— Non, non!—повторила шепотомъ Надина.

Всѣ прочія воспитанницы, окружавшія рояль, стояли къ нимъ спиной.

— Et vous embrasser?—заключилъ тѣмъ же шепотомъ князь, наклоня свое лицо къ лицу Надины.

— Monsieur!—произнесла та, отодвигаясь отъ него.

Голосъ учителя, позвавшего Надину, прервалъ эту сцену. Она проворно встала и подошла къ фортепiano.

Князь, хоть и вдали, но сталъ противъ нея.

Надина пропѣла свой урокъ дрожащимъ голосомъ и почти со слезами на глазахъ.

На другой день ее остановила графиня.

— Chère enfant, un mot!—сказала она. Надина стала передъ ней на вытяжку. — Je veux voir votre figure et votre taille!

Надина потушилась.

— Vous êtes charmante!—продолжала графиня съ улыбкой. — Mon frère est amoureux de vous.

— Non, madame,—произнесла Надина, вся вспыхнувъ.

— Comment non?—спросила графиня, устремляя на молодую дѣвушку почти любострастный взглядъ.

Въ домъ между тѣмъ приготовлялось новое торжество.

Молодой князь, по величайшей милости Государя и въ уваженіе къ знаменитому роду, какихъ-нибудь двадцати семи лѣтъ, назначенъ былъ уполномоченнымъ при одномъ изъ маленькихъ дворовъ. Сама графиня-сестра взялась устраивать, по этому случаю, праздникъ. Всѣ воспитанницы, одѣтыя тирольскими пастушками, должны были поднести юному амфиотріону цвѣты, а Надина, какъ болѣе умненькая, была выбрана сказать ему поздравительное стихотвореніе. Князь, въ свою очередь, имѣлъ у себя въ запасѣ для прелестныхъ тиролекъ цѣлую коллекцію довольно цѣнныхъ бездѣлушекъ: милый вѣкъ имѣлъ и милые обычаи!

— Vous récitez si bien, qu'il m'est difficile de trouver quelque chose à vous offrir,—говорилъ молодой посланникъ, торопливо роясь въ бездѣлушкахъ, когда Надина нетвердымъ и сконфуженнымъ голосомъ произнесла ему свое осьмистишіе.

— Je voudrais bien avoir votre portrait,—отвѣчала она почти уже шепотомъ и не помня сама, что говорить.

— Vrai? Je vais vous l'apporter,—воскликнулъ князь и бросился въ кабинетъ отца, сорвалъ тамъ со стѣны свой очень дорогой медальонъ на кости

и подалъ его Надинѣ. Та проворно спрятала его за корсетъ и, вся пылающая, убѣжала къ себѣ наверхъ. Вечеромъ, на балѣ во вкусъ Трианона, всѣ юные смертные были обращены въ боговъ. Надина изображала Минерву. Князь танцевалъ съ ней котильонъ и безцеремонно жалъ ей руку. За ужиномъ онъ сѣлъ противъ нея, видалъ въ нее шаривами, выбиралъ ей лучшіе конфекты и цвѣты и заставлялъ много пить вина. Сидѣвшая тутъ же рядомъ *m-lle Dorothee* на все это только улыбалась своимъ широкимъ ртомъ. Въ домѣ стараго князя все дышало однимъ воздухомъ: даже строгая швейцарка, позабывъ цѣломудренныя нравы родины, любила шаловливыя и слегка скандалезныя сцены.

Послѣ ужина, дѣтей, а въ томъ числѣ и шестнадцатилѣтнихъ воспитанницъ, отправили спать раньше. Дежурная горничная, чего прежде никогда не бывало, повернула и затушила ночную лампу.

— Что ты дѣлаешь? — закричали было ей со всѣхъ сторонъ. Но она, ни слова не отвѣтивъ, ушла.

— *Mesdames!* Мы во мракѣ! — говорили съ хохотомъ маленькія шалуньи, но вскорѣ потомъ, разумѣется, и заснули. Надина тоже уже спала... Вдругъ она почувствовала на щекѣ свой чье-то горячее дыханіе. Она въ испугѣ открыла глаза... Передъ ней стоялъ князь.

Надина поднялась съ постели.

— *Que voulez-vous, monsieur?* — проговорила она уstraшеннымъ голосомъ и закрывая руками обнаженную шею.

Князь хотѣлъ обнять ее. Надина движеніемъ руки остановила его исейчасъ же вскочила на окно дортуара.

— Si vous m'approchez, je me précipite de la fenêtre! — проговорила она.

— De grâce, ma petite, retirez vous de là, — молилъ ее князь.

— Monsieur, sortez! — сказала Надина. Голосъ ея былъ твердъ и громокъ.

— Vous êtes cruelle! — проговорилъ князь и, сдѣлавъ ручкой, удалился.

Какъ ни граціозно была разыграна эта сцена, но она сильно поразила Надину: дрожавшая отъ страха, униженная, оскорбленная, она сошла съ окна. Нравственный инстинктъ женщины заговорилъ въ ней; ей какъ бы сразу представилось, гдѣ она и что она такое тутъ. Загадочная исторія съ m-lle Горкиной, чудо какою хорошенькою и двумя годами старше ея воспитанницей, стала для нея ясна. Ту, какъ сама она рассказывала, каждый вечеръ водили въ кабинетъ къ старому князю, и тотъ, не смотря на ея слезы, посыпалъ ей на грудь табаку и нюхалъ его.

Родители Горкиной ужасно разсорились за это съ княземъ и взяли дочь къ себѣ.

Надина тоже рѣшилась написать отцу и сестрѣ. Въ тысячѣ выраженій она умоляла взять ее. Она писала: «Sauvez moi, ma soeur, de moi-même. Le jeune prince est amoureux de moi et je puis perdre ma pudeur».

Старый майоръ въ это время находился окончательно забраннымъ въ строгія и благочестивыя руки старшей своей дочери, оставшейся при немъ въ дѣвкахъ, Богъ знаетъ когда-то и кѣмъ-то названной Биби и до сихъ поръ сохранившей это имя между родными и знакомыми. Секундъ-майоръ, слушая письмо своей московки, только хлопалъ глазами; но пожимая дѣвствен-

ница, сама нѣкогда воспитанница Смольнаго монастыря и недоучившаяся тамъ единственно потому, что въ петербургскомъ климатѣ ее безпрестанно обсыпала золотуха, поняла все. Пиши сестра, что ее не кормятъ, не одѣваютъ, что каждый день ее мучать, колесуютъ, — сердце Биби не дрогнуло бы: но тутъ угрожала опасность чести ихъ фамиліи.

— Въ нашемъ семействѣ не было еще такихъ! — проговорила она почти съ ужасомъ и настояла, чтобы въ тотъ же день за сестрой была послана въ Москву на варѣ, въ вибиточкѣ, подвода, на которой отправила любимаго своего кучера Ивана Горькаго. Вмѣстѣ съ нимъ также поѣхала и приближенная къ секундъ-майору дѣвица Матрена. Старикъ, бывъ въ такихъ уже лѣтахъ, все еще не могъ оставить своихъ глупостей, и Биби терпѣла ихъ, помня только великое правило, что дѣти родителямъ не судьи.

Майоръ, подъ диктовку дочери, нацарапалъ къ князю письмо, которое началъ такъ: «Ваше высокопревосходительство, господинъ генераль-аншефъ и сіятельнѣйшій князь!» — форма, которой научилъ его еще въ полку писарь и которую онъ запомнилъ на всю жизнь.

Пронисавъ титуль, онъ просилъ отнестись къ нему дщерь его Надину, такъ какъ самъ онъ приближается къ старости, а старшая дочь его, и безъ того ужъ посвятившая ему всю жизнь свою, желаетъ подумать и о себѣ и себѣ что-нибудь сдѣлать для будущей жизни.

Диктуя послѣднія строки, Биби рѣшительно думала поразить ими все семейство князя и внушить къ себѣ огромное уваженіе.

Въ заключеніи письма старикъ вопіялъ къ имени-тому вельможѣ излить на свою питомицу послѣднія милости и благословить ее образомъ Иверской Божіей Матери, которая вѣчно будетъ ей заступницей въ жизни, и затѣмъ подписался, слегка размахнувшись: «Вашего сіятельства, низайшій рабъ, секундъ-маіоръ Рыловъ.»

Нѣсколько странно было видѣть, когда Иванъ Горькій, съ удивленнымъ лицомъ и растопыренными ногами, очутился на княжескомъ дворѣ, а Матрена, въ своей пестрядинной шубенкѣ и валеныхъ сапогахъ. — между накрахмаленными и раздушенными горничными въ княжеской кофеишешской. Надина чуть не умерла отъ стыда, когда увидала посланныхъ за нею: такіе они были оборванные.

Старый князь, занятый въ это время планами женитьбы сына чуть ли не на принцессѣ Брауншвейгской, нѣсколько удивился, прочитавъ письмо секундъ-маіора; но, впрочемъ, величественнымъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе и въ день отъѣзда подарилъ Надинѣ на приданое бриллиантовое ожерелье въ десять тысячъ ассигнаціями. Что же касается до благословенія, то православной иконы въ домѣ не нашлось, и князь благословилъ свою рыдающую питомицу копіей съ Рафаэлевой Мадонны.

III.

Совсѣмъ дичь.

Дней черезъ шесть, Надина, вся разбитая отъ непривычной ѣзды въ нерессорномъ экипажѣ, пріѣхала

въ родительскому крову, и какъ бы чудомъ какимъ была перенесена изъ французскаго, фоблазовскимъ духомъ преисполненнаго дома, въ самый центръ деревенскаго православія.

Еслибы пришлось подробно описывать жизнь секундъ-маіора и пожилой его дочери, то безпрестанно надобно было бы говорить: «Это — было, когда поднимали иконы передъ постѣвомъ»; «это, — когда служили наканунѣ Николы всенощную»; «это, — когда на дѣвкахъ обѣарывали усадьбу кругомъ, по случаю появившагося въ сосѣднихъ деревняхъ скотскаго падежа».

Въѣзжая въ усадьбу, Надина еще издали увидѣла стараго отца, въ томъ-же чепанѣ и съ развѣвавшимися по воздуху сѣдыми волосами, а за нимъ сухощавую фигуру сестры въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ на шеѣ.

Она хотѣла было броситься къ нимъ въ объятія; но Биби движеніемъ руки остановила ее и указала на вынесенную домашнюю чудотворную икону. Надина приложилась къ ней, и затѣмъ уже почувствовала на щекахъ своихъ сморщенное, плачущее и заскорблѣе лицо отца и сухія тонкія губы сестры. Въ комнатахъ, ее поразилъ сильный и совершенно незнакомый запахъ ладана и деревяннаго масла, и къ ней какъ-то робко и суетливо стали подходить горничныя дѣвицы, одна другой пожилѣе и некрасивѣе. Биби не любила выдавать замужъ прислугу, и ея дѣвки годамъ къ тридцати страшно худѣли и старѣлись, а потомъ такъ и засыхали въ этомъ видѣ на всю остальную жизнь.

На другой день Биби возила сестру къ приходу

и заставила ее тамъ подать заупокой всѣхъ умершихъ родныхъ, а по матери отслужить панихиду, непременно требуя, чтобъ она за все это заплатила изъ своихъ карманныхъ денегъ. Образъ, которымъ благословили Надину, тоже немало занималъ Биби, она все недоумѣвала, какого онъ *во имя*, и совѣтовалась, по этому случаю, съ заѣхавшимъ къ нимъ не-вдолгъ настоятелемъ Рѣчинской пустыни.

— Это врядъ ли не католическій образъ, — замѣтилъ ей тотъ.

Биби была удивлена и огорчена, и какъ ее потомъ монахъ ни увѣрялъ, что это ничего, что это все-таки образъ, она поставила его въ кіотъ ниже православныхъ иконъ.

О причинѣ, заставившей сестру бѣжать изъ княжескаго дома, Биби не сказала съ ней ни слова: о подобныхъ вещахъ она не только что говорить, но даже думать не любила.

Для Надины такимъ образомъ началось все, что и прежде дѣлалось въ домѣ отца ея: болѣе полугода скудный, на постномъ маслѣ, столъ, почти каждую недѣлю какая-нибудь церковная служба въ домѣ; Биби цѣлый день или принимала и угощала разныхъ странницъ, или тихо, но злобно хлопотала по хозяйству. Старый отецъ, по ея приказанію, тоже все былъ больше въ полѣ и смотрѣлъ за рабочими. Первое время Надина, по своему нѣсколько идиллическому воспитанію, мечтала было о прогулкахъ по полямъ, о разговорахъ съ добрыми поселянами и поселянками. Но изъ всего этого ея артистическій взглядъ только и увидалъ, какъ весной задѣльные мужики, по большей части все старики, съ перекошенными отъ на-

туги лицами, взрывали неуклюжими носулями почву, а вечеромъ ужинали однимъ квасомъ съ хлѣбомъ, и хорошо-хорошо когда холодными шами съ забѣлкой, — или какъ дворовыя женщины, а въ томъ числѣ и ходившія послѣднее время беременными, не чувствуя собственной спины, часто, послѣ заката солнца, дожинали отмѣренные имъ десятины, и ихъ же потомъ бранили, что онѣ высоко жнутъ, или какъ, наконецъ, эти самые добрые мужички, при первой же Никольщинѣ, напивались какъ звѣри дикіе и въ этомъ видѣ ругались такими словами, что слушать было невозможно.

Самымъ живымъ развлеченіемъ для Надины было ходить, въ сопровожденіи горничныхъ, за грибами и ягодами; но сестра и въ этомъ ей всегда препятствовала, говоря, что неприлично дѣвкамъ бѣгать по лѣсамъ: мало ли на что онѣ тамъ могутъ наскочить? Изъ прежнихъ ея элегантныхъ занятій у ней только и осталось, что вышиваніе безконечнаго ковра, который Биби заранѣе назначила для приношенія въ церковь.

Такъ прошли годъ, два, три, наконецъ десять. Скука и бездѣйствіе (изъ хозяйства Надинѣ только и предоставлено было разливать чай), безпрестанное созерцаніе какого-то безсердечнаго богомольства сестры и, наконецъ, совершенно бессмысленная любовь отца, дѣлали свое: Надина худѣла, дурнѣла; но въ то же время она умнѣла!... Трудно передать ту степень неуваженія, которое она чувствовала къ своему ничего не могшему для нея сдѣлать родителю, того ожесточенія, которое питала противъ занятой какими-то неземными цѣлями сестры.

Въ домѣ шла постоянная, хоть и сдерживаемая и скрываемая подъ наружнымъ видомъ ласковости, борьба: Надина и приближенная къ маіору дѣвица Матрена тянули въ одну сторону, а Биби въ другую и, по высотѣ своей исходной точки, всегда одерживала надъ ними верхъ.

Жениховъ у Надины все это время не было никого: всѣмъ молодымъ сосѣднимъ помѣщикамъ, по большей части вутиламъ и собачникамъ, она, по своему умѣнію одѣться, ловко держать себя, по своему отвращенію отъ разныхъ деревенскихъ блюдъ, казалась очень ужъ образованною. «Жидка, братецъ ты мой, ничего съ ней не подѣлаешь!» говорилъ иной. «Подп-ка, женись на ней; такихъ супе и фри-касе потребуешь!» рассчитывалъ другой...

Часто, гуляя по саду до полуночи, съ пылающимъ лицомъ и сильно бьющимся пульсомъ, Надина хватала себя съ отчаяніемъ за голову, и думала: «Господи! хоть бы за чорта да выйти замужъ!» И это рѣшительно было въ ней не движеніемъ крови, а просто желаніемъ переменить свое положеніе.

IV.

С а м е ц ъ .

Въ благородныхъ строяхъ кирасирскаго Его Величества Короля В...го полка, конечно, ужъ было немного такихъ скромныхъ и молодцоватыхъ офицеровъ, какъ ротмистръ Басардинъ.

По формулярному его списку значилось: «родомъ

изъ бѣдныхъ дворянъ; воспитаніе получилъ домашнее (то-есть никакого); на службу поступилъ рядовымъ и черезъ два мѣсяца, по своей превосходной выправкѣ, ѣхалъ уже ординарцемъ на Высочайшемъ смотру.» Закройщикъ Швецовъ про него говорилъ: «Вотъ на корнета Басардина шить любо: грудь навывкатъ, кость прямая, тонкая!» Невѣжа! понималъ ли онъ, что одѣваемый имъ корнетъ по правильности своихъ формъ былъ статуя античная! Даже въ настоящемъ его чинѣ, съ начинавшею уже нѣсколько полнѣть таліей, когда Басардинъ шелъ по расположенной на горкѣ деревнѣ, въ разстегнутомъ вицъ-мундирѣ, въ надѣтой на-бекрень фуражкѣ, или когда гдѣ-нибудь спдѣлъ на бревнахъ, по большей части глядя себѣ на сапоги и опустивъ на нижнюю губу свои каштановые усы, между тѣмъ какъ, при вечернемъ закатѣ, съ поля гнали коровъ, по улицамъ бродили лошади, — глядя на него, невольно приходилось подумать: «Да, человѣкъ красивѣйшее созданіе между всѣми животными, и онъ одинъ только можетъ до такой степени оживлять ландшафтъ».

Здоровьемъ Басардинъ пользовался замѣчательнымъ: онъ могъ не спать три ночи и при этомъ нимало не воспалялись его большіе, красивые глаза; за то и спалъ, послѣ каждаго утомительнаго перехода, часовъ по пятнадцати сряду. Курить могъ всегда: утромъ, за обѣдомъ, послѣ обѣда, даже ночью, еслибъ его разбудили для этого.

Другое дѣло для ротмистра было думать: мышленіе у насъ все-таки есть, какъ хотите, болѣзнь, усиленная дѣятельность мозга насчетъ другихъ органовъ.

Но жизненная сила была слишкомъ равномерно распределена въ тѣлѣ Басардина, и едва только позабегается ея нѣсколько побольше во вмѣстительности разума и начнетъ тамъ работать, какъ ее сейчасъ же потребуютъ другія части. Такимъ образомъ ротмистръ не то что былъ глупъ, напротивъ того: о многихъ предметахъ онъ судилъ очень здраво, но только всѣ мысли его были какъ-то черезчуръ обыкновенны, ограничены и лишены всякаго полета; а между тѣмъ, по этому проклятому командованію эскадрономъ стали случаться слѣдственные дѣла, надобно было отписываться, приходилось кое-что и по счетной части, а тутъ, пожалуй, пошли и распеканья за нестрогость характера. Все это весьма утомляло Басардина, и въ послѣднее время, пріѣхавъ въ свою маленькую деревеньку, сосѣднюю съ имѣніемъ секундъ-маіора, онъ уже сильно тяготился службой.

Надина и прежде еще слыхала о красивомъ сосѣдѣ офицерѣ. Въ первый разъ они встрѣтились въ церкви, и она тутъ же принялась за него какъ за якорь спасенія: сама пригласила пріѣхать къ нимъ обѣдать. Басардинъ, на своей полковой тройкѣ, молодцовато пріѣхалъ, промолчалъ весь визитъ, потомъ черезъ недѣлю, по приглашенію той же молодой хозяйки, опять былъ и опять промолчалъ весь день. Надина безбожно кокетничала съ нимъ: «Онъ не далеко, но онъ добръ!» рѣшила она мысленно, и почти сама объяснилась съ ротмистромъ въ любви. Тотъ при этомъ слегка вспыхнулъ, и свадьба состоялась. Что потомъ послѣдовало изъ сочетанія этихъ двухъ организмовъ: одного, если можно такъ выразиться, могуче-плотскаго, а другаго—душевнаго и нервнаго,

угадать нетрудно. Басардинъ, бывъ еще женихомъ, подалъ въ отставку, и молодые поселились въ деревнѣ. Надина, къ концу же года, родила ребенка мальчи́ка и, къ ужасу, съ такими же большими глазами и прямыми ушами. Супруга своего она уже совершенно понимала и видѣла, что онъ ей не помощникъ. Онъ обыкновенно цѣлый день ходилъ по комнатѣ, курилъ, молчалъ, послѣ обѣда спалъ; но когда жена сказала ему, что ей противенъ его храпъ, онъ и не спалъ. Между тѣмъ родился еще ребенокъ. Нужда въ домѣ росла; Надина хозяйничала на своихъ тридцати душонкахъ какъ только умѣла; сама устраивала кирпичный заводъ, сама откармливала свиней: и все-таки по свойственному женщинамъ самолюбію, не желая мужа обнаружить передъ обществомъ разсказывала, что будто бы все это придумываетъ и всѣмъ этимъ заправляетъ ея Петръ Григорьичъ; а потомъ, воспользовавшись первою же подошедшею баллотировкой, свезла его въ губернский городъ, и тамъ, чисто изъ уваженія къ ней, его выбрали въ судьи.

Бывшему воину снова была задана въ жизни задача. Напрасно онъ часовъ по семи сидѣлъ въ присутствіи, читалъ всякое дѣло съ начала до конца, теръ себѣ лобъ, потѣлъ: ничего изъ того не выходило. Къ концу трехлѣтія плутишка-секретарь успѣлъ подвернуть ему такую бумажку, за которую ихъ таки обоихъ отдали подъ судъ. Басардинъ выразилъ при этомъ только небольшой знакъ удивленія въ лицѣ.

— Какъ это тебя угораздило!—спросила его почти съ отчаяніемъ Надина.

— Не прочелъ... совершенно нынче не могу читать безъ очковъ,—отвѣчалъ онъ преспокойно.

—И прочелъ бы, не много толку прибавилось-бы,—замѣтила ему на это Надина, и говорить больше не стала. Затѣмъ снова послѣдовала деревня... снова бѣдность... хлопоты по грошевому хозяйству и снова ребенокъ, но ужъ дѣвочка и, о счастье! не съ огромными ушами, а съ быстрыми и умными, какъ у матери, глазками. Надина привязалась къ этому ребенку съ первыхъ же дней, и стоя на колѣняхъ передъ предсѣдателемъ уголовной палаты, своимъ родственникомъ, она выхлопотала, что мужа оправдали, опредѣлила его потомъ въ дѣсничіе, вникала въ его должность, брала за него взятки, но ничто не помогло: года черезъ два, Басардина, за обнаруженное передъ начальствомъ совершенное незнаніе дѣсной части, удалили снова отъ должности. Надина на этотъ разъ ничего ужъ и не сказала, а сама между тѣмъ высохла до состоянія щепки и начала подозрительно кашлять.

И не одну, не двухъ, а сотни и тысячи, мы знаемъ подобныхъ труженицъ-матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотками и бранью, поднимаютъ огромныя семьи, и не безнравственныхъ правъ требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько-нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-сунруги.

Спихнувъ кое-какъ своихъ старшихъ сыновей въ корпусъ, Надина на сколоченные съ грѣхомъ пополамъ гроши стала воспитывать свою дочурочку. Она ее мыла, наряжала, сама учила говорить по-французски, присѣдать, танцовать. Обрывая потомъ себя

до послѣдней нитки, отдала ее въ пансіонъ и безпрестанно ѣздила къ ней, чтобъ она не скучала... Соня, дѣйствительно, была прелестный ребенокъ: высокенькая, граціозная, съ прекраснымъ и уже недѣтскимъ выраженіемъ на лицѣ, она, видимо, наслѣдовала душу матери и тѣло отца. Но Надинѣ, въ ея материнскомъ увлеченіи, казалось въ красотѣ дочери нѣкоторое сходство съ красотой князя, медальонъ котораго до сихъ поръ еще хранился далеко-далеко запрятымъ въ старомъ комодѣ въ потайномъ ящикѣ: въ жизни ея была одна поэтическая минута, и она осталась ей вѣрна до гроба...

Изъ Петербурга, между тѣмъ, пришло извѣстіе, что двое старшихъ сыновей ея, очень добрые мальчики, но очень плохо учившіеся и сырой комплекціи, умерли отъ скарлатины. Надежда Павловна даже не огорчилась: бѣдность иногда измѣняетъ и чувства матери! «Что жъ! Сонѣ больше останется», шевельнулась въ головѣ ея нечистая мысль.

Впрочемъ, въ корпусѣ у нея оставался еще младшій сынокъ, Викторъ; но лучше бы было и не вспоминать о немъ. Только по великой добротѣ благодѣтеля директора онъ не былъ выгнанъ, потому что, кромѣ ужь лѣности, грубости и шалостей, дѣлалъ такія вещи, отъ которыхъ у бѣдной матери сердце кровью обливалось!

Соня, наконецъ, кончила курсъ, и Надежда Павловна везла ее теперь къ дѣду и теткѣ, передъ которыми, какъ это ей ни было тяжело, въ послѣднее время она ужасно унижалась, все надѣясь, не сдѣлаютъ ли они Соню своей наслѣдницей.

V.

М о л о д ы е о т п ы р ы с к и.

Бовригино, усадьба секундъ-маіора, было уже видно. Въ наугольной комнатѣ господскаго дома свѣтился огонекъ. Всѣ очень хорошо знали, что это отъ лампадки передъ иконами. Направо, въ окнахъ кухни, пылало цѣлое пламя: значить, готовился ужинъ. День былъ канунъ 1843 года, и, вѣроятно, ожидали священниковъ.

Почувявъ знакомыя мѣста, даже Митька оживился и началъ бить безпрестанно свою клячу кнутовищемъ по задѣ. Потопъ едва поворотилъ на гору саврасую кобылу, до того она разскакалась. Шаркуны на трѣйкѣ Михайла весело звенѣли. Первая ихъ услышала и узнала выбѣжавшая было за квасомъ горничная дѣвка Прасковья, добрѣйшее и глупѣйшее существо въ мірѣ. Она воротилась въ дѣвичью, какъ сумасшедшая.

— Надежда Павловна ѣдетъ, чертовки!—объявила она весело своимъ товаркамъ, сидѣвшимъ за прялками.

— Перины готовить надо! Гдѣ у тебя перины-то? Поди, чай, на холоду!—сказала заботливо другая дѣвица, Федора, третьей дѣвкѣ.

— Принесу!... — отвѣчала ей та, и тоже не безъ удовольствія.

Пріѣздъ гостей для этихъ полузатворницъ всегда былъ чѣмъ-то въ родѣ праздника.

— Что сидите! Барышнѣ сказать надо!—сказала.

наконецъ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ голосомъ, вставая и уходя, четвертая дѣвушка, Продада, молодая, красивая и лучше всѣхъ одѣтая.

Митька прикатилъ Дарью къ дѣвичьему крыльцу, а Басардинъ остановился у передняго и, выльзши изъ саней, хотѣлъ подслужиться къ женѣ и высадить ее: но та даже не замѣтила его и прошла, опершись на руку лакея. Соня, какъ птичка, порхнула вслѣдъ за матерью.

Биби, въ сопровожденіи двухъ, трехъ горничныхъ дѣвицъ со свѣчами, дожидалась ихъ въ передней и со свойственною ей проникательностью сейчасъ же замѣтила, что на самой Надеждѣ Павловнѣ салопшко веретенемъ встряхни, а на дочкѣ новый атласный, на лисьемъ мѣху. Соня сейчасъ же бросилась къ теткѣ и начала цѣловать ея руки — разъ два, три... Биби сама цѣловала ее въ лицо, въ шею. У ней при этомъ даже навернулись слезы на глазахъ. Между собой сестры почтительно и нѣсколько церемонно поцѣловали одна у другой руку.

— Здравствуй, другъ мой, — отнеслась потомъ Биби къ зятю, не допуская его поцѣловать у ней руку, и сама цѣлуя его въ губы. Она любила Петра Григорьевича за его кроткій и богомольный нравъ.

По залѣ въ это время ходилъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ. Глаза его, кажется, искали молоденькихъ глазъ дѣвушки и, когда они переглянулись, Соня сейчасъ же потупилась и начала какъ будто бы поправлять платье, а студентъ, со вспыхнувшимъ лицомъ, продолжалъ на нее смотрѣть и только черезъ нѣсколько секундъ сообразилъ и подошелъ къ рукѣ Надежды Павловны.

— Ахъ, Саша! Ты какъ здѣсь? — невольно воскликнула та.

— Такъ-съ, прїѣхалъ... — отвѣчалъ Александръ сконфуженнымъ тономъ.

— Его мать сюда нарочно прислала, — произнесла Биби съ замѣтнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Это былъ единственный сынъ ихъ родной племянницы, богатой женщины: Надежда Павловна безконечно завидовала всему этому семейству и считала ихъ соперниками по наслѣдству отъ Биби.

Студентъ подошелъ также и къ рукѣ Сони. Она проворно подала ему свою ручку, и что-то бѣленькое, въ родѣ свернутаго влочка бумажки, осталось въ его рукѣ.

Онъ проворно спряталъ ее въ карманъ.

— Что бѣтюшка?.. — спросила Надежда Павловна печальнымъ голосомъ сестру.

— Слабъ, — отвѣчала та въ томъ же тонѣ, и когда всѣ было пошли за нею, она прибавила: — не ходите всѣ вдругъ.

Секундъ-маіору въ это время было безъ году сто лѣтъ; но онъ сохранилъ всѣ зубы и прекрасный цвѣтъ лица; лишился только ногъ и былъ слабъ въ разсудкѣ. Съ сѣдою какъ дунь бородою, совсѣмъ плѣшивый, съ старческими, слезливыми глазами, въ заячьемъ тулупчикѣ и кожаныхъ котлахъ, онъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ, въ креслахъ, у маленькаго столика, на которомъ горѣла сальная свѣча.

Передъ нимъ стоялъ дворовый мальчикъ въ рубашкѣ и босикомъ. Биби только въ недавнее время успѣла удалить отъ отца его приближенную мерзавку,

и то ужь уличивъ ее почти на мѣстѣ преступленія въ пьянствѣ и воровствѣ. Старикъ болѣе полугода все печалился о своей нянькѣ, но воспротивиться дочери не смѣлъ.

Теперь онъ цѣлые дни игралъ съ дворовыми ребятами въ карты въ дурачки, въ ладышки, и съ настоящимъ своимъ собесѣдникомъ они въ чемъ-то, должно быть, разсорились.

— Ты зачѣмъ у меня крадю-то укралъ? — говорилъ онъ мальчику.

— Чтѣ ты? Гдѣ укралъ? Она у тебя, баринъ, на рукахъ, — отвѣчалъ тотъ дерзко.

— Гдѣ на рукахъ? — повторялъ старикъ, плохо ужь разбиравшій и карты.

Въ это время вошла Биби, и мальчикъ сейчасъ же вытянулся въ струнку.

— У васъ въ ручкахъ-сь!.. — отвѣчалъ онъ вѣжливо, и показалъ на дѣйствительно находившуюся въ рукахъ маіора даму.

— Батюшка, Надина пріѣхала, — объявила Биби отцу почтительнымъ тономъ, и потомъ первая бросилась къ дѣду Соня. Она схватила его грязную руку и цѣловала.

— Ну вотъ!.. — говорилъ онъ, въ одно и то же время плача и смѣясь.

— Я вамъ, дѣдушка, конфетъ привезла... Мнѣ ихъ подарили въ пансіонѣ, а я ихъ вамъ сберегла, — продолжала Соня, проворно вынимая изъ своего кармашка цѣлую кучу конфетъ.

— Ну вотъ!.. — повторялъ старикъ совсѣмъ довольный. Лучше этого для него ничего не могло

быть... Сахаръ и конфекты онъ обыкновенно клалъ во все, даже въ щи.

— Чай до службы или послѣ службы будете пить? — спросила Биби своихъ гостей.

— Я думаю, послѣ службы, — отвѣчала Надежда Павловна, чтобъ угодить сестрѣ. — Переодѣться только Сонѣ надобно!... — прибавила она робко и не желая, чтобы дочь, хоть на минуту, явилась передъ посторонними глазами не мило-одѣтою.

— Ну, ну, поди, принарядись, козочка! — сказала ей тетка ласково.

Соня съ жаромъ поцѣловала ее въ грудь.

Биби на этотъ разъ до того простерла свою ласковость къ племянницѣ, что сама пошла и показала отведенную для нея комнату, гдѣ, замѣтивъ, что у Сони башмачки худы (единственная вещь, которую мать не успѣла сдѣлать ей), она сейчасъ же позвала двороваго башмачника Сережку и велѣла ему снять съ барышни мѣрку и изъ домашней замши сдѣлать ей ботиночки крѣпкія, теплыя и просторныя.

— Можно это... — отвѣчалъ Сережка, по обычаю своего званія съ ремнемъ на головѣ, нѣсколько кривобокій, перепачканный въ купоросѣ и сажѣ и сильно, должно быть, пристрастный къ махоркѣ.

Басардинъ, между тѣмъ, ходилъ по залѣ съ Александромъ.

— Вотъ, какъ это разсудить! — говорилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ и доставая длинною бумажкой отъ образовъ огня: — грѣхъ отъ лампадки закуривать или нѣтъ?

— Нѣтъ!.. — что жъ? — отвѣчалъ студентъ. — Нынче вотъ электричествомъ изобрѣли закуривать...

при химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается гламя...

Студентъ замѣтно поддѣлывался къ родителю Сони и, желая ему рассказать что-нибудь интересное, толковалъ ему вещь, которую и самъ не совсѣмъ хорошо понималъ.

— Не знаю-съ, не видалъ! — отвѣчалъ Басардинъ.

Пріѣхали священники. Отецъ Николай, начавъ еще въ сѣняхъ надѣвать рясу, въ залу входилъ выправляя изъ-подъ нея свои волосы. Басардинъ сейчасъ же подошелъ къ нему подъ благословеніе и движеніемъ руки просилъ его садиться. Студентъ поклонился священнику издали.

Оставшіеся въ передней дьячки тотчасъ же попросили у ключницы барскаго квасу, и выпили его стакана по четыре.

— Что перемело дорогу-то? — заговорилъ Петръ Григорьевичъ первый. Онъ умѣлъ и любилъ потолковать съ духовенствомъ.

— И Господи какъ! — отвѣчалъ священникъ:— я, признаться сказать, собачку держу, такъ бѣжитъ впередъ, поѣзжай за ней, никогда не собьешься... — прибавилъ онъ и, вѣроятно занятый какимъ-нибудь своимъ горемъ, задумался.

Петръ Григорьевичъ нѣкоторое время какъ бы недоумѣвалъ.

— А что, отецъ Петръ все еще при церкви? — проговорилъ онъ наконецъ съ улыбкой.

Видимо, сдѣланный имъ вопросъ былъ нѣскольکو щекотливаго свойства.

— Все еще тутъ, — отвѣчалъ отецъ Николай.

— И все попрежнему неудовольствія идутъ?

— Все также и тоже; *idem per idem!*

— Хуже этихъ неудовольствій ничего быть не можетъ! — заключилъ Басардинъ. По своему миролюбивому нраву, онъ искренно полагалъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ того, что люди ссорятся.

Священникъ ничего на это не отвѣчалъ: передъ тѣмъ только начальство выдержало ихъ обоихъ подъ началомъ и все-таки не помирило.

Вошли: Биби, нѣсколько чопорной походкой, Надежда Павловна, въ своемъ томъ же дорожномъ капотѣ, и Соня, вся блистающая своимъ свѣжимъ личикомъ и новымъ, съ иголочки, холстинковымъ платьемъ. Всѣ онѣ, по примѣру хозяйки, подошли къ благословенію отца Николая, который послѣ того сталъ надѣвать ризы, а изъ лакейской появились, съ раздутымъ кадиломъ и съ замасленными книгами, дьячки. Петръ Григорьевичъ пододвинулся къ нимъ, чтобы подпѣвать во время службы: онъ до сихъ поръ имѣлъ еще довольно порядочный теноръ. Надежда Павловна, Соня и Биби помѣстились въ дверяхъ гостиной. Изъ дѣвичьей и изъ лакейской стали появляться горничныя дѣвицы, дворовыя бабы съ ребятишками и мужики. Биби непременно требовала, чтобы вся ея прислуга ходила на каждую въ домѣ церковную службу, и если при этомъ хоть какая-нибудь даже трехлѣтняя дѣвочка, поклонившись въ землю, позазѣвается, она непременно замѣтитъ это и погрозитъ ей пальцемъ. Запахъ отъ мужицкихъ тулуповъ и бабъ, пришедшихъ съ грудными младенцами, сдѣлался невыносимъ. Горничныя дѣвицы, въ

угоду госпожѣ, молились до поту лица. Соня тоже ужасно усердно молилась и постоянно старалась быть на глазахъ у тетки. Студентъ, со сложенными руками, стоялъ среди народа. Всенощная и молебенъ съ акаѳистомъ въ Ковригинѣ обыкновенно продолжались часовъ по пяти.

«Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ», — раздалось послѣ службы. Въ самомъ дѣлѣ, было уже двѣнадцать часовъ. Затѣмъ слѣдовалъ наскоро чай, котораго однако отецъ Николай успѣлъ выпить чашекъ пять, а дѣячки попросили было и по шестой, но имъ уже не дали. За ужиномъ господамъ подавали одни кушанья, а причту другія: не смотря на свою религіозность, Биби почему-то считала для себя за правило кормить духовенство еще хуже, чѣмъ другихъ гостей; но тѣ совершенно этого и не замѣчали.

Александръ во все время былъ взволнованъ. Онъ только послѣ службы улучилъ минуточку и прочелъ полученный имъ лоскутокъ бумаги. Тамъ было написано: *Любите меня и будьте осторожны.* Къ концу ужина онъ, наконецъ, осмѣлился и обратился къ Сонѣ, сидѣвшей съ потупленными глазами около тетки.

— Что вы желаете этому шарикѣ? — сказалъ онъ, показывая ей скатанный кусочекъ хлѣба.

— Быть скромнымъ! — отвѣчала скороговоркой Соня.

— Это я! — сказалъ краснѣя студентъ.

Черезъ часъ въ Ковригинѣ все улеглось по своимъ комнатамъ: молодость — съ какой-то ягучею радостью въ сердцахъ, а старость и зрѣлость — съ своими обыч-

ными недугами и житейскими заботами, и врядъ ли не одни только во всемъ селеніи Митька и баринъ его Петръ Григорьевичъ заснули, ничего не думавъ.

VI.

Подставленная шпилька.

Невысоко стоявшее зимнее солнце тускло свѣтило въ нечистыя съ двойными рамами окна ковригинской гостиной, въ которую на этотъ разъ выкатили на креслахъ и стараго маіора, въ новомъ нанковомъ, по случаю праздника, чепанъ, причесаннаго и примазаннаго. Вчерашній дворовый мальчишка, тоже въ новой рубахъ, но по-прежнему босикомъ, стоялъ передъ нимъ навтыжкѣ. Соня сидѣла около дѣдушки и безпрестанно подавала ему то табакерку, то платокъ. Надежда Павловна была погружена въ пріятныя мысли, что неужели же Биби не подаритъ Сонѣ, по случаю выхода ея изъ пансіона, хоть рублей сто, а Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ и, сидя на диванѣ, чертилъ на пыльномъ столѣ какіе-то зигзаги: жена ему только сегодня поутру сказала, что они дѣйствительно ѣдутъ на баллотировку.

— Опять этотъ городъ, незнакомые люди, а можетъ быть, и эта служба проклятая! — думалъ онъ: деревенскую свободу и уединеніе Петръ Григорьевичъ предпочиталъ всему на свѣтѣ.

Стали подавать закуску, и вошла Биби. Она была, какъ замѣтно, въ дурномъ расположеніи духа: ее

сейчасъ только растревожила ходившая за ней и отчасти уже знакомая намъ дѣвица Иродіада.

Дѣвка эта представляла собой довольно загадочное созданіе: лѣтъ до шестнадцати, она, по мнѣнію Биби, была вѣтренница и мерзавка, и дошла, наконецъ, до того, что имѣла дитя. Случаи эти, бывавшіе, разумѣется, въ Ковригинѣ не часто, всегда имѣли нѣсколько трагическій характеръ.

Когда преступница не имѣла долѣе возможности скрывать свой грѣхъ, то обыкновенно выбиралась какая-нибудь изъ пожилыхъ и болѣе любимыхъ госпожею дѣвицъ, чтобы доложить ей, и по этому случаю, прямо, безъ зову, входила къ ней.

— Что тебѣ?—спрашивала Биби нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— На счетъ Катерины пришла доложить-съ,—отвѣчала протяжно пришедшая.

— Что такое?—спрашивала госпожа, уже блѣднѣя.

— Въ тягости изволить быть, беременна-съ.

Преступница, стоявшая въ это время за дверьми, распахивала ихъ и, ползя на колѣняхъ, стонала.

— Матушка, прости! государыня, помилуй!

— Прочь отъ меня, мерзавка!... Видѣть тебя не хочу!—воскликнула Биби съ ужасомъ и омерзѣніемъ.

Дѣвка продолжала ползти на колѣняхъ.

— Я любила твою мать, твоего отца... и чѣмъ ты меня за все это возблагодарила? Тебѣ еще мало, что на конюшнѣ выдерутъ, что косу обрѣжутъ, тебѣ этого мало, — продолжала госпожа, все болѣе разгорячаясь. — И у дѣвки, дѣйствительно, обстригали косу, а иногда и подсѣкали ее. Ребенокъ, по большей части, умираетъ, и бѣдная грѣшница, съ обезо-

браженною головой, въ затрапезномъ сарафанишкѣ, прячась отъ господъ, ходила ободворками на полевою работу, и часто, только спустя годъ, призывалась въ горницу; но тутъ являлась какою-то робкою, старалась всегда стоять и сидѣть въ темныхъ мѣстахъ и на всю жизнь обыкновенно теряла милость госпожи. То же самое повторилось и съ Иродіадою; но только она, послѣ своего несчастія, какъ бы окаменѣла и, призванная снова въ горницу, прямо явилась къ барышнямъ.

— Простите меня, сударыня, я исправлюсь и за службу вамъ,—проговорила она.

Видно было, что въ голосѣ ея прозвучало что-то особенное, такъ что даже Биби это замѣтила.

— Я ходить бы, сударыня, за вами желала,—продолжала между тѣмъ смѣло Иродіада.

— Хорошо, тамъ увидимъ,—отвѣчала ей Биби, и черезъ двѣ недѣли, сверхъ всѣхъ своихъ правилъ, надумала и допустила Иродіаду ходить за собой. Та начала служить ей нелицемѣрно: ни съ однимъ мужчиною послѣ того она уже не пошутила; никто никогда не смѣлъ браннаго звука произнести при ней про госпожу; спавъ всегда въ комнатѣ Биби, она, какъ это видали почти каждую ночь, уходила въ образную и, стоя на колѣняхъ, мслилась тамъ до утренней зари; когда пріѣзжали гости и хотъ на минуту оставались одни, безъ хозяевъ, Иродіада подслушивала у дверей, что они говорятъ. Въ настоящемъ случаѣ она доложила барышнямъ, какъ Надежда Павловна и Софья Петровна, дожившись вчера почивать, изволили между собою разговаривать, что-де въ Коври-

гинѣ изъ такого все запаса и такъ все скверно готовится, что онѣ ничего въ ротъ не могутъ взять.

Биби на это только хмыкнула.

Войдя въ гостиную и усѣвшись на диванѣ, она прямо обратилась къ зятю:

— Петръ Григорьичъ, выпей водочки и скушай что-нибудь. Не побрезгуй хоть ты-то нашимъ хлѣбомъ-солью.

Въ послѣднихъ словахъ ея послышалось что-то зловѣщее для Надины. Но Петръ Григорьевичъ, ничего этого, конечно, не понявшій, положилъ себѣ не безъ удовольствія на тарелку два куска пирога и, отправившись въ уголь, началъ тамъ смиренно ѣсть.

— Саша, покушай, другъ мой!—обратилась Биби къ Александру и нарочно необыкновенно ласковымъ голосомъ.

Студентъ тоже, со свойственнымъ его возрасту аппетитомъ, наложивъ себѣ на тарелку не совсѣмъ свѣжей печенки, сухой икры и трехгодовалыхъ рыжиковъ, принялся все это уничтожать. Надежда Павловна и Соня намазали себѣ только немного масла на хлѣбъ.

Биби рѣшительно шипѣла.

— Викторъ вашъ скоро долженъ выйги въ офицеры,—отнеслась она къ сестрѣ.

При этомъ ужъ Надежда Павловна вспыхнула; Биби всегда колола ее тѣмъ, что въ отношеніи къ сыновьямъ она дурно исполняетъ свои обязанности.

— Да, если выдержитъ экзамень,—отвѣчала она коротко, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

— Я получила отъ него довольно странное письмо,—продолжала Биби съ разстановкой. — Вотъ оно, не хочешь ли полюбопытствовать,—прибавила она, вы-

нимая изъ кармана и подавая Надеждѣ Павловнѣ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги. Та взяла его дрожащею и сконфуженною рукой. Она за-ранѣе предчувствовала, что тутъ заключается; но, съ продолженіемъ чтенія, гнѣвный румянецъ все больше и больше выступалъ на ея щекахъ. Молодой Басардинъ, не смотря на кадетскій почеркъ и обильное число грамматическихъ ошибокъ, владѣлъ, какъ видно, перомъ. «Дражайшая тетушка!» писалъ онъ: «я еще помню васъ маленькимъ, и драгоценный образъ вашъ навсегда сохранилъ въ моей памяти. Простите великодушно, почтеннѣйшая тетушка, что никогда не писалъ къ вамъ. Причиной тому мои родители, которые отвергнули меня еще отъ груди матери, но теперь я скоро буду офицеръ и хочу самъ себѣ пробить дорогу въ жизни или умереть на полѣ чести»...

— Боже, какъ онъ глупъ!—почти простонала бѣдная мать.

«Я, вѣроятно, по успѣхамъ въ наукахъ буду выпущенъ въ гвардію,» продолжалъ кадетъ: «но, къ несчастію моему, не имѣю не только что на обмундировку, но даже купить получше смазныхъ сапоговъ для выхода изъ корпуса по праздникамъ. На васъ теперь, высокоуважаемая тетушка, вся надежда молодого несчастливца, который послѣ многихъ писемъ къ родителямъ, на которыя не получалъ даже отвѣта...»

Далѣе Надежда Павловна не въ состояніи была читать.

— Онъ вретъ, мерзкій мальчишка! Я недавно послала ему пятьдесятъ рублей, и никогда онъ не бу-

детъ выпущенъ въ гвардію!—проговорила она гнѣвно и съ полными слезъ глазами.

— Я ничего того не знала и не знаю, и конечно пособила ему, сколько могла...—произнесла Биби напыщеннымъ тономъ.

— Напрасно! — возразила Надежда Павловна: — вамъ бы лучше слѣдовало это письмо прислать ко мнѣ.

— Ну, ужъ извините, этого я не сообразила,—отвѣчала ядовито-покорно Биби.

— Потому что, — продолжала Надежда Павловна рыдающимъ голосомъ, — ссорить мать съ дѣтьми...

— Кто же это васъ ссорить?—перебила ее строго Биби. Надежда Павловна нѣсколько приостановилась. — Кто же это васъ ссорить?—повторила Биби: — а что тѣ, что видятъ всѣ добрые люди, того скрыть нельзя... — заключила она многозначительно.

— Ну да, всѣ видятъ... вы всегда были противъ меня во всемъ... а хотя бы немного пощадили меня,—произнесла окончательно разрыдавшаяся Надежда Павловна и ушла. Соня послѣдовала за матерью.

— Я же виновата!—сказала Биби и преспокойно принялась за свою работу.

Огорченіе, которое причинила она на этотъ разъ сестрѣ, было очень сильно. Надежда Павловна, забывъ всякій расчетъ на наслѣдство, прислала черезъ нѣсколько минутъ Соню въ гостиную.

Та первоначально подошла къ отцу.

— Папаша! мамаша велѣла вамъ сказать о лошадахъ... Послѣ обѣда мы поѣдемъ.

Что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на лицѣ Биби. Соня подошла къ ней.

— Мамаша велѣла васъ спросить, сколько вы послали братцу, и вотъ она деньги прислала вамъ,—говорила она, протягивая къ теткѣ руку съ пачкой ассигнацій.

Биби покраснѣла.

— Я не беру назадъ того, чѣмъ дарю,—сказала она, хоть бы однимъ членомъ пошевелившись.

Соня на нѣкоторое время осталась сконфуженной.

Сначала она, съ потупленною головой, пошла было къ матери, потомъ тотчасъ же вернулась оттуда и сѣла опять около дѣдушки. Петръ Григорьевичъ, не совсѣмъ понявшій переданное ему отъ жены приказаніе, обратился къ дочери:

— Что же, закладывать, что ли, надо?...

— Да-съ,—отвѣчала Соня, и въ это время какая-то мгновенная игра во взорахъ произошла между ею и Александромъ, который сейчасъ послѣ того всталъ и пошелъ за Басардинымъ.

Тонкій слухъ Биби донесъ ей, что и онъ тоже велѣлъ себѣ закладывать лошадей.

— Ты это куда?—спросила она, когда Александръ возвратился.

— Нужно, бабенка; мнѣ въ городъ еще надобно пробыть; потомъ къ маменькѣ заѣхать; въ дорогъ тоже дня четыре пробудешь...—говорилъ онъ, краснѣя и путаясь.

— Врешь все!—сказала Биби и, по самолюбію своему, ничего больше не прибавила. Она очень хорошо видѣла, что внукъ оказывалъ въ этомъ случаѣ Басардинымъ предпочтеніе противъ нея, но объ истинной тому причинѣ врядъ ли догадывалась. Обоихъ молодыхъ людей она еще считала за совершенныхъ дѣтей.

Передъ самымъ отъѣздомъ Соня выкинула маленькую и не совсѣмъ, кажется, искреннюю штучку. Оставшись случайно съ теткой вдвоемъ, она вдругъ бросилась къ ней на шею и проговорила:

— Тетенька, простите маменьку!

— Я ничего не имѣю противъ нея,—отвѣчала сухо Биби, и затѣмъ, объявивъ племянницѣ, что бо-тиночки она вышлетъ ей въ городъ съ первую же оказіей, повѣсила ей на шею маленькій образокъ Митрофанія на золотой цѣпочкѣ, но и только!

При разставаньѣ, всѣ пошли первоначально проститься съ старикомъ, который и не уразумѣлъ, что это такое, и по прежнему повторялъ свое: «ну вотъ! ну вотъ!» Биби простилась съ нѣкоторымъ чувствомъ съ однимъ только Петромъ Григорьевичемъ, и сказала ему: «прощай, мой другъ!» Всѣ тронулись. Александръ, на свой щеголеватой тройкѣ, которую мать дала ему въ распоряженіе, поѣхалъ впереди. Онъ упросилъ также съѣсть съ собой и Петра Григорьевича, а паръ его и Митькѣ съ Дарьей вѣдно было ѣхать сзади.

Надежда Павловна, сѣвъ въ экипажъ, дала полную волю своему гнѣву и горю.

— Этакое зелье... змѣя!..—повторяла она нѣсколько разъ.

— Кто это, мамаша, тетенька?—спросила Соня.

— Да,—отвѣчала Надежда Павловна и продолжала: — этакая чертовка... вѣдьма!

Бѣдная женщина такъ была взволнована, что совершенно забыла свой обычно-приличный тонъ и всякую осторожность въ присутствіи дочери.

Морозъ, между тѣмъ, съ закатомъ солнца, страшно свирѣпѣлъ; лошади, сплошь покрытыя инеемъ, бѣжали быстро; полозья скрипѣли, какъ будто бы ѣхали по льду. Кучера, а въ томъ числѣ и флегматическій Митька, безпрестанно соскакивали съ передковъ и бѣжали около човозокъ. Потапъ, забравшись на барское мѣсто, хоть бы чортъ все побралъ, пересталъ ужъ и править лошадьми. У Надежды Павловны, отъ холода и душевныхъ волнений, до сумасшествія болѣла голова. Даже Петра Григорьевича, не смотря на капитальный запасъ собственной теплоты, сильно пробирало. Его потертые медвѣди какъ бы совсѣмъ отказались служить ему. «Шубой тоже называется, шваль этакая!» начиналъ онъ думать съ нѣкоторою досадою.

Такимъ образомъ только два существа были тутъ счастливы. Студентъ, который съ какимъ-то опьянѣнiемъ думалъ, что съ нимъ будетъ сегодня же вечеромъ, и Соня въ своемъ тепломъ салопчикѣ, мечтавшая, какъ и съ кѣмъ она будетъ танцовать на балахъ. Передъ ними обоими мысли разстилались длиною и заманчивою пеленой.

VII.

Блаженнѣйшія минуты.

Басардины всегда останавливались ночевать въ Захарьинѣ у Никиты Семенова, мужика зажиточнаго, нѣсколько дерзкаго и грубаго на языкъ, но правдиваго и рѣшительно всѣхъ своихъ постояльцевъ — и мужика, и барина — одинаково разумѣвшаго.

Въ большой избѣ его была зажжена огромная лучина и не было ни души. Самъ онъ только сейчасъ возвратился съ базару и, въ одной рубахѣ, съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ въ зубахъ, что-то не совсѣмъ ловко возился съ запоромъ, который никакъ не входилъ у него въ скобку. Погнуло ли ее, проклятую, или у самого Никиты косило въ глазахъ, прахъ ее знаетъ!

Хозяйка его, большуха, поила въ коровьей избѣ теленка, который никакъ не хотѣлъ совать морду въ крынку, но; принявъ, наконецъ, ея палецъ за материнскій сосокъ, принялся тянуть молоко. Бабушка-старуха, со внучатами, давно уже спала въ третьей избенкѣ.

Въ окно большой избы громко застучали кнутовищемъ... Никита, услыхавъ это, выглянулъ со свѣчей за калитку и, узнавъ своего стараго пріятеля, сиваго меренка, тотчасъ же отпахнулъ ворота и поднялъ одною рукой длинную подворотню.

— Въѣзжайте! — проговорилъ онъ.

Первый изъ саней выскочилъ Петръ Григорьевичъ: едва снявъ съ себя шапку и сбросивъ свою шубенку, онъ прямо полѣзъ на печь.

— Этавого чорта мороза еще и не бывало, — объяснялъ онъ оттуда, скидая съ себя сапоги и ставя свои ноги на самое горячее мѣсто печи.

Студентъ тоже, самъ не зная какъ, отморозилъ два пальца.

Дарья, совершенно окоченѣвшая отъ холоду, ввела барыню подъ руку. Надежда Павловна сейчасъ же стала распоряжаться о чаѣ. Ее по преимуществу беспокоило, не прозябла-ли Соня; но та только пылала

румянцемъ, и съ ея улыбки и розовыхъ щечекъ какъ бы летѣли мириады амурчиковъ.

— Ничего, мамаша,—говорила она, когда мать вытирала ей лицо холодною водою и совѣтовала не снимать теплыхъ ботинокъ.

— Ничего!.. — повторила Соня и, въ дорожномъ капотцѣ, съ выпущенными бѣлыми зарукавничками, положила ручки на столъ и стала лукаво глядѣть на студента, давно уже помѣстившагося невдалекѣ отъ нея и жадно на нее смотрѣвшаго.

Надежда Павловна, напоивъ молодежь чаемъ, наконецъ вспомнила о мужѣ.

— Гдѣ же Петръ Григорьичъ? — спросила она.

— Я здѣсь... озябъ ужасно, — отозвался тотъ съ печи.

— Какой нѣжный, скажите! — замѣтила ему на это Надежда Павловна.

— Чего нѣжный!.. Шуба нигуда не годится...

Шуба въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще стояла коломъ. Надежда Павловна послала на печку стаканъ чаю, а у самой въ теплѣ такъ разболѣлась голова, что она и сидѣть не могла: вставъ какъ пьяная съ мѣста, она сказала:

— Я пойду, прилягу!

Имъ съ Соней было постлано за перегородкой.

— А ты еще посидишь? — прибавила она, обращаясь къ дочери.

— Посижу! — отвѣчала та.

Надежда Павловна осталась какъ бы въ недоумѣніи нѣсколько минутъ; но потомъ, проговоря «хорошо!» ушла.

Въ этомъ словѣ заключалось цѣлое море материн-

ской нѣжности. Она очень хорошо видѣла, что дочери хочется посидѣть съ студентомъ, и хотѣ, можетъ быть, считала это съ своей стороны не совсѣмъ приличнымъ, но не въ состояннн была воспрепятствовать тому.

Оставшись вдвоемъ, молодые люди нѣсколько конфузлись другъ друга.

— Ахъ, какія у этого господина ужасные усы! — проговорила Соня, показывая на ползшаго по столу таракана.

— А вотъ я его заключу сейчасъ, — сказала студентъ, и обвелъ кругомъ таракана водяную окружность. Тараканъ, дѣйствительно, засовался рыльцемъ туда и сюда, и не могъ ни-откуда выползти.

— Ну что, освободите его! — возразила Соня, и протянула было ручку, чтобъ обтереть воду. Студентъ не допускалъ ее. Руки ихъ встрѣтились.

— Отпустите его! — сказала наконецъ Соня строго и серьезно, и Александръ сейчасъ же ей повинувался.

Послѣ того она обратила вниманнє на висѣвшее передъ образомъ яйцо.

— Ахъ, какое большое яйцо! — сказала она.

— Это, должно быть, лебединое, — объяснилъ ей студентъ.

— Зачѣмъ же оно тутъ виситъ?

— У крестьянъ всегда такъ, — отвѣчалъ Александръ не хотя.

Видимо, оба они говорили совершенно не о томъ, о чемъ бы имъ хотѣлось.

Съ печки въ это время началъ ужъ явственно слышаться храпъ Петра Григорьевича.

— Опустите вашу ручку подъ столъ, — проговорилъ вдругъ Александръ, наклоняясь низко, низко надъ столомъ.

Соня сдѣлала движеніе, чтобы въ самомъ дѣлѣ опустить ручку; но въ это время дверь скрипнула. Молодые люди вздрогнули и пораздвинулись.

Въ избу вошелъ хозяинъ съ еще болѣе всклокоченною головой и бородой и сталъ оглядывать избу.

— Гдѣ ваша дѣвушка-то тутъ? Шла бы ужинать!.. Дашутка! — крикнулъ онъ.

И Дарья дѣйствительно появилась откуда-то изъ за печки, гдѣ она было прикурнула.

— Она была здѣсь! — сказала, закусивъ губки, Соня.

— Да, — прошепталъ и студентъ, не менѣе ея сконфуженнымъ голосомъ.

Дарья однако, ни въ чемъ, кажется, неповинная, смиренно ушла, а Никита не уходилъ.

— Я вотъ все на молодаго-то баринка гляжу, признать никакъ не могу, чей такой? — сказалъ онъ, не спуская съ Александра глазъ.

— Я Аполлинаріи Матвѣеввы Баглановой сынъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Слыхалъ... Папенька-то у тебя вѣдь нынѣ померъ?

— Да!

— Ты самъ-то изъ военныхъ, что ли, али, можетъ, межевой? — продолжалъ Никита, уже садясь на лавку.

Онъ замѣтно былъ выпивши.

— Я студентъ, отвѣчалъ Александръ.

— Въ ученьи еще, значить. По росту-то, словно бы и службу тяпать пора.

— Это все равно, что на службѣ: намъ даютъ два чина.

— За что жь это?

— За ученье.

Никита покачалъ головой.

— Плохо, что-то, паря, ваше ученье-то, — сказалъ онъ, — много тоже вотъ вашей братьи этакихъ проѣзжаетъ изъ кутейниковъ, и изъ дворянства; пустой народъ, кабальный... офицеры не въ примѣръ подбортнѣе будутъ, складнѣе.

Александръ на это счелъ за лучшее только усмѣхнуться.

— Въ женихи, что ли, къ барышнѣ-то ладишь? — не отставалъ отъ него Никита и показывая головой на Сою.

— Нѣтъ, не въ женихи, — отвѣтилъ ему насмѣшливо Александръ.

— Намъ нельзя, мы родня, — подхватила Соня.

— Родня! Ишь ты, а! — произнесъ Никита, какъ бы удивившись. — Коли родня, значить, нельзя теперь.

— Отчего жь? — спросилъ ужь Александръ.

— Въ законѣ не показано.

— Что жь что не показано! Это вздоръ!

— Какъ вздоръ!.. нѣтъ!.. Счастья при томъ не бываетъ. Коли тоже, гдѣ эдакъ вотъ повѣнчаются, такъ опосля, чу! и не спать вмѣстѣ, все врозь... опротивѣтъ! — объяснилъ Никита откровенно, и Богъ знаетъ, до чего бы еще договорился; но въ это время въ дверяхъ показалось лицо Михайлы, кучера Надежды Павловны.

— Что те? — спросилъ онъ его.

— Сѣна-съ! — отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— А не хочешь ли полѣна-съ? — отвѣчалъ ему Никита, впрочемъ сейчасъ же всталъ и пошелъ.

Глядя на его огромную курчавую голову, двухаршинныя плечи и медвѣжью спину, неудивительно было, что онъ куражился надъ прочимъ человѣчествомъ.

— Какой онъ гадкій! — сказала, по уходѣ его, Соня.

— И несносный! — прибавилъ студентъ. Ручки Сони въ это время были подъ столомъ, Александръ и свою протянулъ туда и осмѣлился взять ее за кончики пальчиковъ... Ему отвѣтили полнымъ пожатіемъ. Онъ захватилъ уже всю ручку, и потомъ наклонившись, какъ бы поднять что-то съ полу, поцѣловалъ ее.

— Перестаньте, — шепнула Соня.

— Отчего же? — спросилъ Александръ.

— Такъ, я и то уже сдѣлала три ступени къ пороку, — говорила Соня.

— Нѣтъ, отчего же? — повторилъ студентъ.

Блаженству ихъ не было предѣловъ!

Часто, глядя на казармо-подобные дома городовъ, слыша вѣчные толки о житейскихъ, служебныхъ и политическихъ дразгахъ, глядя по театрамъ на бездарныхъ актеровъ, слушая музыку, которая больше бьетъ васъ по нервамъ, чѣмъ по душѣ, невольно приходилось думать: «гдѣ жъ поэзія въ наше время?» А вотъ гдѣ! На постояломъ дворѣ Никиты Семенова!.. Въ какомъ-нибудь маленькомъ домикѣ, гдѣ молодая мать, съ обнаженной шеей и распущенной косой, глядитъ на своего милаго ребенка: кругомъ ея нищета, а она на небѣ... На небольшой холмъ вышелъ труженикъ мысли, извѣдавшій своимъ разумомъ

и теченіе водъ земныхъ, и ходъ свѣтилъ небесныхъ, а тецерь, съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ глядитъ на закатъ солнца и на окружающій его со всѣхъ сторонъ пурпуръ облаковъ!.. Сонный тацерь въ большой, грязной, но позолоченной комнатѣ играетъ на нестройной рояли; полуцыяныя пары нетвердою поступью танцуютъ холодный и безстрастный канканъ, разбитыя и вышитыя бутылки катаются у нихъ подъ ногами; но тутъ же, въ полусвѣтѣ, рисуется стройный станъ молодой женщины и черный профиль мужчины, и они говорятъ — говорятъ — говорятъ между собой! Посреди этой душной атмосферы винныхъ паровъ, безстыдныхъ и нахальныхъ рѣчей, посреди смрада болѣзни и разврата, ихъ искреннее чувство, какъ чистый оиміамъ, возносится къ небу... Гдѣ поэзія? Выкинуть ее изъ жизни все равно, что выкинуть изъ міра душу, мысль.

Сальная свѣчка, освѣщавшая Соню и студента, очень однако нагорѣла и только-что не гасла. Хралъ Петра Григорьевича раздавался по избѣ. Изъ комнаты Надежды Павловны не слышно было ни звука. Дарья все еще не возвращалась. Молодые люди уже нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятіяхъ и тихо, тихо цѣловались.

— Соня! — окликнула наконецъ мать.

— Сейчасъ, мамаша, — отвѣчала та, и вырвавшись изъ робко распустившихся рукъ Александра, ушла за перегородку, и черезъ нѣсколько минутъ, вся пылающая, но повидимому спокойная, лежала около матери.

Александръ взлѣзъ на полати.

Думали-ли они, что это были послѣднія для нихъ

счастливыя минуты, и что они долго потомъ не сойдутся, а если и сойдутся, такъ далеко не полною рукой будутъ срывать розы счастья, и хорошо еще, если въ душахъ ихъ останутся отъ нихъ лепестки, не разбитые жптейскими бурями и непогодами.

VIII.

Александръ совсѣмъ на небѣ.

Губернскій городъ, по случаю сошедшихся въ одно и то же время баллотировки и рекрутскаго набора, значительно пооживился: на его длинныхъ и заборами исполненныхъ улицахъ стало попадаться, во всевозможныхъ деревенскихъ экипажахъ, много помѣщичьихъ физиономій. По лавкамъ болѣе обыкновеннаго толпились дамы, по большей части полныя и съ закругленными, красноватыми лицами. Петръ Григорьевичъ тоже ѣздилъ по визитамъ, сидя чопорно и прямо на своихъ пошевняхъ, и не съ неуклюжимъ Потапомъ, а съ Михайломъ, и не на саврасой кобылѣ, а на жениной коренной. Легче было бы для этого бѣдняка ворочать жернова, чѣмъ дѣлать то, что заставляла его Надежда Павловна. Хорошо еще, гдѣ говорили: «дома нѣтъ!» а въ другихъ мѣстахъ и принимали.

— Какъ здоровье вашей супруги?.. вашихъ дѣточекъ?—говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, и потомъ, заключивъ все это фразой: «имѣю честь поручить себя вашему расположенію», заканчивалъ тѣмъ свое посѣщеніе.

Потъ уже градомъ катился съ его лба, и мысли его были въ самомъ дурномъ настроеніи.

«Выдумали эти окаянныя баллотировки, съѣзжаются тоже, толкуютъ, бѣснуются, а изъ чего, чортъ знаетъ!» думалъ онъ, подѣвжая къ своей квартиркѣ, которую нанимали они у Покровскаго священника во флигелькѣ.

Въ небольшой комнаткѣ, оклеенной чистенькими обоями и сейчасъ же слѣдовавшей за передней, на небольшомъ кожаномъ диванчикѣ сидѣла Соня. Въ своей утренней блузѣ, съ завитыми въ папильотки волосами, она была олицетворенная прелесть и свѣжесть.

Будь у Петра Григорьевича хоть капля эстетическаго чувства, онъ, возвратясь съ визитовъ и увидѣвъ свою дочурочку, непременно бы почувствовалъ желаніе привлечь ее къ своей груди и расцѣловать ее въ губки, въ глазки, въ голову; но онъ только и есть что робко спросилъ ее:

— А что, мамаша дома?

— Дома, — отвѣчала Соня.

Басардинъ сѣлъ: ему всего бы больше хотѣлось поскорѣй стянуть съ себя проклятый мундиръ, но онъ не смѣлъ этого, не зная, не пошлютъ ли его еще куда-нибудь.

Александръ, обыкновенно забиравшійся къ Басардинымъ съ ранняго утра, былъ тутъ же. Лицо его сіяло счастіемъ. Каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ Соня исполняла его какимъ-то восторгомъ. Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Павловна все хлопотала съ бальнымъ нарядомъ дочери, которая въ этотъ день должна была въ первый разъ выѣхать

въ собраніе: но Соня, напротивъ, оставалась совершенно спокойна, она даже смѣялась надъ хлопотами и безпокойствомъ матери. Будущая пожирательница мужскихъ сердець заранѣе предчувствовала, что выйдетъ оттуда побѣдительницей.

Надежда Павловна, утомленная, нечесанная, наконецъ вышла.

— Что же столъ не наврываютъ? — сказала она усталымъ голосомъ.

Александръ сейчасъ же началъ раскланываться. Чтобы не стѣснять Басардиныхъ въ ихъ хозяйствѣ, онъ никогда не оставался у нихъ обѣдать.

— Adieu! — сказала ему Надежда Павловна, сама хорошенько не помня, что говорить. Соня посмотрѣла на студента съ нѣжностью. Петръ Григорьевичъ пошелъ проводить его до передней.

— Славный конь! — сказалъ онъ, когда Александръ подкривнулъ своего извозчика, на сѣромъ въ яблокахъ жеребцѣ, съ медвѣжьей полостью на саняхъ. Чтобы представить изъ себя вполне губернскаго денди, молодой человекъ не ѣздилъ на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, а нанималъ лучшаго въ городѣ лихача-извозчика. Усѣвшись въ сани и завернувшись нѣсколько по-офицерски въ свою, съ бобровымъ воротникомъ, шинель, онъ крикнулъ: «пошелъ!»

Извозчикъ сразу продернулъ его мимо Басардинскихъ оконъ, причемъ студентъ едва только успѣлъ приложиться рукой къ фуражкѣ, а Соня кивнуть ему черезъ стекло головой.

— Славный конь! славный! — повторялъ ему вслѣдъ Петръ Григорьевичъ. Старый кавалеристъ до сихъ поръ любилъ еще считать себя большимъ знатокомъ

въ лошадяхъ, и врядли это была не единственная вещь, которою онъ гордился въ жизни. Александръ между тѣмъ, черезъ двѣ, три улицы, подѣхалъ къ большому деревянному дому. Это былъ ихъ собственный домъ. Покойный отецъ его былъ какой-то несмѣняемый предсѣдатель уголовной палаты. Онъ-то обыкновенно, изъ сожалѣнія къ Надеждѣ Павловнѣ, выцарапывалъ Петра Григорьевича изъ-подъ суда и считалъ его въ то же время дуракомъ набитѣйшимъ. Въ прежніе годы онъ и побиралъ порядочно; но передъ смертью только и жилъ что въ ѣду и комфортъ. Домъ у него былъ отдѣланъ на барскую руку. Александръ вошелъ съ передняго крыльца. Его встрѣтилъ губернскаго закала мрачный и грязный лакей и, проводивъ барина до кабинета, хотѣлъ было тутъ же подать обѣдать.

— Накрой въ столовой! — сказалъ ему Александръ сколько могъ строго, и лакей, въ насмѣшку ли, или изъ угодливости, размахнулъ тамъ дубовый столикъ, на которомъ прежде обѣдывало человѣкъ по двадцати, покрылъ его длиннѣйшею скатертью и, поставивъ передъ приборомъ миску съ плоховатымъ супомъ собственнаго приготовленія, доложилъ барину: «готово-съ!» Александръ пошелъ и сѣлъ не безъ удовольствія на занимаемое прежде отцомъ его мѣсто.

Припомните, читатель, ваше юношество, первое, раннее юношество! Вы живете съ родителями. Вамъ все какъ-то неловко курить трубку или папирску въ присутствіи вашего отца. Къ вамъ пришли гости, и вы должны идти къ матери, сказать ей: «мама, ко мнѣ пришло двое товарищей, приважите намъ подать чаю наверхъ!» Вамъ на это, разумѣется, ни-

чего не скажутъ, но все-таки, пожалуй, сдѣлаютъ недовольную мину. Вамъ ужасно захотѣлось маленькій голубой диванъ, что стоитъ въ залѣ, перенести въ вашу комнату, и вы совершенно спокойно просите объ этомъ отца, и вдругъ на васъ за это крикнуть... О, какъ вамъ при этомъ горько, обидно и досадно! Но вотъ — родители ваши собрались и уѣхали, и вамъ не только что не грустно объ нихъ, напротивъ, вамъ очень весело! Вы полный господинъ и самого себя, и всѣхъ вещей, и всего дома. Вы съ улыбкой совершеннолѣтняго человѣка ходите по залѣ; посматриваете на шкафъ съ книгами, зная, что можете взять любую изъ нихъ; вы поправляете лампу на среднемъ столѣ, вы сдуваете наконецъ пыль съ окна. Вамъ кажется, что все это ужъ ваше.

То же, или почти то же самое, чувствовалъ и мой девятнадцатилѣтній герой.

— Тамъ въ погребѣ должно быть вино, — сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу повелительный тонъ.

— Есть, — отвѣчалъ лакей протяжно

— Принеси мнѣ бутылку сень-жюльена.

Лакей неторопливо пошелъ и принесъ вино вмѣстѣ съ подгорѣлымъ жаренымъ. Александръ налилъ себѣ цѣлый стаканъ и сталъ изъ него самодовольно прихлебывать.

— Затопи каминъ! — распорядился онъ еще разъ.

Лакей повиновался и, возвратясь, притащилъ цѣлую охапку сырыхъ дровъ.

— Затопи каменнымъ углемъ; развѣ нѣтъ каменнаго угля? воскликнулъ Александръ.

Лакей, на слова не отвѣтивъ, унесъ дрова назадъ, и вмѣсто ихъ принесъ, въ полъ собственнаго сюртука, около пуда угля, и вваливъ все это въ каминъ, принялся, съ раскраснѣвшимся и озлобленнымъ лицомъ, раздувать огонь.

Александръ ушелъ въ кабинетъ, и тамъ, сѣвъ за письменный столъ отца, къ которому прежде прикоснуться не смѣлъ, написалъ записочку.

«Любезный другъ! Я пріѣхалъ, и затѣваю ужасную вещь! Если ты свободенъ, пріѣзжай, поболтать, съ симъ же посланнымъ. Мнѣ нужно обо многомъ съ тобой поговорить.»

Надписавъ на конвертѣ «Венявину», онъ это письмо велѣлъ свезти извозчику, а самъ, надѣвъ бархатный, съ таліей и съ шелковыми кистями, халатъ, нарочно сшитый имъ въ Москвѣ для произведенія въ провинціи эффекта, возвратился въ столовую.

Тамъ огонь уже ярко пылалъ въ каминѣ, зимнія сумерки совершенно потухали, и стекла оконъ сдѣлались какъ бы покрыты сзади сажей. Александръ пододвинулъ къ огню козетку и прилегъ на нее. Окружающіе его предметы все болѣе и болѣе принимали какой-то странный видъ: длинная, отдѣланная подъ дубъ комната казалась безконечною; по ней какъ-то величественно протягивался обѣденный столъ, покрытый бѣлою скатертью. Черный буфетъ рококо имѣлъ какую-то средневѣковую, солидную наружность. Картины на стѣнахъ, изображавшія разрѣзанный арбузъ, дыню, свеклу, мертваго зайца, свиной окорокъ, скорѣй представляли собой какія-то цвѣтныя пятна, чѣмъ опредѣленной формы рисунки. Толстая

драпировка, висѣвшая на дверяхъ въ кабинетѣ, слегка но безпрестанно колебалась.

Александрѣ начало дѣлаться немного страшно. Онъ живо припомнилъ покойнаго отца, какъ тотъ, шлепая туфлями, сходилъ сверху изъ спальни въ кабинетъ, и теперь въ самомъ дѣлѣ, въ корридорѣ, раздались какъ-будто чьи-то шаги... Александрѣ такъ и чудилось, что вотъ-вотъ, надъ головой его раздастся гробовой голосъ!... Онъ еще не былъ чуждъ дѣтскихъ ощущеній. Шаги, наконецъ, явственно стали слышны. Онъ не вытерпѣлъ и закричалъ:

— Семень, кто тутъ?

— Это я, другъ мой милый, произнесъ чей-то необыкновенно добрый голосъ.

Въ комнату входилъ привезенный извозчикомъ Венявинъ, бѣлокурый студентъ, съ широкимъ лицомъ, съ торчащими прямо волосами, и весь какъ бы погнутый напередъ.

— Здравствуй! садись!—произнесъ Александръ, не перемѣняя положенія и несовсѣмъ-успокоившимся голосомъ.

Венявинъ сѣлъ на ближайшее кресло.

— Какъ у тебя тутъ чудесно! Точно какая-нибудь таинственная ниша!—говорилъ онъ оглядываясь.

Александръ молчалъ.

— Ну, скажи, однако, давно ли сюда прибыть изволилъ?

— Дня три.

— Съ нею, значить, ужъ видѣлся?

Последнія слова Венявинъ произнесъ, устремляя на пріятеля лукаво-добродушный взглядъ.

— Разумѣется!—отвѣчалъ Александръ и закинулъ, какъ бы въ утомленіи, голову назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте рассказывать, какъ и что было, — продолжалъ Венявинъ, самоодовольно упирая руки въ колѣни и не спуская съ пріятеля добраго взгляда.

— А было, — отвѣчалъ тотъ (онъ все еще не спускалъ глазъ съ драпировки, которая не переставала шевелиться), — что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя! — прибавилъ онъ съ разстановкой,

Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ!

И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

— Она была, — продолжалъ онъ, закрывая глаза, — грустна, какъ падшій ангель... Только и молила: «что вы со мной дѣлаете!...» Но я былъ бѣшенный! — прибавилъ онъ, сжимая кулаки.

Далѣе Александръ не продолжалъ и, повернувшись внизъ лицомъ, уткнулся головой въ спинку козетки.

— Но гдѣ же и когда это было, безумный ты человѣкъ! — воскликнулъ Венявинъ, старая любопытствомъ и удивленіемъ.

— Въ Захаринѣ, на постояломъ дворѣ, отвѣчалъ Александръ глухимъ голосомъ.

Читатель очень хорошо видитъ, что молодой человѣкъ тутъ лгалъ безбожно, немилосердно! Но что дѣлать? Это была не ложь, а скорѣе черезчуръ разыгравшаяся мечта!

Огонь въ каминѣ, между тѣмъ, горѣлъ красно-

ватымъ пламенемъ. Фантастическому характеру бестѣды сталъ нѣсколько поддавать и Венявинъ: онъ сидѣлъ какъ ошеломленный.

— Я всегда боялся одного, — началъ онъ какимъ-то наставническимъ голосомъ, — что ты увлечешься, надѣлаешь глупостей и погубишь твою даровитую, скажу болѣе, геніальную натуру!

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе, какъ бы говоря непреложнѣйшую истину.

— Но изъ чего ты это видишь? — отозвался Александръ насмѣшливо.

— Изъ всего. И какъ теперь эта дѣвушка ни прелестна, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, но все-таки ты долженъ оставить ее.

Александръ молчалъ и не перемѣнялъ положенія.

— А что же съ ней послѣ будетъ? проговорилъ онъ наконецъ.

О выдуманномъ имъ положеніи онъ разсуждалъ, какъ будто бы это была полнѣйшая дѣйствительность.

Венявинъ пожалъ плечами.

— Пускай винить самое себя, — сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

«Бумъ!» раздалось въ эту минуту.

Александръ взмахнулъ головою.

— Часы, должно быть, — замѣтилъ Венявинъ.

Въ комнатѣ, въ самомъ дѣлѣ, пробили полугодовые часы, заведенные еще рукою покойнаго старика, и Александру почудился въ нихъ его голосъ. Въ какой-то непонятной для него самого тоскѣ, онъ опять прилегъ. Нервы его были сильно возбуждены.

— Что жь, однако, ты намѣреть дѣлать? — не отставалъ отъ него Венявинъ.

— Ничего... Остаюсь здѣсь... Напишу матери и женюсь, — отвѣчалъ Александръ.

— И не кончишь курса?

— Конечно.

Венявинъ схватилъ себя за голову.

— О, безуміе! безуміе! воскликнулъ онъ, и, очень ужь огорченный, всталъ и отошелъ къ окну.

Въ комнатѣ опять воцарилось молчаніе, и только ходилъ не то трескъ, не то шелестъ, который часто бываетъ въ нежилыхъ, пустыхъ покояхъ. На горизонтѣ вдали, какъ бы огромнымъ заревомъ пожара, показывалось красноватое лицо луны.

— Ты этого, другъ любезный, не имѣешь права сдѣлать, бормоталъ Венявинъ, — тебя, можетъ быть, ждетъ министерскій портфель; тебя ждетъ родина, Александръ! Ты передъ ней долженъ будешь дать отвѣтъ за себя.

Говоря это, добрякъ несколько не льстилъ. Онъ былъ товарищъ Александра по гимназій и теперь они вмѣстѣ учились въ университетѣ. Умненькій, красивый изъ себя и получившій нѣсколько свѣтское воспитаніе, Баклановъ рѣшительно казался Венявину какимъ-то полубогомъ.

— Господи, Боже мой! — продолжалъ онъ въ своемъ углу: — сама дѣвушка, если бы только растолковать ей, не потребовала бы этой жертвы. Женщины рождены на самоотверженіе, а не на то, чтобы губить насъ.

Александрю въ это время, передъ его умственнымъ окомъ, представлялось, что Соня уже живетъ съ нимъ

въ этомъ домѣ, и вотъ она, въ бѣлой блузѣ, вся блистающая, входитъ и садится около него на козеткѣ. Онъ чувствуетъ, какъ она прикасается къ нему теплою грудью и съ стыдливимъ румянцемъ шепчетъ ему.

— А что, если она будетъ матерью? проговорилъ онъ вдругъ, оборачивая къ пріятелю лицо.

У того при этомъ волосы и уши заходили на черепъ.

— И въ такомъ случаѣ ты долженъ оставить ее, сказалъ онъ, не шевелясь съ мѣста.

Ему было слишкомъ тяжело произносить эти суровые приговоры; но что дѣлать! — надобно было спасать пріятеля, и спасать еще для блага отечества.

— Хорошо такъ говорить, отвѣчалъ со вздохомъ Александръ. — Семень! — крикнулъ онъ.

Тотъ вошелъ.

— Одѣваться!

— Покажи ты мнѣ ее, я хочу ее видѣть! проговорилъ Венявинъ, выходя наконецъ изъ угла.

Въ томъ, что пріятель, во всей этой исторіи, придыгалъ, онъ и тѣни не имѣлъ подозрѣнія: онъ вѣрилъ въ его силу и могущество во всѣ стороны.

— Поѣзжай сегодня въ собраніе и увидишь, отвѣчалъ Александръ.

— Въ собраніе-то, братецъ, ѣхать какъ-то не того... не привыкъ я!

— Поѣзжай на хоры.

— На хоры еще пожалуй.

Семень въ это время несъ Бакланову его бальную форму.

— Какой видъ, чертенокъ, стройненькій, говорилъ Венявинъ, когда Александръ затягивалъ ремнемъ свои мундирные брюки. — А воротникъ, братъ, чудный! Чудо какъ вышитъ!—любовался онъ.

Все, что принадлежало Александру, Венявину казалось необыкновенно какимъ прекраснымъ.

— Ну такъ прощай! Зайду къ матери и явлюсь, сказалъ онъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ Александръ.

Раздраженно-нервное состояніе въ немъ еще продолжалось. Совсѣмъ уже собравшись и выходя, онъ сказалъ въ передней человѣку:

— Ты ляжешь у меня въ кабинетъ, дворнику тоже вели, какъ и вчера, лечь въ столовой, а кучеру— въ лакейской!

— Кучерь говоритъ, что ему надобно-съ быть около лошадей, — объяснилъ было ему лакей.

— Чтобы чортъ все побралъ! крикнулъ Александръ и сѣлъ въ сани.

На улицѣ луна освѣтила его фигуру, экипажъ, кучера и лошадь яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ.

IX.

Спущень на землю.

Домъ дворянскаго собранія горѣлъ всеми своими двадцатью пятью окнами. Публики ожидалось довольное число. Въ каждую баллотировку обыкновенно говорили: «Ну, сегодня вся Таганка въ собраніе тронется». Дамы высшаго общества, то-есть жены му-

жей пятого класса, за исключеніемъ губернаторши, бывшей тутъ почти по обязанности своей службы, обыкновенно не ѣздили въ эти собранія и даже дамъ и кавалеровъ, бывавшихъ тамъ, называли вторичными кавалерами и вторичными дамами. (Собраніе всегда бывало по вторникамъ.) Надежда Павловна, по своему состоянію могла вывезти дочь только въ собраніе. Бывать же съ ней на балахъ и на вечерахъ она не имѣла ни средствъ, ни знакомствъ.

Проиграли уже ригурнель передъ кадрилию, когда Александръ, съ воодушевленною физіономіей, вошелъ въ залъ, и первое, что взмахнулъ глазами на хоры: добродушное лицо Венявина уже виднѣлось оттуда. Александръ, надѣвъ на носъ *pinse-nez* и закинувъ нѣсколько голову назадъ, началъ обводить глазами залъ: Онъ не былъ близорукъ, но носилъ это орудіе собственно для того, чтобы представить изъ себя чловѣка мыслящаго и занимающагося. Около балюстрады, на самомъ видномъ мѣстѣ залы, онъ увидѣлъ Надежду Павловну съ дочерью; Петра Григорьевича, къ величайшему его блаженству, покинули дома.

Соня, выше почти всѣхъ другихъ дѣвиць, съ развитою вполне грудью (Александръ въ первый еще разъ видѣлъ ее въ бальномъ нарядѣ), въ бѣломъ роскошномъ платьѣ, на которомъ съ удивительнымъ умѣніемъ было брошено нѣсколько розановъ, съ черной косой, въ которую тоже впивались два розана, — весело разговаривала съ высокимъ, стройнымъ полковникомъ въ бѣлыхъ серебряныхъ эполетахъ и съ бѣлымъ аксельбантомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, но какъ бы стремясь къ нему всѣмъ тѣломъ, стояла губернаторша. Начальникъ губерніи, не смотря на

свою гордость, тоже замѣтно старался держать себя невдалекѣ отъ этой группы.

Все это Александра сильно удивило.

Разговаривавшій съ Соней былъ присланный по наборамъ флигель-адъютантъ Корнѣевъ. До какой степени онъ съ первыхъ своихъ шаговъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ дамъ, авторъ даже затрудняется сказать. Отъ большей части дамъ только и слышно было. «У меня былъ Корнѣевъ!» «Корнѣевъ то же рассказывалъ!» «Корнѣевъ говоритъ, что онъ знакомъ съ м-ше Вiардо!» И хорошо еще, если бы въ этомъ случаѣ прекраснымъ поломъ руководствовала любовь къ изящному (Корнѣевъ, дѣйствительно, былъ красивъ собою); но нѣтъ: тутъ лежало въ основаніи гораздо болѣе ничтожное, чтобы не сказать — холопское — чувство.

Когда музыканты заиграли кадрили, Соня преспокойно подала руку флигель-адъютанту и пошла съ нимъ. Это ужъ совершенно озадачило студента. Первую кадрили она еще въ Ковригинѣ обѣщалась танцевать съ нимъ. Нѣсколько сконфуженный, но заложивъ руку за бортъ мундира и выпячивая грудь, онъ гордо подошелъ къ ней.

— Вы обѣщались эту кадрили танцевать со мной, — сказалъ онъ.

— Ахъ, да, pardon!.. Я и забыла... — Ну, ничего, все равно, слѣдующую, проговорила она скороговоркой, и, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ своему кавалеру.

— Да какъ же это! — забормоталъ было Александръ.

— Не могла жь она отказать флигель-адъютанту,

какой ты глупый! — объяснила ему напрямикъ находившаяся невдалекъ Надежда Павловна.

Александръ этимъ окончательно обидѣлся. Сдѣлавъ презрительную мину, онъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. На верхъ, на хоры онъ не смѣлъ и взглянуть, до того ему было стыдно Венявина. Но это было еще начало его мученій. Соня безпрестанно разговаривала съ своимъ кавалеромъ, вскидывала на него свои чудные глаза и мѣшалась въ кадрили. Чтобы не видѣть этого, Александръ отвернулея и съ упорствомъ школьника сталъ смотрѣть на одну точку совершенно въ противоположной сторонѣ.

Наконецъ подали сигналъ ко второй кадрили.

— Надѣюсь, что эту кадрили я съ вами танцую, — проговорилъ онъ ей мрачно.

— Да, — отвѣчала Соня, а между тѣмъ глаза ея кого-то искали по залѣ.

Александръ, ставъ около нея, даже не предложилъ ей стула. Онъ рѣшился быть дерзкимъ съ ней.

— Вы съ такимъ удовольствіемъ танцовали съ вашимъ кавалеромъ. Вотъ я, думаю, рассыпалъ передъ вами перлы ума! — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, онъ премилый, — отвѣчала Соня, какъ бы не понявъ.

Александръ закусилъ губы.

— Я все теперь вспоминаю о Захарьинѣ! — продолжалъ онъ, перемѣнивъ тонъ.

— Что? — спросила Соня, какъ бы не разслышавъ.

— О Захарьинѣ! — повторилъ студентъ и вздохнулъ.

Въ лицѣ Сони промелькнуло что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки, но потомъ она вдругъ вся засіяла

радостію. Къ ней, пробираясь между парами, ловкою, но осторожною походкой, подходилъ Корнѣевъ. Это превышало всякую мѣру терпѣнія. Александръ рѣшился наговорить ему дерзостей, толкнуть его и вызвать на дуэль. Корнѣевъ выразилъ Сонѣ просьбу, чтобъ она представила его матери.

— Ахъ, да, да!—почти воскликнула Соня, и безпрестанно стала обращаться къ нему то со взглядомъ, то съ вопросомъ.

Корнѣевъ отвѣчалъ ей, но стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Александръ никакимъ образомъ не могъ придратъся къ нему.

Послѣ кадрили Корнѣевъ представился Надеждѣ Павловнѣ. У той отъ радости ротъ распространился до ушей. Она улыбалась, кланялась, пылала румянцемъ. На нее Александръ сердился еще болѣе, чѣмъ на Соню. «Презрѣнная тварь, торгующая своей дочерью», шевелилось въ его душѣ.

Между тѣмъ вниманіе блестящаго петербургскаго кавалера къ бѣдной, но прекрасной собою дѣвушкѣ, сейчасъ же возымѣло свои послѣдствія. Отпускной конно-піонеръ, лучший полькеръ въ городѣ, пригласилъ ее на польку. Эффектъ, который Соня произвела при этомъ своимъ высокимъ, граціознымъ станомъ, былъ выше всякаго описанія. Одинъ изъ самыхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, чиновникъ особыхъ порученій и врядъ ли не камеръ-юнкеръ, пригласилъ ее на кадрили, наконецъ самъ губернаторъ провальсировалъ съ нею, причемъ фалды на его армейскомъ заду ужасно смѣшно раздупались. Но Соня и съ нимъ была прелестна. Александръ самъ, своими ушами,

слышалъ, какъ флигель-адъютантъ, ходя съ губернаторшей, говорилъ ей:

— Она первая здѣсь красавица!

— Поздравляю, вы ужь, значить, влюблены,—замѣчала ему та.

— Рѣшительно,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

У Александра не достало болѣе силъ переносить всей этой, по выраженію его, гадости. Онъ вышелъ въ другія комнаты и началъ безъ всякой цѣли шляться около игроковъ. Къ нему подошелъ клубный лакей.

— Васъ просятъ какой-то господинъ на хоры,—сказалъ онъ.

— Скажи, что не пойду,—отвѣчалъ было сначала Александръ съ досадою; но сообразивъ, что это будетъ совсѣмъ ужь неловко, остановилъ лакея.

— погоди, постой! Я пойду!—И дѣйствительно вышелъ на хоры.

Венявинъ встрѣтилъ его тамъ съ своимъ добродушно-улыбающимся лицомъ.

— Которая она? Та, что съ тобой кадрили танцевала?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Александръ.

— Прелесть какая, братецъ, а! Чудо! Дѣлаетъ честь твоему вкусу. Я вотъ, давеча, тебя укорялъ, а какъ теперь посмотрѣлъ на васъ въ парѣ, такъ бы сейчасъ поставилъ васъ подъ вѣнецъ.

Слова эти острымъ ножомъ рѣзали сердце Александра.

— Только за ней что-то флигель-адъютантъ очень ужь пріударяетъ,—продолжалъ Венявинъ.

Александръ ничего не отвѣчалъ.

— Да и она что-то къ нему льнетъ! — не отставалъ мучить его Венявинъ.

— Это все нарочно... маска! — едва нашелся Александръ.

— Воиъ оно что! — произнесъ простодушно добрякъ.

— Я съ ней больше и танцовать не буду, — сказалъ Александръ и, взглянувъ въ это время внизъ и видя, что Соня становится съ флигель-адютантомъ въ мазуркѣ, онъ прибавилъ: — я сейчасъ уѣду домой.

— А я такъ посижу еще, — полюбуюсь ею.

— Любишься, сколько хочешь; а мнѣ, признаться, немножко ужъ это и наскучило! — произнесъ Александръ и пошелъ: въ голосъ его слышалось цѣлое море горя и досады.

Ревность, говорятъ, есть усиленная зависть; въ ней мы — и оплакиваемъ потерянное нами счастье, и завидуемъ, что имъ владѣеть другой.

Возвратившись домой, Баклановъ изрыгалъ проклятья, рвалъ на себѣ волосы, дрыгалъ на постели ногами. Избалованный, а отчасти и по самой натурѣ своей, онъ любилъ страдать шумно.

Х.

В ы б о р ы .

Въ той же самой залѣ, гдѣ безпечная младость танцевала и веселилась, совершалось и серьезное дѣло жизни — баллотировка. Если бы надобно было сказать, какая въ ней преобладала партія, я не заду-

мавшись бы сказалъ: губернаторская. Начальникъ губерніи, обыкновенно очень просто и безъ всякой церемоніи, призывалъ къ себѣ нѣсколько дворянъ повліятельнѣй и прямо имъ говорилъ: «Пожалуста, господа, на такое-то мѣсто выберите такого-то!» И когда выбирали другаго, онъ его не утверждалъ, а если нужно было представить на утверженіе, такъ дѣлалъ такого рода отмѣтки: *неблагонадеженъ, преданъ пьянству и картамъ*; но чаще всего и всего успѣшнѣе опредѣлялъ такъ: *читаетъ иностранные журналы и прилагаетъ ихъ идеи къ интересамъ дворянства*, и выбраннаго, разумѣется, отстраняли. Въ настоящую баллотировку, впрочемъ, все шло благополучно: по уѣздамъ она была кончена, и выбирались губернсвія власти. Около стола губернскаго предводителя толпилось дворянство въ отставныхъ военныхъ, а еще болѣе того въ дворянскихъ мундирахъ. Басардинъ, въ своемъ бѣломъ кирасирскомъ колетѣ, въ своихъ лосинахъ и ботфортахъ, сохраненныхъ имъ еще отъ полковой службы, тоже стоялъ у окна. Лицо его не выражало ничего. Онъ ужъ баллотировался и въ исправники, и въ судьи, даже въ засѣдатели; но никуда не попалъ. Надежда Павловна не помнила себя съ горя, и къ тому же, ко всѣмъ ея радостямъ, получила письмо отъ сына, который начиналъ и оканчивалъ тѣмъ, что просилъ у нея денегъ. «Какъ сынъ русскаго кавалериста, писалъ онъ, я считаю униженнымъ посвятить себя пѣхотной службѣ; а потому хочу выйти офицеромъ въ кавалерію. Прошу васъ, маменька, прислать мнѣ реверсъ, что вы обезпечиваете мнѣ содержаніе.»

— Ну да, я тебѣ дамъ, пришло тебѣ реверсъ,

сынъ русскаго кавалериста! — говорила бѣдная женщина, чуть не рвя на себѣ волосы.

Мужа своего она не могла видѣть безъ нервнаго раздраженія. Чтобы испытать послѣднее и почти безнадежное средство, она велѣла ему баллотироваться въ депутаты въ дорожную комиссію, и сегодня, ради этого, еще до свѣту разбудила его и отправила. Такимъ образомъ Петръ Григорьичъ, въ мундирѣ и ботфортахъ, съ семи часовъ утра, стоялъ уже въ собраніи! Когда онъ заявилъ о своемъ желаніи баллотироваться, губернской предводитель даже усмѣхнулся.

— Вездѣ и на все считаете себя способнымъ, — проговорилъ онъ.

— Не оставьте! — сказалъ какъ-то односложно Басардинъ и отошелъ на свое мѣсто.

При баллотированіи его, вышелъ такого рода случай, что бѣольшая часть, кладя ему шары, думали: «этому дуралею всѣ вѣроятно положить налѣво, положить ужъ ему направо.» Другіе подсыпали ему бѣлковъ по добротѣ душевной, имѣя привычку всѣмъ власть бѣлые шары; третьи, наконецъ, вотпровали за него, чтобы какъ-нибудь не выскочилъ на это мѣсто его конкуррентъ, прощальна Колоколовъ.

Губернской предводитель, сосчитавъ шары, звучнымъ, но не лишеннымъ удивленія голосомъ, произнесъ:

— Г. Басардинъ выбранъ и все почти бѣлыми.

При этомъ многіе не могли удержаться и, разведя руками, проговорили другъ другу: «Вотъ вамъ и баллотировка наша!»

Самъ же Петръ Григорьевичъ, все продолжавшій

стоять у окна, слегка только вспыхнулъ и, расклянчившись передъ дворянствомъ, объяснилъ:

— Постараюсь заслужить...

— Да, да, постарайся, Петруша! — замѣтилъ ему Неплюевъ, сосѣдъ его по деревнѣ и совершенно безъ церемоніи съ нимъ обращавшійся: — прежде только пять дураковъ тебѣ клали направо, а теперь набралось ихъ пятьдесятъ. Слава Богу, совершенствуемся!

Общій хохотъ распространился по залѣ; но Петръ Григорьевичъ нисколько этимъ не обидѣлся, и самъ улыбался. Онъ, кажется, хорошенько и не понялъ, въ чемъ тутъ соль-то заключалась, и затѣмъ спокойнѣйшимъ манеромъ достоявъ всю баллотировку, сошелъ съ лѣстницы степенною, неторопливою походкой, сѣлъ въ свои розвальни и прибылъ домой.

— Выбрали... въ депутаты въ комисію, — сказалъ онъ совершенно невзволнованнымъ голосомъ.

— Боже мой! — вскрикнула Надежда Павловна и, истерически зарыдавъ, бросилась передъ образомъ на колѣни. — Благодарю тебя, Царица Небесная!.. Благодарю, Иисусе Христе, что не далъ несчастнымъ совершенно погибнуть!... — бормотала она, всплескивая руками, и потомъ обратилась къ мужу: — Да встань и ты, помолись, безчувственный ты человекъ!

Петръ Григорьевичъ повиновался. Ставъ на одно колѣно и дѣлая, по обыкновенію своему, маленькія крестныя знаменія, онъ началъ молиться.

Соня, слышавшая все это изъ сосѣдней комнаты, тоже прибѣжала.

— Мамаша! Папаша, вѣроятно, выбранъ! — вскричала она.

• Последніе дни она еще какъ-то больше развилась, и стала совершенно похожа на взрослую дѣвицу.

— Выбранъ, другъ мой, выбранъ!—отвѣчала Надежда Павловна, а у самой слезы такъ и текли по впалымъ щекамъ.

Мать и дочь бросились другъ другу въ объятія. Соня послѣ того бросилась на шею отцу. Петра Григорьевича наконецъ пробрало, и у него навернулись слезы.

— Ну, папаша, смотри же, служи хорошенько!—говорила ему Соня.

— А вотъ я напередъ говорю,—сказала Надежда Павловна: — что если онъ и въ этой должности что-нибудь набѣдокуритъ или проротозѣйничаетъ, я разойдусь съ нимъ... Пускай живетъ гдѣ захочетъ и на что захочетъ.

— Я буду служить,—отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Тамъ вонъ, говорятъ,—продолжала Надежда Павловна настоятельно: — берутъ съ cadaго подрядчика по десяти процентовъ, и этихъ доходовъ спускать нечего; другіе не попадаютъ же, и ты попадаться не долженъ.

— Я буду не упускать,—отвѣчалъ и на это пятидесятилѣтній ребенокъ, и принялся стягивать съ себя свой мундиръ.

— Постой, папа, я тебѣ помогу,—говорила Соня, очень уже довольная, что отецъ выбранъ, и что она останется въ городѣ.

— Ф-фу! хомуть проклятый,—говорилъ Петръ Григорьевичъ, съ наслажденіемъ разстегивая свой, черезчуръ ужъ узкій ему, мундиръ.

Затѣмъ послѣдовала довольно умплительная сцена.

— Людямъ дать водки!.. водки! — говорила радостно-хлопотливо Надежда Павловна, и потомъ, когда въ комнату пришла Дарья, она сказала ей:

— Дура!... Дарья!.. барина на службу выбрали!

— Вотъ, матушка! — отвѣчала та, и почему-то поцѣловала у Петра Григорьевича руку.

Послѣ обѣда Надежда Павловна предложила мужу отдохнуть на ея постели, а сама отъ волненія не знала, гдѣ ужъ себѣ и мѣсто найти; Петръ Григорьевичъ, конечно, сейчасъ же этимъ воспользовался и отхватилъ часовъ до девяти. Во все это время, Надежда Павловна и Соня, чтобы не разбудить его, разговаривали между собой шепотомъ: такого почета отъ семьи онъ во всю жизнь свою еще не видалъ.

ХІ.

Герой теоретикъ и героиня практикъ.

Наболѣвшее сердце не долго вѣрить счастью. Надежда Павловна на другой же день начала влохтать и охать: «Ну, какъ Петра Григорьяча губернаторъ не утвердить... Ну, какъ онъ ужъ кого-нибудь имѣеть на это мѣсто...»

Сонѣ, наконецъ, наскучило это.

— Я самого его, мамаша, попрошу, — сказала она.

— Что ты попросишь?.. — возразила ей мать съ досадой.

Петръ Григорьевичъ тоже попробовалъ было успокоить жену; но на него она прямо прикрикнула:

— Хоть ты-то ужь не говори!.. Вонъ, на дворъ: день или ночь? Видишь ли хоть это-то!

Въ это время Соня вдругъ проговорила: «ай, мамаша!»— и убѣжала.

Надежда Павловна, взглянувъ въ окно, тоже начала проворно поправлять на себѣ чепецъ и накинула на плечи свой единственный нарядный синелевый платокъ. Къ крыльцу ихъ подъѣзжалъ, на щегольской парѣ предсѣдателя казенной палаты, флигель-адъютантъ. Онъ въ первый еще разъ дѣлалъ имъ визитъ, хотя въ собраніи и на балахъ съ одною Соней только и танцевалъ.

Войдя въ пріемную комнату и видя, что Надежда Павловна перекидываетъ съ дивана за ширмы какую-то ветошь, Корнѣевъ нѣсколько сконфузился.

— Pardon! — сказалъ онъ своимъ слегка-картавымъ голосомъ.

— У насъ такая маленькая квартирка... По случаю баллотировки не могли найти лучше...—отвѣчала Надежда Павловна, сгарая отъ стыда, и потомъ, пригласивъ гостя садиться, сама помѣстилась на диванѣ.

По тому, какую она приняла позу, какъ завернулась въ свой синелевый платокъ, можно было видѣть, что когда-то и она была, или, по крайней мѣрѣ, готовилась быть свѣтскою женщиной: въ ея сухощавомъ тѣлѣ было что-то аристократическое, — свойство, которое наследовала отъ нея и Соня.

Петръ Григорьевичъ, между тѣмъ, помня военное правило, что чинъ чина почитаетъ, продолжалъ стоять навытяжку, такъ что Корнѣевъ замѣтилъ это и, пододвигая ему стулъ, проговорилъ: «Пожа-

луста!» Петръ Григорьевичъ сълъ, но все-таки продолжалъ держать себя прямѣ обыкновеннаго.

— M-lle Sophie?—обратился Корнѣевъ къ Надеждѣ Павловнѣ.

— Она сейчасъ выйдетъ!—отвѣчала та, и продолжала уже съ грустію: — мужа моего выбрали въ депутаты въ комиссію, и теперь мы въ такой, право, нерѣшительности: не знаемъ, утвердить ли губернатора, или нѣтъ!

— Отчего же? Имъ такъ нравится m-lle Sophie!—возразилъ Корнѣевъ.

— Да; но...—произнесла Надежда Павловна

— Если позволите, я ему скажу,—присовокупилъ Корнѣевъ.

-- Ахъ, пожалуйста! — воскликнула Надежда Павловна униженно-просительскимъ тономъ.

— А вы въ первый еще разъ мѣняете шпагу на перо?—обратился Корнѣевъ къ Петру Григорьевичу.

— Нѣтъ, онъ ужъ нѣсколько разъ служилъ въ штатской службѣ,—поспѣшила отвѣтить за мужа Надежда Павловна.

Она боялась, что онъ, пожалуй, не пойметъ фразы флигель-адъютанта.

— Но все какъ-то не могу привыкнуть! — объяснилъ самъ Петръ Григорьевичъ.

— О, да!—согласился Корнѣевъ.

Вошла Соня. Трудно понять, когда она успѣла поправить свой туалетъ, а главное, какъ-то удивительно эффектно завернуть свою толстую косу подъ одну гребенку.

— Bonjour! — сказала она развязно и, пройдя за столомъ мимо матери, сѣла рядомъ съ гостемъ.

Корнѣевъ сначала какъ бы не находился.

— А что м-ше Михрѣва будетъ у губернаторши на балѣ? — спросила его Соня.

— Не думаю, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами: — по крайней мѣрѣ Марья Николаевна (имя губернаторши) очень не любитъ, когда она у нея бываетъ.

Соня нарочно намекнула на эту даму, имѣвшую привычку влюбляться во всѣхъ даже генеральскихъ адъютантовъ и теперь безбожно ухаживавшую за Корнѣевымъ.

— Вообразите, говорятъ, она каждое воскресенье ѣздитъ къ архимандриту въ гости... прилично ли это? — повторила за дочерью Надежда Павловна.

Корнѣевъ на это молча улыбулся: не любилъ-ли онъ сплетенъ, или вообще насмѣшливый разговоръ считалъ не совсѣмъ приличнымъ для общества, но только каждый разъ, когда губернскія дамы начинали его очень сильно пробирать по этой части, онъ обыкновенно принимался крутить усы и произносить скорѣе какіе-то звуки, чѣмъ слова.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Соня какъ-бы вдругъ встрепенулась вся и подвинулась на диванъ. Къ нимъ подъѣзжалъ, тоже на щегольской сѣрой лошади, новый гость, Александръ. Увидѣвъ въ передней ильковую военную шинель, онъ позеленѣлъ отъ досады. Войдя, онъ небрежно поклонился хозяевамъ и сѣлъ.

Бѣдный мальчикъ не въ состояніи былъ скрыть волновавшихъ его чувствованій.

— Что вы у насъ такъ давно не были? спросила его Соня.

— Я былъ боленъ.

— Чѣмъ?

— Такъ, ничѣмъ!.. Какъ васъ это беспокоитъ!..— отвѣчалъ Александръ и такимъ тономъ, что всѣ, не исключая и Петра Григорьевича, посмотрѣли на него, а Соня сейчасъ же отвернулась и начала говорить съ Корнѣевымъ.

— Покажите, пожалуйста, фокусъ, который вы показывали у Марьи Николаевны... Я никакъ не могла рассказать его мамашѣ.

— Ну, что!—возразилъ Корнѣевъ, потупля глаза.

— Пожалуйста!—повторила Соня.

— Но надобно карты.

Надежда Павловна сейчасъ же пошла и принесла карты.

Корнѣевъ съ улыбкою разложилъ ихъ въ формѣ четвероугольника на восемь кучекъ, по три карты въ каждой.

— Тутъ девять... тутъ, тутъ и тутъ! — пересчиталъ онъ ихъ своимъ красивымъ пальцемъ.—Беру четыре карты и перекладываю такъ: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!

Мать и дочь съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Петръ Григорьевичъ тоже смотрѣлъ на фокусъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ.

— Возвращаю прежнія четыре карты, — продолжалъ Корнѣевъ: — и прибавляю къ нимъ еще четыре, перекладываю и считаю: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!..

— Но какъ же это? — воскликнула какъ бы вышедшая наконецъ изъ терпѣнія Надежда Павловна.

— Удивительно! — сказала Соня.

— Прибавляю къ этимъ картамъ еще восемь,—

продолжалъ удивлять ихъ Корнѣевъ:—раскладываю и считаю: девять, девять и девять.

— Вы зачѣмъ боковыя-то считаете по два раза?.. Ужасно какъ замысловато!.. — вмѣшался вдругъ въ разговоръ Александръ. Голосъ его былъ, въ одно и то же время, голосомъ разъяреннаго тигра и цыпленка. Корнѣевъ ничего не отвѣчалъ ему, а Соня и Надежда Павловна потупились; но Петръ Григорьевичъ окончательно дорѣзалъ молодого человѣка.

— Давно ли вы получали письма отъ вашей маменьки? — спросилъ онъ его вдругъ.

— Давно-съ... я самъ къ ней завтра ѣду... — отвѣчалъ грубо Александръ.

Соня при этомъ вскинула на него свои глаза, и нѣсколько времени не спускала ихъ съ него... Вскорѣ потомъ Корнѣевъ взялся за каску и поднялся: всѣ хозяева устремились къ нему.

— Если Марья Николаевна уже поѣдетъ кататься и заѣдетъ за вами, вы примете участіе въ нашемъ *partie de plaisir*?—сказалъ онъ Сонѣ.

— Да,—отвѣчала та, выпрямляясь своимъ стройнымъ станомъ и складывая ручки на груди.

— Она сочтетъ это за счастье для себя!—подхватила Надежда Павловна. «Дочь поѣдетъ кататься съ губернаторшей; право, недурно для первыхъ разовъ!» подумала она въ припадкѣ материнскаго честолюбія.

По отъѣздѣ Корнѣева, Александръ тоже всталъ, у него готовы были слезы брызнуть изъ глазъ, такъ что Надежда Павловна, врядъ ли не догадавшаяся объ его чувствахъ къ дочери, сжалилась надъ нимъ.

— Куда же вы?.. Оставайтесь обѣдать,—сказала она, когда онъ брался за фуражку.

— Оставайтесь, — повторила и Соня.

Студентъ, при этомъ магическомъ голосѣ, не могъ устоять. Рука его какъ бы невольно опустила фуражку, и онъ сѣлъ. За обѣдомъ онъ протянулъ было ногу, чтобы, по обыкновенію, пожать ею ножку Сони, и уже коснулся конца ея башмака; но ножку сейчасъ отняли. Вообще, Соня была замѣтно церемонна и только послѣ стола, когда они остались вдвоемъ, она сказала Александру:

— Зачѣмъ вы такъ скоро уѣзжаете?

— Что жъ мнѣ здѣсь оставаться... очень весело!

— А, такъ вамъ скучно здѣсь; я и не знала! — сказала жестокая дѣвочка-

У Александра дыханіе застывало.

— Не всѣмъ здѣсь такъ весело, какъ вамъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Соня грустно усмѣхнулась.

— Желаю вамъ, — продолжалъ онъ, снова берясь за фуражку: — выйдти замужъ, народить кучу дѣтей...

— Ну, да, выйду замужъ, нарожу кучу дѣтей, — повторила за нимъ Соня.

— Adieu! — сказалъ Александръ, и когда Соня подала ему ручку, онъ крѣпко сжалъ ее и проговорилъ нѣсколько трагическимъ тономъ: — *если я не найду въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ.*

— Не понимаете вы меня! — сказала ему на это со вздохомъ Соня.

Александръ шибко хлопнулъ дверьми и ушелъ.

Черезъ минуту сѣрый рысакъ пронесся мимо окна, съ сѣдокомъ.

Соня сѣла. На глазахъ ея навернулись слезы.

Это были первыя розы, которыя она вырвала изъ своего сердца!

XII.

Взоръ героя устремляется въ другую сторону.

Возвратясь домой, Александръ увидѣлъ, что дорожный экипажъ его былъ ужъ вывезенъ изъ сарая, а въ комнатахъ онъ засталъ Венявина.

— Помилуй, братецъ, — говорилъ тотъ, топорщась, по обыновенію, волосами и руками: — послѣ того пріятнаго вечера... ужъ именно пріятнаго, за который я тебѣ душевно благодаренъ!.. (при этомъ онъ пожалъ у пріятеля руку) я захожу къ тебѣ разъ, два... дома нѣтъ... Самъ тоже не присылаешь...

Александръ нарочно не посылалъ и не принималъ Венявина. Ему казалось, что тотъ непременно замѣтилъ его униженіе въ собраніи.

— Я сейчасъ совсѣмъ уѣзжаю, — сказалъ онъ, садясь въ мрачной позѣ.

— Какъ такъ? А разныя эти намѣренія и планы? — сказалъ Венявинъ, изобразивъ изъ всей своей особы удивленіе.

Александръ грустно усмѣхнулся.

— Какіе тутъ планы! Такія пошлости и гадости пошли!

— Что такое? — спросилъ Венявинъ.

— Мать тутъ все кутитъ и мутитъ, — отвѣчалъ Александръ. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что причиною всему была Надежда Павловна.

— Да кого же, какого еще чорта имъ послѣ этого надобно? Ахъ, они дураки этакіе! свиньи!.. Извини меня, пожалуйста! — вспылилъ Венявинъ.

Александръ сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость.

— Родители! — началъ онъ какъ бы самъ съ собой. — Для собственнаго своего удовольствія, можетъ быть, вслѣдствіе выпитой лишней рюмки вина, они родили меня и, по чувству инстинктивной привязанности, выкормили... Да это всё животныя, всё самки имѣютъ къ своимъ птенцамъ, и за это мы должны всю жизнь имъ повиноваться, уважать ихъ!..

— Именно такъ! — подтвердилъ Венявинъ.

Изъ угожденья пріятелю, онъ не прочь былъ и повольнодумничать.

— Что-жь, неужели она такъ-таки совершенно и подчинилась матери? — прибавилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— Разумѣется! показали ей впереди пряникъ съ сусальнымъ золотомъ, и побѣжала за нимъ.

— Да, вонъ онѣ, женщины-то! Всѣ вотъ онѣ тутъ, какъ на ладони! — воскликнулъ Венявинъ. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, пожимая плечами: — все-таки нельзя ихъ не любить!

Интересно было бы знать, кого этотъ добрякъ не любилъ, начиная съ своего чернаго, съ отбитымъ задомъ, пуделя до старухи матери, къ которой онъ каждую вакацію, святки, святую, на послѣдніе свои грошишки, пріѣзжалъ повидаться.

— Печалиться тутъ нечего... я даже радъ, что такъ случилось, — утѣшалъ онъ Александра.

— Я и не печалюсь, — отвѣчалъ тотъ: — я въ

жизни столько перенесъ, что однимъ больше и однимъ меньше щелчкомъ отъ судьбы — разница не большая.

Какіе Александръ получалъ отъ судьбы щелчки, это одному ему было извѣстно!

— Я знаю, что ты сила! — поддакнулъ пріятель. Вошелъ мрачный лакей.

— Лошади готовы-съ, — проговорилъ онъ.

Александръ всталъ и сейчасъ же сталъ одѣваться. Ему поскорѣй хотѣлось оставить этотъ городъ, Соню и даже Венявина.

— Прощай, другъ любезный! — говорилъ тотъ съ чувствомъ.

— Прощай! — отвѣчалъ Александръ скороговоркой и, сѣвъ въ повозку, торопливо и небрежно мотнулъ пріятелю головой.

— Да, этотъ человекъ сила! — повторилъ тотъ еще разъ самъ съ собою.

Баклановъ между тѣмъ быстро проѣзжалъ одну за другой улицы роднаго города, и чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ больше появлялось въ окнахъ огней. Когда онъ выѣхалъ за заставу, небо совершенно вызвѣздилося; кругомъ была безконечная снѣжная поляна; въ воздухѣ, наполненномъ мелькающимъ снѣгомъ, стали обрисовываться точно очерки какихъ-то фигуръ; колокольчикъ отъ быстрой ѣзды заливался не переставая.

Александрю было досадно и грустно.

Онъ усиленно старался думать о Москвѣ, о томъ какъ въ сѣренькомъ домикѣ, въ сѣренькомъ залѣцѣ, онъ съ панной Казимірой, дочерью хозяйки, подыгрывалъ ея матери на плоховатомъ фортепіано, тан-

цуетъ вальсъ, и Казимира держитъ на него нѣжно-нѣжно устремленными свои голубые глаза, наконецъ онъ сажаетъ ее, и самъ, ставъ противъ нея, замѣтно кокетничаетъ всею своею фигурой, а Казимира сидитъ въ робкой и грустной позѣ.

Баклановъ торжествуетъ и смѣется въ душѣ.

Соня, такимъ образомъ, отодвинулась болѣе чѣмъ на задній планъ.

У молодости никогда нельзя взять всего: богатства ея въ этомъ случаѣ неистощимы!

ХІІІ.

На распутьи.

У губернаторши, по случаю отъѣзда флигель-адъютанта въ Петербургъ, собственно для него и для самыхъ близкихъ ему знакомыхъ, былъ назначенъ вечеръ. Въ наугольной комнатѣ, обитой голубыми бархатными обоями и убранной двумя огромными горками съ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, сидѣла Соня. Последнее время она рѣшительно сдѣлалась царичею всѣхъ баловъ и сѣздовъ: въ настоящій вечеръ конно-піонеръ вертѣлся передъ ней, какъ флюгеръ; нѣкто князь Шлепкохвостовъ убѣждалъ для нея за мороженымъ; наконецъ самъ хозяинъ, въ разстегнутомъ на распашку генеральскомъ сюртукѣ, помыщался все время около нея и какъ-то кровожадно на нее смотрѣлъ. Соня пріѣхала на вечеръ безъ матери: Надежда Павловна, сшившая дочерп седьмое платье, не имѣла на что купить ни башмаковъ, ни

перчатокъ. Чистое, ясное чело моей героини было, на этотъ разъ, омрачено легкимъ облачкомъ грусти. Въ городѣ про нее Богъ знаетъ что ужъ рассказывалось. Даже въ этомъ самомъ обществѣ двѣ дамы, одна блондинка, съ ангелоподобнымъ лицомъ, а другая шатенъ, тоже съ чрезвычайно благообразною физиономіей, ходившія вдвоемъ по большой залѣ, изливали про нее такого рода ядъ, что будто-бы она ѣздила къ флигель-адъютанту на квартиру. Но это было совершенно несправедливо: къ нему дѣйствительно пріѣзжала — только не она, а m-me Михрѣва, которая какъ ни какъ, и хотъ на короткое время, но успѣла овладѣть петербургскимъ гостемъ. Соня же дѣлала гораздо болѣе невинныя вещи. Она ему говорила:

— Вотъ вы увѣжаете въ Петербургъ, оставляете здѣсь насъ бѣдныхъ.

— Что дѣлать! — отвѣчалъ Корнѣевъ, пожимая плечами.

Соня при этомъ отъ досады пристукивала слегка и незамѣтно ножкой. Она видѣла, что этотъ чловѣкъ неравнодушенъ къ ней и отдѣлывается фразами.

— Жалко ли вамъ здѣсь кого-нибудь?.. Пожалуйте ли вы кого-нибудь? — спрашивала наконецъ она его.

— Я буду жалѣть всѣхъ моихъ знакомыхъ, — отвѣчалъ и на это Корнѣевъ.

Соня сегодня пріѣхала съ надеждой, что неужели же онъ и при прощаньѣ не скажетъ ей чего-нибудь: общается, можетъ быть, опять пріѣхать; но Корнѣевъ цѣлый вечеръ игралъ въ карты и съ дамами почти не разговаривалъ.

— Яковъ Назарычъ здѣсь?—спросила наконецъ Соня конно-піонера.

— Здѣсь-съ.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Въ карты играетъ съ Корнѣевымъ.

— Променадъ, вѣроятно, желаете сдѣлать?—сказалъ ей начальникъ губерніи, тоже вставая и идя за ней.

— Да,—отвѣчала Соня, обертываясь къ нему съ улыбкой.

Яковъ Назаровичъ Ленева былъ богатый подгородный помѣщикъ, холостякъ. У него были своя музыка, псовая охота, домъ огромный. Не выѣзжая шагу изъ своей губерніи, онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ какъ постоянно служилъ то предводителемъ, то попечителемъ разныхъ учебныхъ заведеній, а между прочимъ и того пансіона, въ которомъ училась Соня.

По наружности своей, Ленева былъ коротенькій, кругленькій толстячокъ, не столько съ старческимъ, сколько съ дряблымъ лицомъ, съ маленькими красивыми руками. Всегда почти во фракѣ, съ огромнымъ солитеромъ на пальцѣ, онъ ходилъ, слегка притрахиывая животомъ, и тяжело сопѣлъ, когда сидѣлъ на мѣстѣ.

Соня подошла къ нему и стала около него, такъ что очутилась прямо противъ Корнѣева.

— Дѣдушка, вы въ каретѣ пріѣхали?—спросила она Ленева.

— Въ каретѣ-съ.

— Вы возьмете меня?

— Съ величайшимъ блаженствомъ.

— А вы дорогой меня не скушаете?

— Нѣтъ, не скушаю,—отвѣчалъ Ленева, и покраснѣлъ.

Онъ, говорятъ, когда еще Соня находилась въ пансіонѣ, былъ влюбленъ въ нее и даже дѣлалъ объ этомъ декларацию одной классной дамѣ.

Во весь этотъ разговоръ Корнѣевъ хоть бы разъ приподнялъ глаза отъ картъ, какъ-будто бы все его состояніе было поставлено на нихъ.

Соня отошла и пошла къ губернаторшѣ.

— Марья Николаевна, дайте мнѣ конфетку, хорошенькую, хорошенькую,—говорила она, какъ избалованный ребенокъ.

— Изволь, моя милочка, изволь!—отвѣчала та, подавая ей изъ стоявшихъ на столѣ конфетъ самую лучшую. (Марья Николаевна была очень добра женщина).

— Не хотите ли потанцевать? Я сейчасъ пошлю за музыкантами,—спросилъ любезно губернаторъ.

— Ахъ, да... или нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Соня.

Какъ ни старалась она скрыть, но она замѣтно была грустна. Корнѣевъ сталъ сбираться. Онъ, почти по родственному, распрощался съ Марьей Николаевной, взялъ отъ нея нѣсколько порученій въ Петербургъ; съ губернаторомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и долго съ нимъ разговаривалъ шепотомъ; но Соня только мимоходомъ, и то какъ-то разсѣянно, сказалъ: «Adieu, mademoiselle!»

— Adieu!—отвѣчала она ему, не вставая и не подавая руки: «дуракъ!» подумала она про себя, когда скрылся за драпировкой кончикъ его сабли.

Корнѣевъ, впрочемъ, также небрежно поклонился

въ залѣ и другимъ дамамъ. Онъ, по самой натурѣ своей, былъ нѣсколько фатъ.

— Дѣдушка, что же вы?—прикрикнула Соня на Ленева, который тыкался изъ угла въ уголь и искалъ шляпы.

— Готовъ-съ, ожидаю,—произнесъ онъ наконецъ.

Соня начала прощаться съ Марьей Николаевной.

— Смотрите же, доведите ее у меня бережно! говорила та, грозя Ленеvu пальцемъ.

— Пять вѣдь лѣтъ ужъ няньчился съ ней въ пансіонѣ, — отвѣчалъ тотъ дребезжавшимъ голосомъ.

— Ну, ужъ нечего сказать: хорошу и выняньчили, — сказала Соня, сходя съ лѣстницы и мило потряхивая головкой.

— Еще бы не хорошу! Ну можетъ ли быть что-нибудь прелестнѣе этого личика! — говорила Марья Николаевна, смотря сверху, когда Соня надѣвала капоръ.

— Да! — подтвердилъ и начальникъ губерніи.

Яковъ Назаровичъ отъ удовольствія и отъ стыда весь горѣлъ румянцемъ. Когда они сѣли въ карету, Соня помѣстилась въ одинъ уголь, а Ленеvъ придвинулся въ другой.

— У васъ это свои лошади, Яковъ Назарычъ? спросила Соня.

— Свои.

— А что вы за нихъ заплатили?

— За пару три тысячи.

— Ахъ, какія славныя! Какъ бы я желала имѣть такихъ.

Яковъ Назаровичъ на это ухмыльнулся.

— Какъ здоровье вашей маменьки?—спросилъ онъ.

— Такъ себѣ... все она въ хлопотахъ: папенька... вы знаете что онъ можетъ... Вотъ онъ служить теперь будетъ, а какъ, еще Богъ знаетъ!

— Да!—произнесъ Яковъ Назаровичъ съ грустью.

Онъ рѣшительно не догадывался, къ чему плутовочка вела разговоръ.

— Право,—продолжала Соня, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—сейчасъ бы вышла замужь, только бы у жениха состояніе было.

— Даже бы и за старика?

— Что жъ таксе старикъ!.. Стариковъ я люблю еще болѣе, чѣмъ молодыхъ.

Карета въ это время подъѣхала къ квартирѣ Басардиныхъ.

— Что вы, дѣдушка, никогда къ намъ не заѣдете? Какой вы, право! — говорила Соня, отворяя дверь.

— Обезпокоить боюсь.

— Чего беспокоить!.. Приѣзжайте хоть завтра... послѣ-завтра, когда хотите,—говорила она, уходя.

— Непремѣнно-съ, — отвѣчалъ Ленева съ какимъ-то восторгомъ, и, откинувшись на задокъ кареты, поѣхалъ домой.

Надежда Павловна, какъ обыкновенно, не спала и дожидалась дочери. По выраженію ея лица, она сейчасъ же замѣтила, что та была не въ духѣ.

— Ты устала? спросила она ее съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Соня, садясь и закидывая голову на спинку кресель. — Корняевъ совсѣмъ распрощался... завтра уѣзжаетъ...—прибавила она послѣ короткаго молчанія.

— Ну и что же? — спросила, съ полуулыбкой, Надежда Павловна.

— Разумѣется, ничего!— отвѣчала Соня тоже съ улыбкой.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Меня сюда Ленева подвезъ!— сказала Соня, какъ бы къ слову.

— А,—пропзнесла Надежда Павловна не безъ удовольствія:— славнѣй онъ человекъ! — прибавила она.

— Отличный!— подтвердила Соня, и пошла раздѣваться.

Личико ея снова повеселѣло и точно говорило: «ничего поправимся!»

XIV.

Милый мальчикъ.

Ужь разсвѣтало. На почтовой станціи, послѣдней передъ губернскимъ городомъ, въ сырой, холодной комнаткѣ, по искривленному полу ходилъ молодой офицеръ, въ прапорщичьихъ эполетахъ, въ лѣтнихъ калошахъ и въ весьма легко подбитой ватой, съ холоднымъ воротникомъ, шинели. На столѣ стоялъ кипящій самоваръ, чашки и раскрытый чайникъ, но ни чаю, ни сахару не было... Въ углу видѣлась мрачная физиономія станціоннаго старосты, въ бараньемъ тулупѣ и съ тѣмъ злымъ лицомъ, которое обыкновенно бываетъ у непроспавшихся, съ похмѣлья, мужиковъ. Онъ съ пренебреженіемъ клалъ на столъ подорожную.

— Какъ ты смѣешь не давать мнѣ лошадей!— говорилъ офицеръ горячась.

— Кто не даетъ? Вамъ даютъ... Давайте деньги-то!—отвѣчалъ ему настойчиво мужикъ.

— Деньги, говорятъ тебѣ, мерзавецъ, что тамъ отдадутъ...

Мужикъ злобно усмѣхнулся.

— Велѣно платить впередъ, не отъ насъ эти распоряженія-то идутъ.

— А если меня губернаторъ ждетъ... Я адъютантъ губернатора!

Мужикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— У меня вотъ тутъ,—началъ онъ, протягивая обѣ руки къ огню: — черезъ пять минутъ почта пойдетъ... Пишите туда. Хоть шестерикомъ откачу, коли предпишутъ-то.

— Гдѣ здѣсь становой живетъ? Гдѣ?...—говорилъ офицеръ, окончательно выходя изъ себя.

— Становаго здѣсь нѣту,—отвѣчалъ спокойно мужикъ.

— Да вѣдь есть же какое-нибудь начальство, скотина ты этакая!—говорилъ офицеръ, уже наступая на мужика.

— Да какого вамъ еще начальства надо?... Вонъ, есть бурмистръ, съ краю жаветь,—отвѣчалъ тотъ, нисколько не струсая.

Офицеръ въ бѣшенствѣ схватилъ свой сакъ, въ которомъ состоялъ весь его багажъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

— Чаю тоже спрашивалъ!—проговорилъ ему мужикъ вслѣдъ насмѣшливо и сталъ убирать чашки.

Офицеръ, между тѣмъ, шелъ по деревнѣ. На горизонтѣ показалось солнышко, и точно яхонтомъ

подернуло поля, деревья и крыши избъ. По дорогѣ ѣхалъ мужикъ въ дровняхъ. Офицеръ вдругъ остановился и, какъ бы сообразивъ что-то, обратился къ нему.

— Ты, мужичокъ, въ городъ ѣдешь? спросилъ онъ.

— Въ городъ, батюшка, въ городъ.

— Довези меня, пожалуйста, за цѣлковый или за два. Почтовыхъ лошадей нѣтъ, а мнѣ крайне тамъ надо быть.

— Садиса! — отвѣчалъ мужикъ добродушно и по-двинулся. Офицеръ, незадумавшись, бросилъ къ нему въ сани свой сакъ и самъ сѣлъ. Мужикъ прихлестнулъ лошадку, и она весело побѣжала.

— Что это у тебя, мужичокъ, хлѣбъ, вѣрно? — сказалъ офицеръ, показывая на нѣсколько открывшуюся котомку мужика.

— Хлѣбушко, батюшка, хлѣбъ!

— Чтожь, ты ѣсть себѣ это везешь?

— Да, батюшка!.. Въ харчевнѣ-то тоже дорого.

— Ты въ харчевню, значить, не пойдешь?

— Ну какъ не пойдти, схожу: чайку тоже попьешь и шей похлебаешь.

— Зачѣмъ же хлѣбъ-то тебѣ?

— Да такъ, на закусочку: ну, да и лошаdkѣ коли даю.

— Дай мнѣ, пожалуйста, немного: я очень люблю черный хлѣбъ.

— Покушай, батюшка, покушай! — отвѣчалъ мужикъ, торопливо развязывая свою котомку и подавая изъ нея цѣлую краюшку, которую сѣдокъ его въ нѣсколько минутъ и уничтожилъ.

Совершающій такимъ образомъ свой путь былъ

никто иной, какъ юный Басардинъ. Онъ два дня передъ тѣмъ ничего не ѣлъ. Выпущенный около мѣсяца въ офицеры, онъ, подписавшись подъ руку матери, собралъ со всѣхъ ея мужиковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, за годъ оброкъ, — рублей триста; отъ тетки получилъ сначала сто рублей; потомъ, по новому кляузному письму, еще сто рублей, — сумма, казалось бы, образовалась порядочная, — но, желая воспользоваться удовольствіями своего званія, онъ первоначально съ товарищами покутилъ въ Екатерингофѣ, гдѣ они перебили все стекла и избили до полусмерти какого-то нѣмца, и за все это, конечно, порядочно заплатили; потомъ пожурировали въ Гороховой, и наконецъ, чтобы не отстать отъ прапорщиковъ гвардейской школы, пообѣдали у Дюме. Такимъ образомъ, когда Басардинъ выѣхалъ въ отъездъ, у него оставалось только на прогоны. Содержалъ и питалъ себя въ дорогѣ онъ не столько деньгами, сколько искусствомъ и расторопностію. Въ каждомъ побольше городѣ, онъ обыкновенно съ почтовой станціи уходилъ въ лучшей трактиръ, спрашивалъ тамъ лучшей обѣды, и потомъ, съѣвъ два, три блюда, вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вставалъ: «Я, говорилъ, сейчасъ приду», и преспокойно уходилъ, а потомъ и совсѣмъ уѣзжалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему это невольнѣ удавалось: въ Переяславлѣ, напримѣръ, половые за нимъ гнались, и онъ отъ нихъ отбился уже вооруженною рукой, обнаживъ саблю. Теперь передъ нимъ, среди превосходнѣйшаго зимняго ландшафта, въ какомъ-то молочномъ отъ мороза свѣтѣ, открывались колокольни

и дома города, въ которомъ онъ, послѣ такой продолжительной разлуки, увидить мать, отца, сестру. Но изъ всего этого ничто не шевелило души его. Суровое корпусное воспитаніе и несовсѣмъ хорошія природныя качества такъ и лѣзли въ немъ во всѣ стороны! Въѣхавъ въ городъ, молодой человѣкъ сейчасъ всталъ съ дровень.

— Ты поѣзжай около меня, будто такъ эдакъ ѣдешь, а я пойду пѣшкомъ,—сказалъ онъ мужику.

Видимо, онъ имѣлъ стыдъ, но только не въ ту сторону, въ которую слѣдовало-бы.

Передъ попавшеюся наконецъ будкой, Басардинъ остановился.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? — спросилъ онъ, толкая ногой будочника, который нагнулся было, чтобы набрать охапочку дровецъ.

Тутъ поднялся.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? — повторилъ строго офицеръ.

— Я не знаю, — отвѣчалъ было солдатъ.

— Какъ ты не знаешь и какъ ты смѣешь стоять передо мной въ фуражкѣ, а? — произнесъ вспыхнувъ Басардинъ, и трахъ будочника по зубамъ.

Тотъ, видя, что шутить нельзя, повытянулся немного и приложилъ руки ко швамъ.

— Ихъ много тутъ, ваше благородіе: гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ тутъ знать.

— Гдѣ тебѣ знать? А вотъ гдѣ! — объяснилъ Басардинъ и съѣздилъ солдата по второй ужь скулѣ.

— Басардины у меня стоятъ, — отнесся къ нему проходившій мимо священникъ и видѣвшій съ самаго начала всю эту сцену. — Вы кто такіе?

— Я сынъ ихній.

— Черезъ два дома извольте идти на дворъ,—указалъ священникъ.

— И ты тоже, братецъ! подь носомъ у тебя живутъ, а ты не знаешь!—укорилъ священникъ будочника.

— Поученый я, что ли?—отвѣчалъ тотъ сердито.

Такому безпричинному мгновенному гнѣву молодого офицера, конечно, много способствовало, во-первыхъ, его званіе, а во-вторыхъ, и перенесенный имъ холодъ и голодъ.

XV.

Милый мальчикъ у матери, и онъ же у тетки.

— Кто тамъ? Ахъ, Витя!—воскликнула Надежда Павловна, увидя входившаго офицера.

— Здравствуйте, маменька!—сказалъ тотъ.

— Петръ Григорьичъ! Соня! Викторъ пріѣхалъ!—продолжала Надежда Павловна, цѣлуя и обнимая сына. Чувство матери невольно въ ней проснулось.

— Витя!—произнесла, входя, и тоже непритворно радостнымъ голосомъ, Соня.

— Вотъ кто! Ну, поздравляю!—говорилъ Петръ Григорьевичъ, идя за нею. Несмотря на радушный пріемъ, Викторъ смотрѣлъ на родныхъ мрачно.

— Тамъ, маменька,—началъ онъ небрежно, са-

дясъ на диванъ:—съ мужикомъ надо разчесться... Самъ я пріѣхалъ на почтовыхъ, а онъ вещи мои привезъ, рубль или два дать ему, — у меня мелкихъ нѣтъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣчала Надежда Павловна и, подозвавъ дочь, что-то шепнула ей.

Та пошла.

Стыдно сказать, но у Басардиныхъ въ домѣ рубля не было. Надежда Павловна послала Соню, чтобъ она, Бога ради, выпросила у попадья хоть сколько-нибудь; а сама между тѣмъ своими руками притащила для сына тяжелый самоваръ, залила ему самага крѣпкаго чаю, поставила сливокъ, булокъ.

Соня, вся пылая отъ стыда, исполнила порученіе матери и достала денегъ, которыхъ рубль серебромъ попадья отсчитала ей мѣдными пятаками. Она со смѣхомъ высыпала ихъ передъ братомъ. Тотъ отсчиталъ полтину.

— Прикажете,—началъ онъ: — это отдать мужику, а если станетъ говорить, что мало, велите по шеѣ прогнать.

Распорядясь такимъ образомъ, Басардинъ остальные деньги положилъ себѣ въ карманъ, и затѣмъ, уткнувъ носъ въ горячій стаканъ чая и почти мгновенно поглощая его съ огромными кусками булки, ни на что ужъ болѣе не обращалъ никакого вниманія.

Соня сѣла напротивъ его и старалась ласково смотрѣть на него.

— Какіе у него кудри славныя! — говорила Надежда Павловна, перебирая волосы сына. Викторъ

даже не оглянулся на эту ласку, и до самаго обѣда почти не отвѣчалъ на безпрерывные вопросы, которые дѣлали ему мать, сестра и отецъ.

За столомъ онъ попрежнему мрачно и жадно ѣлъ и, вставъ, сейчасъ же отыскалъ себѣ мѣстечко и отправился спать.

Выспавшись, онъ какъ-будто бы сдѣлался нѣсколько подобрѣе и, придя къ матери, сталъ показывать ей свой гардеробъ и хвастаться имъ.

— Хорошо, прекрасно все это,—отвѣчала та ему въ тонъ.

— Однако у тебя все это пѣхотное платье-то!—угерздило вдругъ сказать Петра Григорьевича.

Викторъ сейчасъ же вспыхнулъ.

— Что дѣлать! Я писалъ, писалъ маменькѣ объ реверсѣ,—отвѣчалъ онъ съ гримасой.

— Не успѣла еще, помилуй,—отвѣчала было ему ласково Надежда Павловна.

— Вы для меня никогда не успѣваете,—пробунчалъ Викторъ, а потомъ громко прибавилъ: — а что тетенька Биби далеко отсюда живетъ?

— Верстъ пятьдесятъ,—отвѣчала Надежда Павловна сухо.

Викторъ заложилъ руки въ карманы и началъ съ важностью ходить по комнатѣ.

— Надобно гѣ ней ѣхать!—сказалъ онъ, какъ бы соображая что-то такое.

Надежда Павловна при этомъ невольнo вспомнила обиду, которую нанесла ей Биби, и письмо, которое писалъ къ ней Викторъ.

— Прежде, я полагаю, тебѣ слѣдовало бы по-быть у отца съ матерью,—замѣтила она.

— А почему это слѣдовало бы?—спросилъ тотъ. Надежда Павловна горько улыбнулась и пожала плечами.

— Если ты этого не понимаешь, такъ я толковать тебѣ не намѣрена.

— Да и толковать-то вамъ нечего!—произнесъ Викторъ.

Надежда Павловна начинала краснѣть отъ гнѣва.

— Ты, кажется, за тѣмъ только и пріѣхалъ, чтобы съ первыхъ же словъ дѣлать мнѣ непріятности.

Викторъ насмѣшливо посмотрѣлъ на мать.

— А вы отъ меня пріятнаго ожидали?... Вотъ это странно, право.

— Никогда я отъ тебя, по твоему уму, ничего пріятнаго не ожидала; но, какъ мать, я имѣю право требовать отъ тебя уваженія!—произнесла Надежда Павловна съ удареніемъ.

— Требовать могутъ родители, которые что-нибудь сдѣлали для дѣтей... Вотъ съ нея требуйте, а съ меня — нѣтъ!

И Викторъ указалъ на сестру.

Надежда Павловна, чтобы смягчить колкость этого отвѣта, усмѣхнулась.

— Думала я, что ты глупъ; но все не до такой степени!—сказала она болѣе насмѣшливымъ, чѣмъ сердитымъ, голосомъ. Петръ Григорьевичъ, бывшій нѣмымъ зрителемъ всей этой сцены, вдругъ всталъ.

— Не смѣй такъ грубить матери! Не смѣй! закричалъ онъ сверхъ всякаго ожиданія и погрозилъ сыну пальцемъ.

— Полноте, папенька!—прикрикнулъ тотъ на

него:—ничего вы, видно, не знаете: потому я и глушь, и дуракъ, что на васъ похожъ и вашъ сынъ...

— Молчи, говорятъ тебѣ.

Петръ Григорьевичъ уже топалъ на него ногой.

— Погоди, стой!—сказала Надежда Павловна, растирая себѣ горло, въ которомъ начиналось удушье: — онъ говоритъ, что онъ твой сынъ; кто же у меня дѣти не отъ моего мужа?

— А вотъ она!—хватила Викторъ, показывая на сестру.

Надежда Павловна разсмѣялась.

— Ахъ ты, мерзкій пащенокъ! Клеветникъ!—воскликнула она.

— Братецъ, что ты!—воскликнула и Соня, вскидывая на него свои большіе глаза и вся покраснѣвъ.

— Чго ты, братецъ! Да, любимица!—передразнилъ онъ ее. — Не хочешь ли вотъ этого?—прибавилъ онъ и показалъ сестрѣ кулакъ.

Когда они еще росли, такъ ихъ невозможно было пустить вмѣстѣ: одинъ, пользуясь своей силой, а другая покровительствомъ матери, сейчасъ и кинутся другъ на друга. Великая исторія Каина и Авеля врядъ-ли не повторяется въ каждой семьѣ.

Послѣднихъ угрозъ сына было достаточно, чтобы Надежда Павловна вышла изъ себя.

— Вонъ изъ моего дома! вонъ!—закричала она истерически.

Виктора, кажется, нисколько это не поразило.

— Али, вы думаете, не уйду? И уйду!—говорилъ онъ совершенно кадетскимъ тономъ.

— Ступай! ступай!—повторилъ за женой и Петръ Григорьевичъ.

— Иду-съ! Слушаю-съ! отвѣчалъ Викторъ, собирая пожитки и ядовито раскланываясь передъ отцомъ и матерью.

По двору онъ прошелъ бойко и съ гордо-приподнятыми плечами.

Надежда Павловна взглянула въ окно.

— Боже мой, онъ въ холодной шинелишкѣ и безъ калошъ!—воскликнула она, да безъ чувствъ и упала на диванъ.

Викторъ, впрочемъ, преспокойно отправился на постоянный дворъ и нанялъ тамъ извозчика, съ тѣмъ, чтобы тотъ прокормилъ и свезъ его въ долгъ до Ковригина.

Къ теткѣ онъ явился ниже травы и тише воды, и подѣхавъ къ дому, велѣлъ сначала доложить о себѣ. Биби даже взвизгнула, услыхавъ его имя. Выбѣжавъ къ нему навстрѣчу, она обняла его и нѣсколько минутъ держала у груди.

— Что папенька, маменька? спросила она, нѣсколько поуспокоившись, заставивъ племянника прежде всего помолиться и сводивъ его къ дѣдушкѣ, который, увидавъ внука, заревѣлъ дикимъ голосомъ.

— Маменька,—отвѣчалъ Басардинъ скромнымъ голосомъ:—меня прогнала.

Биби даже попятилась назадъ.

— Я пріѣхалъ, разумѣется, безъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя вы, по добротѣ вашей, прислали мнѣ... (При этомъ онъ поцѣловалъ у тетки руку). Я сталъ просить у нихъ заплатить за извозчика: онъ расеричался.

Биби развела руками и печально склонила голову.

— Я говорю... «маменька, говорю, я вамъ во-семь лѣтъ ничего не стоилъ, можно же вамъ помочь мнѣ чѣмъ-нибудь». Она еще больше разсердилась: «вонъ изъ моего дома!» закричала...

— Да проститъ ей Богъ!—сказала со вздохомъ Биби.

— Вотъ и теперь, тетушка, я буду просить васъ заплатить извозчику.

Викторъ, при этомъ, опять поцѣловаль у тетки ручку.

— Ахъ, Боже мой, сдѣлай милость!—воскликнула она и сейчасъ же велѣла извозчика разчесть, а племянника напоила, накормила, положила его спать въ лучшей комнатѣ, велѣла, безъ всякой осторожности, прислуживать ему любимицѣ своей Иродіадѣ, сама потомъ пришла посмотреть, хорошо ли ему. Сердце старой дѣвы стремилось еще любить, но только она не знала кого.

Викторъ, всѣмъ этимъ очень довольный, какъ-будто бы съ нимъ ничего непріятнаго не случилось, сейчасъ же беззаботно заснулъ. Онъ грубилъ матери, а къ теткѣ поддѣлывался по весьма простому расчету: зная, что мать бѣдна, и какъ ни какъ, но, по своей обязанности, будетъ ему помогать; а къ теткѣ, чтобы вытормошить у нея что-нибудь, надобно было подлизиваться. Лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ, восторгающійся только паркетомъ, по которому ходилъ въ корпусъ, тонкимъ сукномъ, которое видѣлъ на мундирахъ у офицеровъ, и въ то же время съ головой, набитою какой-то

безсмысленной протестаціей противъ всего, что имѣло надъ нимъ какую-нибудь власть, онъ и въ помыслахъ не шѣлъ, до какой степени были безобразны его настоящіе поступки.

XVI.

Причины, побудившія жениха и невѣсту къ браку.

Послѣ свиданія съ сыномъ, у Надежды Павловны сдѣлалось кровохарканье; къ вечеру она чуть не умерла, а потомъ обнаружилось воспаленіе въ груди. Первое пришло ей въ голову: что будетъ съ Соней, если она умретъ? Оставить ее на рукахъ подобнаго папеньки и злодѣя брата, — отъ одной этой мыслибѣдная мать едва не сходила съ ума, а тутъ, какъ нарочно, пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ.

— Попроси его ко мнѣ, попроси! скороговоркой сказала дочери Надежда Павловна, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго предчувствія.

Соня пригласила гостя, а сама осталась въ другой комнатѣ, сѣла и задумалась. Молоденькій умъ ея начиналъ понимать и оглядывать свое положеніе; съ отъѣздомъ флигель-адъютанта роль ея въ обществѣ сразу понизилась; даже добрѣйшая Марья Николаевна, показывавшая къ ней такую пылкую дружбу, какъ будто бы охладѣла. Семь платьевъ ея очень хорошо были извѣстны всѣмъ знакомымъ, а сшить въ нынѣшнемъ году еще новое, она знала, нѣтъ ни малѣйшей возможности; а между тѣмъ, блистать въ обществѣ нарядами и общимъ вниманіемъ

къ себѣ — какъ это пріятно! Соня даже не слыхала, чтобы что-нибудь могло быть лучше этого. Тысячи плановъ проходили въ головѣ ея, чтобы какъ-нибудь все это поправить и устроить.

— Что это вы? А? Какъ вамъ не стыдно? говорилъ Яковъ Назаровичъ, входя къ Надеждѣ Павловнѣ.

Та, закутавшись въ свой спнелевый платокъ, сѣла на постели.

— Умираю! — произнесла она, хватая себя за грудь.

— Полноте, что-й-то! хотѣлъ ее утѣшить Яковъ Назаровичъ, сядясь невдалекѣ отъ нея.

— Да, батюшка, я не о себѣ! — воскликнула капризно Надежда Павловна: — давно мнѣ, окаянной, пора на тотъ свѣтъ. А вотъ о Сонѣ, — что съ нею будетъ, когда я умру?

— Замужъ выдавать надо! — сказалъ полусерьезно и полушутя Яковъ Назаровичъ.

— Рада бы я была, Господи, какъ! проговорила, разведя руками, Надежда Павловна. — Да гдѣ нынче жениховъ-то возьмешь! Гдѣ они, прахъ ихъ знаетъ!

— Да хоть бы я!... Какъ это вы, сударыня, при женихѣ, молодомъ человѣкѣ, такія рѣчи говорите! шутилъ Яковъ Назаровичъ.

— Женишься ли ужъ ты? — сказала ему тоже въ шутку Надежда Павловна. Она была очень дружна съ Яковомъ Назаровичемъ и постоянно говорила ему «ты».

— Попробуйте только, отдайте! повторилъ старый холостякъ. Лицо его начинало краснѣть, потъ градомъ выступалъ на лбу.

Надежда Павловна усмѣхнулась.

— Не знаю, правду ли ты говоришь, или шутишь? произнесла она.

— Какое шучу!.. Давно ужь влюбленъ!

— Слышала это я...

И Надежда Павловна сомнительно покачала головой.

Якова Назаровича точно кто кольнулъ въ спину. Онъ привскочилъ съ мѣста.

— Такъ что же? заговорилъ онъ какимъ-то необыкновенно одушевленнымъ голосомъ: — состояніе, слава Богу, у меня есть... Всѣхъ бы васъ я устроилъ. Что мнѣ оставаться холостякомъ-то... Надѣли ужь эти миликриссы-то!...

— Чтобы ниодной ихъ не было; всѣхъ вонъ! проговорила въ раздумѣ Надежда Павловна.

— Всѣхъ прогоню!...

— Ой, какой ты смѣшной! — сказала она, слегка протонавъ.

Не смотря на шутливый тонъ, мысль выдать дочь за Якова Назаровича исполнила Надежду Павловну немовѣрнаго восторга: измученная бѣдностію, она богатство считала единственнымъ счастіемъ въ жизни и, сдѣлавшись отъ болѣзни своей неугомонно-нетерпѣливою, сказала гостю:

— Ну, такъ поѣзжай домой: я переговорю съ ней.

— Не можетъ быть!.. Будто! восклицалъ толстякъ, цѣдуя въ восхищеніи ея костлявую руку, потомъ расшаркался съ ней и вышелъ въ другую комнату.

— Куда же это вы, дѣдушва? спросила его Соня.

— Нужно-съ, отвѣчалъ онъ ей съ лукавою улыбкой и уѣхалъ.

— Милочка, душечка! говорилъ онъ, сидя въ

каретъ и дѣлая странныя тѣлодвиженія:— Всю тебя расцѣлую! Тутъ ямочка, тутъ возвышеніе!... О, ангельчикъ!...—говорилъ онъ, нѣжно цѣлуя пустое мѣсто и тыкая пальцемъ въ воздухъ.

Соня, между тѣмъ, продолжала сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. Мать, наконецъ, ее окликнула. Соня перешла къ ней и, взявъ свою работу, помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ. Разговоръ между ними начался издалека и какъ бы случайно склонился на Якова Назаровича.

— Что онъ у васъ мало поспѣлъ? спросила Соня.

— Пріѣдетъ еще!... Такой онъ странный, такъ удивилъ меня,—отвѣчала довольно нерѣшительно Надежда Павловна. Она никакъ не предполагала, что дочь сама нѣкоторымъ образомъ подготовила объясненіе Якова Назаровича.

— А что же?

— Да сватается къ тебѣ!—Послѣ этой фразы Надежда Павловна едва перевела дыханіе.

Соня тоже вспыхнула.

— Что же вы?—спросила она съ улыбкой.

— Что же я могла ему сказать! Ты знаешь, что я въ этомъ случаѣ не только принуждать тебя, но даже совѣтовать считаю не въ правѣ.

По суевѣрной любви своей, Надежда Павловна дѣйствительно дала себѣ слово даже не совѣтовать дочери въ этомъ случаѣ.

Выраженіе лица у Сони было очень серьезное.

— Конечно, чѣмъ терпѣть эту вѣчную нужду и бѣдность, лучше выходить замужъ,—проговорила она.

— Но будешь ли ты ее любить!.. Не молодъ онъ!

— Я ничего къ нему особеннаго не чувствую, ни любви, ни не любви, отвѣчала Соня.

Въ это время Надеждѣ Павловнѣ подали ея бульонъ. Когда она, покушавъ его и чувствуя себя гораздо лучше, спокойно улеглась, Соня спросила ее:

— Что же онъ за отвѣтомъ, стало, пріѣдетъ?

— Да!

Сонѣ, повидимому, хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, но только она немного конфузилась.

— Не знаю, что и отвѣчать ему! проговорила мать въ раздумьѣ.

— Да скажите, что да! отвѣчала Соня.

— Хорошо, произнесла Надежда Павловна протяжно.

Такъ необдуманно и такъ вѣтренно упала для Сони завѣса, навсегда отдѣлившая непроницаемой стѣной одну половину ея жизни отъ другой. Соня, кажется, первое слово въ жизни услышала: «*О, Господи! денегъ нѣтъ!*» Кругомъ ея всюду и вездѣ говорили: «*Вотъ женились, ни у того, ни у другаго ни села, ни перегороды. Вотъ дура, нашла за кого выйдти, ни чина, ни должности.* Въ самомъ простомъ быту, какая нибудь крестьянская дѣвка, которая позвонче другихъ поетъ, покрасивѣй, подороднѣй другихъ, поумнѣй и складнѣй на словахъ, и та пользуется почетомъ и уваженіемъ; а Соня дома, въ пансіонѣ, въ свѣтѣ, насколько она успѣла въ него заглянуть, только и видѣла, что почитается знатность и богатство: за дурами, ея подругами, отвратительными собой, молодежь ухаживала, начальство дарило имъ книги за успѣхи въ наукахъ. Даже красотъ своей Соня, послѣ поступка съ ней флигель-адъютанта, перестала давать цѣну. Объ Александрѣ она

иногда подумывала; но онъ былъ такой еще мальчикъ: любви его невозможно было придать никакого практическаго значенія!

Вечеромъ пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ, расѣранный, раздушенный до-нельзя и, въ то же время, робьющій. Стараясь быть любезнымъ, онъ былъ порядочно смѣшонъ. Петру Григорьевичу, небывшему поутру дома, не сочли за нужное и сказать, что произошло въ семействѣ. Впрочемъ онъ, видя дружеское и безцеремонное обращеніе Надежды Павловны съ Яковомъ Назаровичемъ, нисколько тому не удивился, такъ какъ и прежде еще въ разговорахъ своихъ съ деревенскими знакомыми, священниками и управляющими онъ обыкновенно объяснялъ: «У меня вѣдь жена министръ по уму; съ этими, тамъ, директорами и попечителями, такъ запанибрата и рѣжетъ!» Самъ же онъ Якова Назаровича всегда называлъ «ваше превосходительство». Въ настоящій вечеръ онъ только обратилъ вниманіе на то, когда Соня отнеслась къ Ленеу и сказала:

— А что, вы подарите мнѣ лошадей, на которыхъ мы съ вами ѣхали?

— Подарю, подарю, цѣлую четверку!

— А сани à joug у васъ будутъ, какъ у губернатора?

— У меня ужъ есть такія, вдвое лучше только!

Соня, разумѣется, говорила шутя, хотя, въ то же время, нельзя умолчать, что и эта причина была одною изъ побудительнѣйшихъ... Бѣдная птичка! Она замужество представляла несовсѣмъ такъ, какъ оно есть, не во всѣхъ еще подробностяхъ.

XVII.

Губернская тетеха.

Вѣсть о замужествѣ Сони за Ленева дала Надеждѣ Павловнѣ возможность взять по лавкамъ въ долгъ всевозможныхъ матерій, и только было онѣ со всѣмъ этимъ расклалась, какъ на дворъ вѣхала карета. Соня и мать вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Здоровый лакей едва вытащилъ изъ кареты толстѣйшую, въ траурѣ, барыню, которая, войдя запыхавшись въ маленькую переднюю, сейчасъ же закричала:

— Не могла, тетушка... родная моя!.. Не могла утерпѣть!..

— Ахъ, Аполлинарія Матвѣевна! сказала Надежда Павловна, встрѣчая гостью и цѣлуя ее въ румяную и пухлую щеку.

— Какъ только услышала, что вы здѣсь, — везите, говорю... — продолжала та, не переставая тяжело дышать и усаживаясь на диванѣ.

Это была мать Александра, нѣкогда стройная и хорошенькая собой дѣвушка, а теперь какое-то чудовище. Покойный Баклановъ, женись на ней, отчасти обманутый ея наружностью, а еще болѣе того, прельщенный ея состояніемъ, въ послѣдствіи иначе и не называлъ ее, какъ *тетехой*. Сына своего Аполлинарія Матвѣевна боготворила, хотя и возмущалась многими его поступками и словами.

Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, она нашла болѣе приличнымъ сначала заговорить о мужѣ.

— Горе-то, ну-те-ка, тетенька, какое у меня надѣлалось!—начала она, помахивая длинными оборками своего траурнаго чепца.

— Слышала, слышала, отвѣчала ей Надежда Павловна.

— Все вотъ, бывало, говорилъ: «ишь, говоритъ, какъ тебя дуетъ горой, скоро лопнешь»; а вотъ самъ напередъ и убрался.

Находясь у мужа въ страшно-ежовыхъ рукавицахъ, Аполлиарія Матвѣевна рѣшительно была рада, что онъ умеръ.

— А это Соня моя! Вы, вѣрно, не узнали ее, отнеслась было къ ней Надежда Павловна.

— Ай, итъ!... Какъ это возможно! здравствуй, душечка! проговорила, проворно цѣлуясь съ Соней, Бакланова, и снова принялась за свое! — въ гробу: то, родная моя, говорятъ, лежалъ такой черный да нехорошій.

— Замужъ выходить! попробовала было еще разъ пояснить ей Надежда Павловна.

— Ну, вотъ, поздравляю! сказала и на это полувнимательно Аполлиарія Матвѣевна.

— Не прикажете ли кофею? отнеслась къ ней Соня.

— Ой, пожалуй! отвѣчала Аполлиарія Матвѣевна какимъ-то сентиментальнымъ голосомъ.

Сколько эта дама пила и ѣла, представить себѣ даже невозможно.

Соня принесла ей огромную чашку кофе и цѣлый ворохъ сухарей..

— А Саша-то мой, ну-те-ка, тетенька,—продолжала Аполлинарія Матвѣевна: — послала я его къ тетушкѣ: ну, тоже думаю, можетъ и наслѣдство отъ нея быть... — объяснила она откровенно.

Надежда Павловна незамѣтно, но злобно улыбнулась.

— Только слышу, что онъ вмѣсто того здѣсь, а тамъ и въ Москвѣ... Я такъ и обмерла: въ глазахъ у меня потемнѣло... (при этомъ Аполлинарія Матвѣевна въ самомъ дѣлѣ закатила нѣсколько своихъ глаза). Писала ужъ и жаловалась на него братцу, Евсевию Осипычу... Онъ, спасибо, нарочно своего московскаго управляющаго посылалъ разузнавать, тотъ все и описываетъ, всѣ ихъ каверзы...—На послѣднихъ словахъ Аполлинарія Матвѣевна, въ полнѣйшемъ отчаяніи, развела руками.

Соня все внимательнѣй и внимательнѣй къ ней прислушивалась.

— Что же такое? спросила Надежда Павловна.

— Пьютъ, родная! Въ пору большимъ такъ пить. (Сашу своего Аполлинарія Матвѣевна считала до сихъ поръ еще чуть ли не десятилѣткомъ.) Управляющій-то прямо за ними въ трактиръ и прошелъ: дымъ коромысломъ стоитъ... двоимъ ужъ тамъ въ сѣняхъ голову холодною водою обливали... «рѣчи говорятъ»... самъ уже братецъ въ письмѣ своею ручкой прибавляетъ: «такія говорятъ, что нынѣ времена строгія, пожалуй, того и гляди, улетятъ куда-нибудь».

— Но, можетъ быть, это другіе, а не вашъ Александръ, попробовала было утѣшить ее Надежда Павловна.

— О, полноте-ка, тетенька! воскликнула Аполлинарія Матвѣевна, махнувъ рукой:—первый, говорятъ, коноводъ на все. Онъ, вѣдь, у меня умный: не въ меня, а въ покойника. Какъ орелъ, говорятъ, такъ и ходитъ. Больно боюсь, тетенька, чтобъ онъ распутничать не началъ!

— Что-й-то, какія глупости! — произнесла Надежда Павловна, показывая Аполлинаріи Матвѣевнѣ глазами на дочь, но та ничего не поняла.

— Говорятъ, ужъ и есть это... очень боюсь. Научите меня, тетенька, вы у насъ умная этакая, что мнѣ дѣлать-то?

— Напишите ему письмо построжее.

— Писала, родная... Священника и сочинить-то просила, чтобы поскладнѣй вышло. Таково чувствительно написалъ... Такъ вѣдь что они, балбесы? Только то и отвѣчаетъ: «Вольно вамъ, маменька, говорить, всякимъ глупостямъ вѣрить».

Надежда Павловна, чтобы какъ-нибудь поскорѣй прекратить этотъ визитъ, ничего ей не отвѣчала.

— Сама, тетенька, думала ѣхать въ Москву-то, да тоже думаю: они тамъ меня совсѣмъ засмѣютъ! заключила Аполлинарія Матвѣевна и затѣмъ, видно выболтавъ все, что ей нужно было, поднялась.

— Прощайте, тетенька! Неужели въ этихъ канурахъ вы свадьбу-то станете дѣлать!... Наняли бы домъ у меня... И то ужъ съ полгода стоитъ безъ постояльцевъ, разоренье такое! прибавила она, уходя и попрежнему небрежно прощаясь съ Соней.

Мать и дочь, оставшись вдвоемъ, молчали.

Соня стояла у окна. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея

блестѣли слезы. Печальный образъ прощавшагося съ ней Александра невольно возсталъ передъ ней.

Слова, сказанныя имъ при прощаньѣ: «*Если я не нашель въ прекрасномъ, то найду въ дурномъ*», значить, были не фраза.

— Мамаша, я поѣду прокатиться! проговорила она.

— Поѣзжай! отвѣчала та.

Яковъ Назаровичъ, зная наклонности невѣсты, подарилъ ей чудесныя чухонскія саночки, съ красивымъ кучеромъ и съ превосходнымъ воронымъ рысакомъ.

Соня почти каждый день ѣздила кататься въ своемъ экипажѣ, и теперь, сѣвъ въ него и уставивъ свое хорошенькое личико противъ морозу, велѣла себя везти скорѣй, скорѣй. Ей хотѣлось какъ-нибудь поразмыкать свое горе. Она пролетѣла такимъ образомъ площадь, Ивановскую улицу, Казяинскую, но потомъ вдругъ, какъ бы встрепенувшись, закричала кучеру.

— Постой! {стой!

Тотъ остановился.

— Monsieur Венявинъ! крикнула Соня студенту въ плоховатой шинели, смиренно проходившему по снѣжному тротуару.

Тотъ обернулся, и узнавъ кто его кличетъ, подошелъ—улыбаясь, краснѣя, застегивая свой вицъ-мундиръ и приглаживая волосы.

— Pardon, monsieur Венявинъ, что я васъ безпокою! сказала Соня (Александръ неоднократно говорилъ ей о своемъ пріятелѣ и даже показывалъ ей его). Parlez-vous français? прибавила она.

— Ахъ, oui, madame! отвѣчалъ Венявинъ, страшно конфузясь и варварски произнося.

— Avez-vous l'adresse de monsieur Баклановъ?

— Oui, madame! отвѣчалъ Венявинъ, сдѣлавъ все умственное усилие, чтобы понять то, что ему сказали.

— Je vous prie de lui envoyer un petit billet de ma part... Нѣтъ ли съ вами карандаша?—Послѣднія слова Соня нарочно сказала по-русски.

— Oui, madame! отвѣчалъ торопливо Венявинъ и выхватилъ изъ бокового кармана карандашъ.

Соня отъ обертки, въ которую завернута была матерія, взятая ею, чтобы перемѣнить въ лавгахъ, оторвала клочекъ бумаги и написала на немъ: «Вы безумный человекъ! Васъ любятъ, но что же дѣлать?.. Того не велитъ Богъ и люди, и если теперь выходятъ замужъ, такъ, можетъ быть, затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ святымъ таинствомъ. Прощайте, не пѣляйте глупостей и забудьте душой всю вашу Софи.»

— Votre parole d'honneur pue vous ne lirez pas mon dillet et m'en garderez le secret! говорила Соня, подавая ему бумажку.

Само небо, кажется, осѣнило голову Венявина, что онъ понялъ эту фразу и даже отвѣтилъ на нее, такимъ образомъ:

— Oui, madame, je prendrai moi cette...j'ai retardé ici; mais aujourd' hui je partirai à Moscou!.

— Merci! сказала Соня, и пожавъ красную и неуклюжую руку студента своею хорошенькою ручкой, затянутою въ французскую перчатку, сказала кучеру: «въ гостинный дворъ!» и какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Венявинъ тутъ только сообразилъ свою

ошибку: «Ахъ, я болванъ, болванъ! Ей вѣдь еще слѣдуетъ говорить mademoiselle, а я бухнулъ madame!» думалъ онъ, и съ досады готовъ былъ прибить себя.

Придя домой, онъ тотчасъ запряталъ драгоцѣнное посланіе, сначала въ карманъ своихъ лучшихъ брюкъ, а потомъ брюки эти засунулъ въ треугольную шляпу, а ту положилъ на самый низъ чемодана.

XVIII.

Сынъ, возвращающійся съ раскаяніемъ.

Юный Басардинъ началъ препріятно жить у тетки. Она ему нашла бѣлья, велѣла навязать коврижки, и наконецъ, отъ имени дѣдушки, подарила старинные золотые часы. Викторъ, въ свою очередь, сталъ входить и помогать ей нѣсколько по хозяйству. У Биби былъ одинъ задѣльный мужикъ, ужасный грубіянь: какъ только напвался онъ пьянь, сейчасъ же съ пѣной у рта являлся передъ барышними обнами.

«Барыня!.. барыня!.. угорѣла барыня въ неопленой горницѣ»... напѣвалъ онъ, присѣдая и дѣлая другія глупости.

Иногда даже онъ ловилъ ее въ церкви, когда она выходила оттуда.

— Сторонитесь, сторонитесь—улитка ѣдетъ, наша барыня... госпожа...—говорилъ онъ, расталкивая передъ ней народъ.

Биби его за это наказывала, возила въ рекруты отдавать; но не проходило полугода, какъ онъ снова

повторялъ свои штуки, которыя вздумалъ выкинуть и при Викторѣ. Тотъ его, на мѣстѣ же преступленія, схватилъ за шиворотокъ, пригнулъ къ землѣ и, изъ собственныхъ рукъ, такъ отзвонилъ плетью, что даже другіе мужики, стоявшіе невдалекѣ, при этомъ, почесавъ въ затылкѣ, проговорили: «это ужь, братъ, видно, по настоящему, по военному!» а самъ наказанный ничего не объяснялъ, а только слезливо моргалъ носомъ.

Очень довольная всеѣмъ этимъ, Биби начала говорить про племянника:

— Преумный и превнимательный... На что я, кажется, глазомъ посмотрю, и то онъ видитъ!

Когда она постыдила Виктора, что какъ это онъ, такой большой, не умѣетъ читать по-славянски, онъ сейчасъ же подучилъ и, уже довольно бойко разбирая титлы, сталъ по вечерамъ читать теткѣ, по ея указаніямъ, нѣкоторыя мѣста изъ четьи-минеи. Происходившія при этомъ сцены были довольно оригинальнаго свойства: зеленая гостиная обыкновенно освѣщалась двумя сальными свѣчками; молодой офицеръ, съ самымъ смиреннымъ выраженіемъ, глядѣлъ, не поднимая глазъ, въ книгу и произносилъ: «И бѣ Аванасію страхъ велій!»

Биби при этомъ какъ-то порывисто нюхала табакъ и принималась торопливо распускать свое вязанье. Это означало, что она сильно была тронута.

Дѣдушка-майоръ, тоже вывезенный на своихъ креслахъ слушать, начиналъ понемногу высовывать языкъ; а потомъ все больше и больше, и наконецъ вытягивалъ его почти что до половины.

— Папенька, опять языкъ! вскрикивала на него Биби.

Старикъ сейчасъ же убиралъ органъ слова въ надлежащее мѣсто; но потомъ, черезъ минуту, начиналъ его снова выпускать понемногу: зачѣмъ онъ это дѣлалъ, никто у него допроситься не могъ!

«И придоша къ нему бѣси», продолжалъ, между тѣмъ, Басардинъ, невольно улыбаясь. У него самого въ это время были порядочные бѣсенята въ головѣ: «Если такъ все пойдетъ, такъ съ тетки-то рублей пятьсотъ сорвать можно будетъ!» думалъ онъ и продолжалъ читать: «отъидите отъ меня, окаянные, рекъ Аванасій».

«А Иродіада все отвертывается! вертѣлось въ это время въ головѣ молодого человѣка, и голосъ его дѣлался совершенно невнимателенъ.

— Ну, будетъ, другъ мой! говорила Биби, думая, что онъ усталъ.

Викторъ закрывалъ книгу, осторожно подавалъ ее теткѣ, и самъ, усѣвшись смиренно въ кресло, задумывался. Въ эти минуты его волновали самосильнѣйшія страсти: съ нѣкотораго времени, онъ рѣшительно не въ состояніи былъ равнодушно видѣть стройнаго стана Иродіады и ея толстой косы, красиво расположенной на затылкѣ.

— Иродіада, куда ты! Постой! говорилъ онъ ей, когда она, вечеромъ послѣ ужина, приходила и ставила ему графинъ на столъ.

Первоначально Иродіада отвѣчала на это однимъ холоднымъ взглядомъ; но Викторъ прстеръ свои искательства и дальше.

— погоди, стой! — говорилъ онъ, встрѣтивъ ее разъ въ темномъ корридорѣ.

— Баринъ, что вы? Перестаньте... Право, тетенькѣ скажу! проговорила Иродіада, стараясь поскорѣе пройти мимо его.

— Ну, да! какъ же! скажешь! говорилъ Викторъ, и сдѣлалъ черезчуръ смѣлое движеніе.

Иродіада сердито оттолкнула его и прошла.

Биби она въ самомъ дѣлѣ, должно быть, рассказала, потому что та была день или два очень суха съ Викторомъ. Злоба въ душѣ его забушевала. Поймавъ снова Иродіаду въ корридорѣ, именно послѣ описаннаго нами чтенія, онъ остановилъ ее.

— А, такъ ты ябедничать! произнесъ онъ, и такъ распорядился, что Иродіада, для спасенія себя, сначала толкалась, а потомъ укусила ему плечо.

— Ты еще кусаться! проговорилъ Викторъ и схватилъ ее за косу.

Иродіада закричала на весь домъ: «батюшки, бьютъ». На этотъ крикъ со всѣхъ сторонъ высыпали дѣвки со свѣчами и сама Биби.

— Она мнѣ грубитъ! — сказалъ Викторъ, указывая на Иродіаду.

— Матушка, вся ваша воля, — отвѣчала та, поправляя свою косу и куда-то мгновенно скрываясь отъ стыда.

— Викторъ Петровичъ, что это такое? — произнесла Биби.

— Викторъ Петровичъ!.. — передразнилъ ее Викторъ: кадетская натура его не выдержала при видѣ сморщеннаго и сердитаго лица тетки. Кроме того, онъ былъ очень ужъ взбѣшенъ.

— А, такъ вы такъ!—произнесла Биби, и сейчасъ же удалилась.

Изъ всей этой сцены она очень хорошо поняла, что это за господинъ, и просто струсила его. Онъ, пожалуй, до того дойдетъ, что и ее приколотить; а потому, на другой же день, не входя съ нимъ ни въ какія объясненія, когда Викторъ еще спалъ, она, запрятавъ стараго отца и Иродіаду въ возокъ, сама съѣла съ ними и уѣхала на богомолье, верстъ за триста, захвативъ съ собою всѣ ключи отъ чая, сахару и погреба. Молодой человѣкъ остался такимъ образомъ снова безъ всякаго содержанія. Первоначально онъ сталъ было всего требовать отъ ключника; но тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего. Викторъ хотѣлъ было его прибить; ключникъ убѣжалъ отъ него. Басардинъ, дѣлать нечего, рѣшился ѣхать обратно въ городъ, хватить тамъ по боку дѣдушкины часы и съ этою суммой прямо отправиться въ Петербургъ. Но на постояломъ дворѣ, у Никиты Семенова, онъ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, возвращавшимся изъ города.

— Ваша фамилія? — спросилъ тотъ.

— Басардинъ.

— Это не ваша ли сестрица выходитъ замужъ?

— Должно быть, моя! Я не знаю, я только еще ѣду къ нимъ. За кого же она идетъ?

— За очень хорошаго человѣка.

— И богатаго?

— Да, съ большимъ состояніемъ. И она-то вѣдь прелестная. Съ вами вотъ имѣетъ немалое сходство!

— Да, она премилая!—отвѣчалъ Викторъ, и въ головѣ его сейчасъ же измѣнился планъ. Пріѣхавъ въ

городъ и, остановясь въ номеръ, онъ тотчасъ же сѣлъ и написалъ къ матери письмо.

«Дражайшая маменька! Я сознаю теперь вполнѣ, что я блудный сынъ, но когда тотъ сказалъ отцу своему: «отче! я согрѣшилъ на небо и предъ тобою», отецъ сказалъ: «иди въ домъ мой! заколите тельца и празднуйте: сынъ, котораго я считалъ мертвымъ, — живъ». Сдѣлайте, маменька, и вы то же!»

Начитавшись у Биби книгъ духовнаго содержанія, Викторъ хотѣлъ посильнѣе поразить мать примѣромъ изъ священнаго писанія, и затѣмъ, по своей всегдашней методѣ въ письмахъ къ одному побранить другаго, прибавилъ:

«Тетенька, хоть Богу и молится, но дѣла ея далеко тому не соотвѣтствуютъ, и великую поговорку: что нѣтъ такого дружка, какъ родная матушка, я узналъ теперь вполнѣ».

Отправивъ это письмо, Викторъ заранѣе былъ увѣренъ въ его успѣхъ.

Чему другому, а нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ и тому, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать, его понаучили въ корпусъ.

ХІХ.

Сынъ, еще нечувствующій никакого раскаянія.

Надежда Павловна въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, была совершенно счастлива. Мало того, что Петра Григорьевича утвердили въ должности, — но сама губернаторша обѣщалась къ нимъ пріѣхать по-

сидѣть вечеромъ. Хлопотъ, и самыхъ, разумѣется, пріятныхъ, было, по этому случаю, немало. Дарья еще съ раннего утра все мыла: полы, окна, двери; а потомъ, часамъ къ семи, и сама нарядилась въ накрахмаленную юбку и въ подаренное ей барыней старое шерстяное платье, и какъ пава ходила въ немъ изъ кухни въ горницу и обратно. На вощенномъ столикѣ, покрытомъ камчатною скатертью, зажжены были двѣ стеариновыя свѣчи, а на столикѣ подъ зеркаломъ еще двѣ, такъ что свѣту было, пожалуй, пущено болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Накурено Соиннымъ одеколономъ на горячемъ утюгѣ тоже достаточно. Для десерта куплены были яблоки и виноградъ, такъ какъ Марья Николаевна общалась пріѣхать не одна, а съ маленькимъ сыномъ своимъ Колей, который, какъ смѣялись сама мать и всѣ близкіе знакомые, былъ не на шутку влюбленъ въ Сою, называлъ ее своею невѣстой и все хотѣлъ застрѣлить изъ ружья Ленева, который, говорили, отнимаетъ ее у него.

Когда губернаторша, дама въ такомъ рангѣ, въ своемъ шумящемъ, шелковомъ платьѣ, въ своемъ дорогомъ блондовомъ чепцѣ и наконецъ съ своимъ ангелоподобнымъ сыночкомъ Колей, пріѣхала и усѣлась въ маленькой квартиркѣ Басардиныхъ, — такъ эту сцену нѣсколько даже трудно вообразить себѣ. Надеждѣ Павловнѣ было необыкновенно совѣстно и пріятно. Петръ Григорьевичъ, начавшій умываться и обриваться чуть ли не раньше всѣхъ и при этомъ обнаружившій такое фырканье и отхаркиванье, что даже дочь ему замѣтила: «что это, паненька, вы точно бегемотъ!» — Петръ Григорьевичъ сильно

трусилъ. Въ продолженіе всего вечера, какихъ жена ни дѣлала ему знаковъ руками и глазами, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть.

Надежда Павловна какъ-то подобострастно занимала губернаторшу. Соня играла съ Колей. Милый ребенокъ изобрѣлъ такого рода забаву: онъ цѣловалъ у Сони руку врасосъ, то-есть хваталъ ее ртомъ своимъ и втягивалъ въ себя воздухъ, такъ что на рукѣ появлялись пятна.

— Перестань,—говорила ему Соня.

Но влюбленный крошка не унимался и хотѣлъ было насосать ей и лицо:

— А, когда такъ, такъ ступайте же!— сказала Соня сердито и спуская его съ колѣнъ. Она не на шутку испугалась, что онъ испортитъ ей и лицо. Игру эту Коля изобрѣлъ съ одною изъ горничныхъ.

— Пусти! пусти!—говорилъ онъ, хватая Соню за платье.

— Ну, такъ я и совѣмъ уйду!—сказала она, въ самомъ дѣлѣ уходя въ сосѣдную комнату, и, притворивъ дверь, заперла ее задвижкой. Коля сталъ плечикомъ и ножками стучать что есть силы въ дверь:

— Коля! Коля! перестань!—полуунимала его мать.

Марья Николаевна принадлежала къ тѣмъ нѣжнымъ матерямъ, которыя воспрещать что-либо птенцамъ своимъ считаютъ за какое-то святотатство.

«Чего этому ангелу, въ которомъ всѣ чувства такъ еще чисты, можно не позволять!» говорила она.

Коля до сихъ поръ жилъ такъ, какъ будто весь міръ былъ созданъ для услуги ему: у него были игрушки, маленькія лошадки, конфеты. Даже самъ

кроважадный родитель ни въ чемъ не препятствовалъ: ненавидя почти весь родъ человѣческій, онъ свой собственный кусокъ мяса, отторгнутый отъ него и получившій отдѣльное существованіе, боготворилъ.

Коля у дверей наконецъ заревѣлъ.

Надежда Павловна начинала сильно конфузиться и хотѣла было послать Петра Григорьевича, чтобъ онъ велѣлъ Сонѣ выйти занимать маленькаго гостя; но Дарья въ это время внесла на подносѣ яблоки и виноградъ. Коля сейчасъ же устремился къ этимъ любезнымъ ему предметамъ. Мать и хозяйка сейчасъ же поспѣшили усадить его и надавали ему всего, чтобы только онъ не плакалъ. Соня, такимъ образомъ, получила возможность выйти и сѣла уже подалеже отъ шалуна, который однако не переставалъ на нее плутовски посматривать: протянетъ и будто даетъ ей яблоко, а потомъ самъ и возьметъ его назадъ. Соня дѣлала видъ, что ничего это не замѣчаетъ.

Надеждѣ Павловнѣ подали письмо. Сначала она, взглянувъ на адресъ, нѣсколько сконфузилась, но, прочитавъ, улыбнулась и, подавая его дочери, проговорила: «посмотри!»

— Да!—отвѣчала и та съ улыбкой.

Надежда Павловна встала и, извинившись передъ губернаторшей, сама вышла къ посланному,

— Скажи Виктору Петровичу, что мнѣ писать къ нему нѣкогда и нечего: у меня гости... губернаторша... пускай бы самъ прїѣзжалъ.

Викторъ черезъ пять же минутъ явился, прифранченный, въ шпагѣ и каскѣ. У матери онъ поцѣловалъ руку съ вѣжностью, съ сестрой поцѣловался

съ улыбкой, и поцѣловаль также руку у Петра Григорьевича, который отъ удивленія не зналь куда и глядѣть: какъ сынъ тутъ попалъ, откуда, и почему его пустили, ничего онъ этого не понималъ.

Губернаторшѣ Викторъ раскланялся модно.

Надежда Павловна поспѣшила его отрекомендовать.

— Старшій сынъ мой!

— Вотъ уже какой! — произнесла Марья Николаевна, осматривая молодого человѣка: — какъ пріятно для матери дождаться дѣтей въ такомъ возрастѣ! Вотъ вы теперь офицеръ: сколько, я думаю, удовольствія и радости доставляете вашимъ родителямъ.

— Да, разумѣется! — отвѣчалъ совершенно безстыдно Викторъ.

«Много отъ него удовольствія и радости», подумала Надежда Павловна.

— Вотъ у меня такъ еще малъ... мнѣ долго не дождаться. А, можетъ быть, и совсѣмъ не дождусь, — произнесла, почти со слезами на глазахъ, Марья Николаевна.

«Немного, кажется, и ты-то отъ своего пострѣленка радости получишь!» подумала Надежда Павловна, а потомъ, обратясь къ сыну, она спросила:

— Хорошо погостилъ у тетеньки?

— Да-съ, она теперь на богомолье уѣхала.

— Что такъ? Прежде она въ такую распутицу никогда не ѣздила.

— Не знаю-съ!... А мнѣ на станціи рассказывали, что Соня помодвлена, — прибавилъ Викторъ скромно.

— Да, за богача и за генерала... за прекраснаго человѣка, — отвѣтила Надежда Павловна.

— Безподобный человѣкъ! безподобный! — подтвердила Марья Николаевна.

— Ну такъ вотъ, значить, поздравляю! — проговорилъ Викторъ, нѣжно смотря на сестру.

Коля, между тѣмъ, замѣтивъ у новаго гостя саблю, перебрался къ нему.

— Что это у тебя, сабля? — спросилъ онъ его дерзко.

— Сабля, душенька! — отвѣчалъ Викторъ.

— Дай мнѣ!

Викторъ вынулъ.

— Не безпокойтесь: она не отпущена, — успокоилъ онъ Марью Николаевну.

— Это каска? — спрашивалъ Коля.

— Каска!

— Дай мнѣ ее.

Викторъ сейчасъ же ловко подвернулъ въ каску платокъ и надѣлъ ее на голову Колѣ. Мальчикъ съ обнаженною саблей, сталъ ходить и маршировать по комнатѣ.

— Ахъ, да онъ отлично маршируетъ!.. Прекрасно! прекрасно!... разъ, два!... разъ, два!.. — командовалъ Викторъ. — Чудесно! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ, которая была въ упоеніи.

Петръ Григорьевичъ, думая, что сынъ въ самомъ дѣлѣ искренно хвалилъ Колю, тоже повторялъ: «отлично! безподобно!»

— Удивительный ребенокъ! восклицалъ Викторъ.

Марья Николаевна, наконецъ, начала собираться

домой; но Коля никакъ не хотѣлъ оставить ни каски, ни сабли.

— Полно, душечка, какъ-это возможно!—заикнулась было мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!...—закричалъ онъ, задрывавъ руками и ногами.

— Боже мой! оставьте у него,—говорилъ Викторъ.

— Но мнѣ, право, совѣстно!—произнесла жеманно Марья Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша,—повторялъ Коля, и разревѣлся такъ, что его едва сунули въ карету, не взявъ у него ничего.

Когда проводили губернаторшу до сѣней и всѣ возвращались въ комнаты, Викторъ подошелъ къ матери.

— Маменька, я могу у васъ остаться?—проговорилъ онъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Останься, тебѣ комната приготовлена,—сказала Надежда Павловна, показывая на виднѣвшуюся черезъ сѣни комнату, и затѣмъ, ничего больше не сказавъ, ушла къ себѣ.

Викторъ на нѣсколько мгновений попризадумался, а потомъ повернулся и пошелъ въ показанное ему мѣсто.

XX.

Капелька поэзіи и море прозы.

Последнее время у Сони гостила дочь ихъ хозяина, священника, Маша,—молоденькая, прехоро-

шенькая собою дѣвушка, преумненькая, но въ то же время пресмѣшная: повеселиться, поохотать, а, пожалуй, и поплакать была охотница. Сначала она робко ходила къ Сонѣ; а потомъ все чаще и чаще, и теперь выпросилась у Надежды Павловны шить Сонѣ свадебное бѣлье. Дѣла этого она была великая мастерица: точно по линейкѣ, по размѣру, ея маленькая ручка выводила мельчайшія строчки на бѣльѣ. Сама Соня не умѣла иголки взять въ руки.

Онѣ уже съ часъ сидѣли вдвоемъ. Соня, чѣмъ ближе подходила ея свадьба, тѣмъ становилась грустнѣй и грустнѣй. Маша, между тѣмъ, все что-то егезила на стулѣ.

— Софья Петровна, можно свадебную пѣсенку спѣть?—проговорила, наконецъ, она робко.

— Спой,—отвѣчала та.

Маша звонкимъ, но въ то же время мягкимъ голосомъ запѣла:

«Не на дѣвичье гулянье
«Собирается, снаряжается
«Наша Сонюшка.

— Охъ, полно—перестань, не надсажай ты меня, воскликнула вдругъ Соня и залилась горькими слезами.

— Что-й-то, барышня, вы все плачете? Хорошо ли это!—утѣшала ее Маша, сама готовая расплакаться.

— Тошно мнѣ, Маша, тошно!—говорила Соня, пересаживаясь къ подругѣ и обнимая ее.

Маша была совсѣмъ счастлива.

— Что же вамъ тошно-то?—спросила она.

— Замужъ не хочется идти... — Соня не кончила.

— Али вамъ не любъ женихъ-то?

— Да... Я люблю другаго!—прибавила Соня уже шепотомъ и скрывая свое лицо на груди Маши.

— Дѣло-то какое!—произнесла та, качая головой:— для-че-жь вы, барышня, за того-то нейдете?

— Молодъ онъ очень, да и мать у него скверная!—произнесла Соня.

— Поди-ты!—удивлялась Маша.

— А тебѣ, Маша, нравится кто-нибудь?—спросила Соня, уставляя на подругу свое пылающее лицо.

— Нѣту еще,—отвѣчала та наивно:—вонъ къ папенькѣ семинаристы ходять, да нехороши только: нескладные такіе!

— А что, Маша, какъ выйдешь замужъ, другаго любить грѣхъ?

— О, что за важность, ничего! Вотъ въ нашемъ званьи, такъ нельзя!

— Отчего же у васъ нельзя?

— Ну, батюшку-то разстригутъ, какъ попадейка-то полюбить другаго.

— Стало быть, и намъ нельзя! проговорила Соня печально.

Такъ журчали ихъ тихіе голоски, какъ-бы чистый, маленький ручеекъ среди неприступныхъ скалъ и горъ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Но дверь распахнулась, и вошелъ Викторъ, тоже одинъ изъ порядочныхъ обломковъ, задерживающихъ въ человѣкѣ всякое искреннее чувство. Соня сейчасъ же поспѣшила отбегать слезы и сдѣлала видъ,

будто-бы смотреть на работу Маши. Та, въ свою очередь, не смѣла глазъ поднять: Викторъ и ее, какъ Иродіаду, ловилъ въ сѣняхъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ былъ очень серьезень и важенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала Надежда Павловна. Викторъ отнесся къ ней какъ-то свысока.

— Что Яковъ-то Назарычъ такъ долго дѣлаетъ въ Москвѣ?—спросилъ онъ ее вдругъ.

Надежда Павловна посмотрѣла на него.

— Извѣстно что!

— Онъ, говорятъ, тамъ лѣчится?

Надежда Павловна еще съ большимъ удивленіемъ взглянула на сына.

— Кто жь это тебѣ сказывалъ?

— Водой, говорятъ, лѣчится; хорошъ женихъ!—отвѣчалъ Викторъ насмѣшливо.

При всемъ стараніи, онъ никакъ не могъ скрыть ненависть къ сестрѣ, и, кажется, величайшимъ бы счастіемъ его было ея несчастіе.

Надежда Павловна сейчасъ же поняла, къ чему онъ это говорилъ. «Этакое эхидное животное!» сказала она мысленно себѣ и спросила его вслухъ суровымъ голосомъ:

— Что, долго ты здѣсь пробудешь? Долго еще продолжится твой отпускъ?

Викторъ, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ съ важностью:

— Я здѣсь совсѣмъ остаюсь... поступлю къ губернатору въ адъютанты.

Надежда Павловна почти затрепетала отъ страха.

— Развѣ тебя берутъ?—спросила она.

— Вѣроятно!—отвѣчалъ Викторъ.

Онъ, дѣйствительно, послѣ перваго же знакомства съ Марьей Николаевной, началъ безпрестанно ѣздить къ нимъ въ домъ, ужасно какъ умѣлъ поддѣлаться, взялся учить Колю гимнастикѣ, и для этого были нарочно, по его рисунку, сдѣланы гимнастическія орудія: лѣстница и козель.

Викторъ былъ таковой мастеръ производить всё эти штуки и такъ увлекательно это дѣлалъ, что, не говоря уже о Колѣ, который за нимъ лазилъ какъ сумасшедшій, даже сама Марья Николаевна, не смотря на свою полноту, увлеклась и полѣзла было на лѣстницу. Викторъ при этомъ слегка поддерживалъ ее, и умѣлъ такъ это сдѣлать, что Марья Николаевна нѣсколько даже сконфузилась, и когда слѣзла съ лѣстницы, то проговорила:

— Какой вы шалунъ!

Начальнику губерніи тоже нравилось это удовольствіе. Часто, сидя у себя въ кабинетѣ и занимаясь подписываніемъ бумагъ, онъ вдругъ вставалъ, приходилъ въ залу и начиналъ тамъ прыгать на козла взадъ и впередъ; а потомъ, какъ бы ничего этого не дѣлавъ, возвращался къ себѣ въ комнату и снова начиналъ подписывать.

— А что, въ губернаторскихъ адъютантахъ есть доходы или нѣтъ?—спросилъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія Викторъ, обращаясь къ матери.

— Не знаю!—отвѣчала Надежда Павловна. «Начто другое, а на это, видно, есть толкъ, этакой мерзавецъ!» невольно подумала она.

Въ комнату вбѣжала Дарья.

— Яковъ Назарычъ пріѣхали-съ! объявила она, а вслѣдъ за ней входилъ и самъ Яковъ Назаровичъ.

— Сейчас только въѣхалъ въ городъ, и сейчасъ, не выходя изъ повозки, къ вамъ!—проговорилъ онъ. Въ рукахъ онъ держалъ огромнѣйшій подносъ, на которомъ грудями были навалены бриллиантовыя и золотыя вещи, разныя фантастическія корзинки и дорогія конфеты.

Двое лакеевъ несли за нимъ свертки дорогихъ матерій, кружевъ и куньи мѣха.

Всѣ, не выключая и наивной Маши, какъ бы преклонились передъ нимъ съ благоговѣніемъ, а Виктора отъ зависти даже подергивало.

XXI.

Невольный протестъ.

Церковь Никола Явленнаго, самая аристократическая въ городъ, видѣлась своею черною массой на огромной площади. По всѣмъ ея карнизамъ горѣли, колеблясь пламенемъ во всѣ стороны и воняя скипидаромъ, плашки. Въ самой церкви, сырой и холодной, стояла толпа пѣвчихъ, въ своихъ голубыхъ, обшитыхъ галунами, кафтанахъ. Между ними происходилъ легкій говоръ, какъ бы въ родѣ перебранки.

— Гдѣ у тебя Бортнянскій-то?—говорилъ совсѣмъ низкой октавой басъ, и при этомъ у него изо рта вылеталъ паръ.

— Тамъ, въ нотахъ! — отвѣчалъ ему тоненькою фистулой дискантъ, тоже испуская паръ изъ ротика.

— Тамъ только альтовая партія, дьяволъ!—заключалъ басъ и давалъ бѣдному ребенку такой подза-

тыльничъ, что тотъ взмахивалъ на него свои голубые глазенки и удивленнымъ личикомъ какъ бы говорилъ: «Ну, братъ, этакого еще никогда не бывало».

Три мужика, съ помощію высочайшихъ лѣстницъ, зажигали три главныя паникадила, свѣчь по сту въ ваядомъ. Женихъ, съ приподнятою на накрахмаленномъ галстухъ головой, завитой, раздушенный, въ бѣлыхъ генеральскихъ штанахъ и въ синемъ ученномъ мундирѣ, былъ уже въ церкви и, какъ пѣтушокъ, вертѣлся около Марьи Николаевны. (Она была почетною дамой съ его стороны.)

— Будуаръ у меня обитъ бѣлымъ атласомъ, а мебель розово-свѣтлою матеріей, и изъ бѣлой слоновой кости трюмо, — разсказывалъ онъ.

— Да, да, — говорила съ чувствомъ Марья Николаевна.

— Въ гостиной рытые подъ бархатъ голубые обои, а зала подъ мраморъ, — объяснялъ Яковъ Назаровичъ.

— Да, да, — подтверждала добрая губернаторша. Между тѣмъ сынокъ ея, Коля, непремѣнно хотѣвшій быть въ церкви и въ качествѣ шафера привезшій образъ, теперъ въ одномъ изъ дальнихъ угловъ возился въ своею гувернанткой-англичанкой, которая напрягала всѣ свои почти неженскія силы, чтобы удержать его: онъ все рвался у нея, чтобы раскатать одну изъ передъ-иконныхъ лампадъ и посмотреть, какъ она треснется объ стекло, что онъ передъ тѣмъ и сдѣлалъ разъ.

«Невѣста!» раздалось, наконецъ, въ церкви. Женихъ повытянулся и еще какъ-то больше засѣменилъ

ножками. Двери распахнулись, и Соня, въ сопровожденіи Аполлиаріи Матвѣевны, разодѣвшейся во всевозможные цвѣта — синій, красный, желтый, вошла въ церковь. Ее вель подъ руку, съ перетянутою, какъ у осы, таліей и гремя по церковному полу саблей, Викторъ. Соня, повидимому, употребляла всѣ усилія надъ собою, чтобы не рыдать. Лицо ея было блѣдно и судорожно: она окончательно уже понимала, что продаетъ себя, и хотѣла по крайней мѣрѣ сдѣлать это такъ, чтобы было за что: одно подвѣчное платье ея стоило тысячи три, на лбу ея горѣла брилліантовая діадема въ пять тысячъ.

«Гряди!» — зацѣли верховые басы. «Гряди!» — выводили за ними дисканты. «Гряди!» — подавали октавы, и одна изъ нихъ, дольше другихъ протянувшаяся, какъ бы падучею звѣздой прокатилась по церковному своду. Соня невольно затрепетала всѣмъ тѣломъ, и затѣмъ, устремивъ взоръ на символическое изображеніе Святаго Духа, дѣлаемое обыкновенно надъ церковными вратами, не спускала съ него глазъ. Сдѣлать это умоляла ее ѣхавшая съ ней въ каретѣ Аполлиаріа Матвѣевна, говоря, что будто бы это необходимо для будущаго семейнаго счастья. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ губернаторшѣ аттютантъ ея мужа и привезъ ей теплую мантилью; за нимъ пріѣхалъ самъ начальникъ губерніи, за которымъ явился, разумѣется, полиціймейстеръ. По дружбѣ къ Якову Назаровичу, пріѣхали губернской и уѣздный предводители. Вице-губернаторъ, жившій противъ самой церкви, тоже пришелъ полюбопытствовать на вѣнчанье. Вышли священникъ и дьяконъ, въ самыхъ дорогихъ ризахъ, — одинъ съ евангеліемъ, другой съ

надломъ; по церкви распространился запахъ самаго чистаго, ливанскаго ладана. Начался обрядъ. На вопросъ священника: «не обѣщались ли?..» Соня отвѣчала: «нѣтъ». Голосъ ея при этомъ слегка задрожалъ. Когда надѣли на нихъ вѣнцы, Яковъ Назаровичъ былъ рѣшительно смѣшонъ, а Соня, напротивъ, была царственно-хороша: какъ бѣлая лебедь, ходила она въ своемъ вѣнчальномъ вуалѣ, съ потупленною головкой и съ обнаженными руками, вокругъ налоя.

Послѣ вѣнчанія, двери церкви снова распахнулись, молодая вышла и сѣла уже съ мужемъ въ его дормезъ, преисполненный шелку и пружинъ. Широкіе, лаковые козлы кучера имѣли рѣшительно характеръ королевскихъ экипажей; шестеро сѣрыхъ жеребцовъ, въ серебряной сбруѣ, могли быть уподоблены баснословнымъ конямъ. Яковъ Назаровичъ везъ молодую супругу въ свою подгородную деревню, расположенную сейчасъ же за рѣкой, на красивѣйшемъ противоположномъ берегу. Проѣхавъ площадь, надобно было спускаться подъ гору. Экипажъ окружила со всѣхъ сторонъ темнота. Съ рѣки, какъ изъ пропасти, потянуло сѣрымъ, порывистымъ, апрѣльскимъ вѣтромъ. На самомъ льду, чтобы какъ-нибудь экипажи не сбились съ дороги и не попали въ полыньи, ихъ встрѣтили, по приказанію Якова Назаровича, человекъ двѣнадцать верховыхъ людей, съ зажженными факелами. Свадебный поѣздъ какъ бы превратился въ погребальную процессію.

— Что это, меня точно хоронятъ! — проговорила Соня испуганнымъ голосомъ.

— Нѣту, моя душечка, нѣту, моя кралечка! — говорилъ супругъ, нѣжно цѣлуя ея ручки.

Но Соня дрожала.

Лошади потомъ дружно внесли экипажъ въ гору и остановились передъ освѣщеннымъ крыльцомъ, гдѣ молодыхъ встрѣтила цѣлая толпа лакеевъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ; а въ залѣ подъ мраморъ стояли — Надежда Павловна и Петръ Григорьевичъ съ образами, и стриженная, помѣшанная сестра Якова Назаровича, Валентина, лѣтъ шестидесяти дѣвица, проживавшая съ нимъ и воображавшая, ни много ни мало, что она плѣняетъ всѣхъ мужчинъ. Ее тоже вывели, благословить брата.

— Покажи-ка, покажи свою молодую! — говорила она, прищуривая глаза.

Яковъ Назаровичъ подвелъ къ ней Соню.

— О, не дурна! Черна только! произнесла помѣшанная.

Соня была бѣла какъ мраморъ, но Валентина совершенною красавицей считала только самое себя, и потомъ, когда начали приѣзжать губернаторъ, вице-губернаторъ, предводитель — мужчины все видные, она то на того, то на другаго стала видать нѣжные взоры, раскланивалась, расшаркивалась передъ ними, такъ что ходившая за ней горничная дѣвушка сочла за нужное увести ее.

— Полноте, барышня, ступайте! Пора къ себѣ въ комнату, — сказала она, беря ее подъ руку.

— Но должна же я занять этихъ господъ! отвѣчала помѣшанная, кидая на служанку гордый и гнѣвный взглядъ.

— Чего тутъ занять! Вѣдь Кузьма Иванычъ дожидается.

— Ахъ, да! — воскликнула Валентина, сейчасъ же

перемѣнивъ тонъ, — и уходя къ себѣ, все повторяла: «ахъ, несчастный! несчастный!»

Кузьма Ивановичъ былъ совершенно вымышленное лицо; но она воображала, что отъ любви къ ней онъ потонулъ; его спасли, и онъ идетъ къ ней. Что бы она ни дѣлала, какъ бы ни дурачилась, достаточно было сказать: «Кузьма Ивановичъ идетъ къ вамъ!» она сейчасъ же отправлялась въ свою комнату и дожидалась его «Какъ странно, однако, такъ долго неидеть!» повторяла она до тѣхъ поръ, пока не засыпала отъ усталости.

Гости между тѣмъ перешли въ гостиную. Стали подавать шампанское, и музыка заиграла тушь. Соня въ какомъ-то утомленіи сѣла на диванъ и невольно склонилась на его спинку свою чудную головку. Марья Николаевна тоже была разстроена и почти со слезами на глазахъ, такъ что Надежда Павловна спросила ее:

— Чтò съ вами?

Достойная эта женщина сначала ничего не отвѣчала; но потомъ, взявъ Басардину за руку и крѣпко сжавъ ее, проговорила:

— Я любила ваше семейство и теперь люблю; но я была ужасно оскорблена!

Изъ церкви Марья Николаевна взяла къ себѣ въ карету Виктора, и чтò уже у нихъ произошло тамъ — неизвѣстно; но только и тотъ какъ-то совался изъ стороны въ сторону, былъ замѣтно чѣмъ-то встревоженъ и наконецъ, улучивъ минутку, онъ оставилъ мать.

— Мнѣ, маменька, надобно завтра ѣхать въ Петербургъ.

— Это что такое?

— Отпускъ выходить!..

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ показалъ ей отпускъ, которому всего оставалось дня три.

— Чтожь здѣсь-то не остаешься на службѣ?—спросила насмѣшливо Надежда Павловна.

— Очень нужно, со скотами этакими!—возразилъ Викторъ обыкновеннымъ своимъ тономъ. — Мнѣ, маменька, дайте денегъ-то!

— Дамъ,—отвѣчала Надежда Павловна. Она была рада, какъ бы ни-будь —только отвязаться отъ него.

Свадебный ужинъ начался баснословной величины рыбой, сопровождаемою соусами изъ сои и омаровъ. Поваръ Якова Назаровича, по искусству, былъ первый въ городѣ. Надежда Павловна, сидѣвшая на самомъ почетномъ мѣстѣ и глядя на стоявшіе въ хрустальныхъ вазахъ дорогіе фрукты, на двухпудовыя серебряныя блюда подъ кушаньями, на шифрованные и съ превосходною живописью тарелки, на богемскій, тонкій какъ бумага хрусталь, блаженствовала. Подобной роскоши, оставивъ домъ князя, она уже не видывала. И все это теперь принадлежитъ ея Сонѣ.

А Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ. Неизвѣстно, по какому инстинкту, онъ лучше и яснѣе, чѣмъ его супруга, понималъ, что они дѣлали нехорошо, выдавая такимъ образомъ дочь: Богъ умудряетъ иногда и младенцевъ!

Но вотъ, шафера возгласили послѣдній тостъ, — здоровье какого-то осьмилѣтняго внука Якова Назаровича; стулья задвигались, и гости стали вставать, прощаться и разъѣзжаться. Аполлинарія Матвѣевна и двѣ другія дамы отвели Соню въ спальню.

Яковъ Назаровичъ прошелъ туда съ другой стороны. Огни въ домѣ погасали и все стало мало-помалу затихать. Не спалъ только Викторъ, мрачно ходившій по совершенно темной билліардной; вдругъ промелькнула чья-то тѣнь.

Викторъ повгладѣлся. Оказалось, что это былъ молодой, въ халатѣ и съ подушкой въ рукахъ.

— Что вы? — спросилъ его Викторъ.

Яковъ Назаровичъ грустно усмѣхался.

— Прогнала... Плачетъ... Не велитъ оставаться мнѣ тамъ! — проговорилъ онъ, и прошелъ въ свою прежнюю, холостую спальню.

— То-то дуракъ-то! сказалъ ему вслѣдъ Викторъ.

На другой день Надежда Павловна была очень встревожена, во-первыхъ, тѣмъ, что у Сони замѣтно дрожала ручка и голова, и она ужъ безъ ужасу, кажется, видѣть не могла мужа, а кромѣ того къ ней вдругъ прибѣжала горничная помѣшанной Валентины.

— У насъ несчастье-съ, — табакерка барышнина пропала, — объявила она.

— Какимъ это образомъ? — спросила Надежда Павловна сначала совершенно покойно. Она передъ тѣмъ только проводила Виктора, который уѣхалъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

— Не знаю-съ, — отвѣчала горничная какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ. — Дорогая табакерка очень.... Мы имъ только когда по праздникамъ и даемъ изъ нея нюхать.

Надежда Павловна пошла къ Валентинѣ.

— Только и всего... Ко мнѣ пришелъ этотъ молодой офицеръ — прекрасный, прекрасный молодой

человѣкъ!.. Поцѣловалъ у меня руку!.. Только и всего!.. —разсказывала сумасшедшая.

Надежда Павловна ее больше не спрашивала и, возвратившись въ свою комнату, опустилась на кресла.

— Господи! Только этого не доставало!—воскликнула она.

«А кто въ этомъ виноватъ?» шевельнулось въ ея мысляхъ. «И онъ, и я, и люди, и Богъ!» произнесла мысленно бѣдная мать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Британія.

Огромные часы на угловомъ зданіи стараго университета показывали два часа. Изъ новаго университета, по его нѣсколько наклоненному двору, выходили уже студенты. Внизу юридическихъ аудиторій молодцоватый студентъ надѣвалъ на себя каалоши и шинель; а со спиральной лѣстницы, съ самой верхней ея площадки, другой студентъ, свѣсивъ голову за перила, нѣсколько знакомымъ намъ голосомъ кричалъ ему:

— Баклановъ, вы въ Британію?

— Въ Британію, отвѣчалъ старый нашъ пріятель.

— И я приду!

— Ну да!—подтвердилъ Александръ, и когда онъ торопливо проходилъ черезъ средній подъездъ, швейцаръ Михайло дружелюбно замѣтилъ ему:

— Чтó, не сидится, видно, на лекціи-то!

— Дѣло есть поважнѣй лекцій!—отвѣчалъ ему Баклановъ серьезно.

Михайло усмѣхнулся ему въ слѣдъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нашимъ героемъ, онъ значительно возмужалъ: бакенбарды его подросли, лицо сдѣлалось выразительнѣй. Во всей его походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то мужественное, смѣлое... Видно, что онъ рѣшился смѣло и бойко идти на встрѣчу жизни.

Перейдя улицу, онъ, прямо противъ манежа, повернулъ въ трактиръ съ грязноватою вивѣской и началъ взбираться по деревянной, усыпанной пескомъ лѣстницѣ. Это-то и была Британія! Стоявшій за прилавкомъ прикащикъ нѣсколько модно и съ улыбкой поклонился ему. Баклановъ мотнулъ ему головой, пройдя залу, повернулъ въ комнату направо. Въ чистой, бѣлой рубахѣ половой, съ блѣднымъ и умнымъ лицомъ, съ подстриженною небольшою бородой и съ намащенной головой, почти дружески снялъ съ Бакланова шинель и положилъ ее на давно, какъ видно, приуроченное для нея мѣсто.

— Бирхманъ и Ковальскій были?—спросилъ Баклановъ, садясь на диванъ.

— Нѣтъ еще-съ, не приходили, —отвѣчалъ половой.

Баклановъ приподнялъ ногу на стулъ, причемъ обнаружилъ тончайшіе, франтовскіе шальвары. Его сюртукъ, съ маленькимъ голубымъ воротникомъ, тоже сидѣлъ на немъ щеголевато.

Половой подаль ему трубку и растрепанный номеръ *Репертуара*.

— А кто въ билліардной есть?—спросилъ Баклановъ.

— Проскриптскій, кажется-съ...

— О, чортъ съ нимъ! — произнесъ съ досадою Баклановъ.

Половой усмѣхнулся.

— Вчера у нихъ съ Варегинимъ и была же павовщина.

— Въ чемъ?

— Да все о душѣ-съ.

— И кто же кого?

Половой пожалъ плечами.

— Богъ ихъ знаетъ: Варегинъ-то, словно бы, правильнѣе на словахъ говорилъ.

— Варегинъ умница!

— Да-съ, — согласился и половой: — господинъ большаго разсудка. Говорять, онъ изъ нашего, изъ простаго званія-съ.

— Онъ мѣщанинъ. Тогда Наслѣдникъ съ Жуковскимъ путешествовалъ. Ему его и представили: задачи онъ, въ головѣ, самоучкой рѣшалъ. Тотъ велѣлъ его взять въ гимназію; въ два мѣсяца какіе-нибудь, читать не умѣвши, въ третій классъ приготовился.

Половой, съ удовольствіемъ, улыбался.

— Что оно, значитъ, природное-то! — произнесъ онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ; а потомъ, торопливо подавъ порцію чаю вновь пришедшимъ посѣтителямъ, опять подошелъ къ Бакланову.

— Проскрипскій этта-съ... можетъ, изволите знать: изъ Думы сюда ходять чиновникъ... чинъ тоже получилъ и ходилъ къ Иверской молебень служить... онъ на него и напалъ: «у червяка, говорятъ, голова, и у васъ; червяку отрѣжь голову и вамъ, и оба вы умрете!» Такъ того, бѣднаго, пробралъ....

— Пявка! ко всѣмъ лънетъ!.. — отвѣчалъ Баклановъ.

Вошли Бирхманъ и Ковальскій. Первый изъ нихъ былъ длиннѣйшій нѣмецъ. Голубые глаза его нѣсколько телячье выраженіе; но очертанія лица были довольно тонки и сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивали на лбу тоненькія жилки. Одѣтъ онъ былъ въ нескладный вицъ-мундиръ и въ уродливѣйшую, казенную, сѣро-синюю шинель, подбитую зеленою байкой съ бѣленькими лапками. Ковальскій, напротивъ, былъ маленькій, приземистый мужчина, сутуловатый, съ широкими, приподнятыми вверхъ, какъ на статуѣ Геркулеса, плечами. Онъ, какъ пришелъ, такъ сейчасъ же взялъ съ комода щетку и началъ ею чистить свой сюртукъ, полы котораго, въ самомъ дѣлѣ, были страшно перепачканы въ грязи.

— Гдѣ это ты такъ вывалялся? — крикнулъ ему Баклановъ.

— Это онъ меня везъ! — отвѣчалъ за него и совершенно спокойно Бирхманъ, садясь на стулъ къ столику противъ Бакланова.

— Что жъ, заказывай по условію-то!... — произнесъ угрюмо Ковальскій, подходя и тоже садясь около столика.

— Сосисокъ дай! — сказалъ Бирхманъ, попрежнему равнодушнымъ образомъ и не повертывая даже головы къ половому.

— Если самъ будешь ѣсть, такъ заказывай двѣ порціи, — прибавилъ Ковальскій.

— Ну, двѣ! — сказалъ и на это тѣмъ же тономъ нѣмецъ.

Оба эти молодые люди были изъ Александровскаго сиротскаго института и жили вмѣстѣ въ казенномъ домѣ. Бирхманъ, имѣвшій кое-когда деньжонки, нерѣдко, особенно въ темные, осенніе вечера пріѣзжалъ въ Британію верхомъ на пріятелѣи угощалъ его за это водкой, пивомъ, кушаньями.

— Какъ у тебя силы хватаетъ нести этуваю дубину?—спросилъ его Баклановъ.

— Да ничего бы, —отвѣчалъ Ковальскій, передернувъ слегка плечами: — болтается только, не сидитъ никакъ крѣпко.

— Это меня вѣтромъ сдуваетъ, —отвѣчалъ Бирхманъ, хотя бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ; но прочіе всѣ, не выключая и половаго, засмѣялись.

— Чортъ знаетъ, что такое! — говорилъ Баклановъ. — А что, господа, —прибавилъ онъ: — въ пятницу мы въ театрѣ?

— Въ театрѣ, —отвѣчалъ равнодушно Бирхманъ.

— О, разумѣется, —подхватилъ Ковальскій. Онъ надѣялся и назадъ проташить пріятеля на своихъ плечахъ и получить за это съ него билетъ въ раекъ.

— Надобно, господа, надобно, — говорилъ Баклановъ: — а то' этотъ господинъ теперь пріѣхалъ, привезъ свою мерзавку; эту несчастную гонять. Они дойдутъ, наконецъ, до того, что вытурятъ и Щелкина, и Садовскаго, и Мочалова, и пришлютъ вамъ братьевъ Каратыгиныхъ.

Бирхманъ сдѣлалъ движеніе головой, которымъ какъ бы говорилъ: «нѣтъ, они у меня этого не сдѣлаютъ!»

— Во-первыхъ, — продолжалъ Баклановъ: — эту

госпожу надо освистать, — она дрянь, а та — божество, талант!

— Освистать! — произнесъ Бирхманъ.

— Можно сдѣлать такую машину... какъ ее поставишь сейчасъ промежь колѣнъ, подавишь — шикнетъ какъ сто человекъ! — подхватилъ Ковальскій. Кроме необыкновенной силы, онъ былъ еще и искусникъ на всѣ механическія работы.

— Фянкель, портной, приходилъ, — вмѣшался въ разговоръ половой: — онъ говоритъ, если господамъ, говоритъ, угодно, я пришлю въ театръ своихъ подмастерьевъ. Одинъ, говоритъ, такъ у меня свиститъ, что лошади на колѣни падаютъ, и теперь, если ему — стараго, говоритъ, платья у меня много, — дать ему фракъ и взять только, значитъ, ему надо билетъ въ кресла.

— Это можно будетъ, но главное вотъ что... — продолжалъ Баклановъ одушевляясь: — этой нашей госпожѣ надобно у нихъ, канальевъ, подъ носомъ подарить вѣнокъ или колъе какое-нибудь бриллиантовое... У меня моихъ собственныхъ сто цѣлковыхъ готовы — нарочно выпустилъ мужика на волю... Вы, Бирхманъ, сколько дадите?

— Я дамъ тоже столько, сколько у меня въ то время въ карманъ будетъ, — отвѣчалъ положительно Бирхманъ.

— Я дамъ то же, сколько у него будетъ! — подхватилъ и Ковальскій.

— Мы дадимъ оба, сколько у насъ тогда будетъ, — сказалъ еще опредѣлительнѣе Бирхманъ,

— Превосходно! — воскликнулъ Баклановъ. — Венявина я послалъ съ подписнымъ листомъ... Тамъ,

на первомъ курсѣ, пропасть аристократишковъ наступило... посмотримъ, сколько отвалитъ и поддержать ли университетъ!

На эти слова его, въ комнату, какъ бы походкой гieny, вошелъ сутуловатый студентъ, съ нѣсколько старческимъ лицомъ и въ очкахъ. Кивнувъ слегка нашимъ пріятелямъ головой, онъ прошелъ и сѣлъ у другаго столика.

— Дай мнѣ *Отечественныя записки*! — проговорилъ онъ пискливымъ голосомъ.

Половой молча подалъ ему.

Между тѣмъ у Бакланова, съ приходомъ этого лица, какъ бы языкъ прилипъ къ гортани.

— Вы видѣли ее въ *Призельдн*? — продолжалъ онъ гораздо тише и какъ-то не такъ бойко.

— Видѣлъ! — отвѣчалъ по-прежнему громко Бирхманъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Летучая мышь! — говорилъ Баклановъ, не возвышая голоса.

Въ это время явился Венявинъ — усталый, запыхавшійся, волосы его торчали въ разныя стороны...

— Какъ нельзя лучше все устроилось, — говорилъ онъ, подходя прямо къ Бакланову: — юрсты подписались на семьдесятъ пять рублей, математики тоже изъявили согласіе и медиковъ человекъ двадцать будетъ въ театрѣ.

— Ну, умница! папъка! — сказалъ Баклановъ: — дай ему за это чаю! — обратился онъ къ половому.

— Нѣтъ, лучше водочки дайте! — говорилъ Венявинъ, какъ бы начиная ужъ кокетничать, а потомъ, такъ какъ около Бакланова не было мѣста, онъ сѣлъ

рядомъ съ Проскриптскимъ. Тотъ ядовито на него посмотрѣлъ.

— Что это вы такъ хлопочете?—проговорилъ онъ своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ, по своему добродушію, сейчасъ же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! — отвѣчалъ онъ.

— Хлопочеть, какъ и всѣ порядочные люди!—обратился, наконецъ, Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужъ лучше въ гусары шли,—обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство заставляеть?—перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, — возразилъ Проскриптскій.

— Искусствомъ актера, значить, наслаждаться нельзя? — сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи!—засмѣялся Проскриптскій. — Что же такое искусство актера?... Искуснѣе сдѣлать то, что другіе дѣлають... искусство не быть самимъ собой — хи, хи, хи!

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ клубнички кое-что есть, — продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской,—говорилъ Баклановъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи! — продолжалъ Проскриптскій: —

въ реторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну пошелъ! — проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! — прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти, студенту, съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще, всею своею фигурой, внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

— Вивать, вивать Петру Александровичу! — пропѣлъ Ковальскій, достаточно упитавшійся полученными имъ за труды сосисками.

— Gut Morgen! — проговорилъ пришедшему привѣтливо и Бирхманъ, который, во все время спора Бакланова съ Проскриптскимъ, отчаянно и молча курилъ, хотя въ то же время его нѣжное лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Не надѣясь на свое вмѣшательство словомъ, онъ, кажется, съ большимъ бы удовольствіемъ отдубасилъ Проскриптскаго кулаками.

— Здравствуйте! здравствуйте! — говорилъ, между тѣмъ, Варегинъ, подавая всѣмъ руку. — Здравствуйте ужъ и вы! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптскому.

— Здравствуйте-съ! — отвѣчалъ тотъ, и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужъ не вѣрять! — сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго

— Во вздоръ вѣрять, а въ то, что передъ глазами — нѣтъ! — отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое вѣрять? Я не знаю, что такое значить вѣрять; иль, въ самомъ дѣлѣ, вѣра есть упо-

ваемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи, хи, хи!

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! — подхватилъ Баглановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью!

— Стало-быть, и Коперникъ вретъ? — спросилъ ужъ Варегинъ.

— Вѣроятно!

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность!

— Случайность, вы полагаете? — произнесъ протяжно Варегинъ.

Студентовъ, такъ какъ ужъ было около четырехъ часовъ, набиралось все больше и больше. Дымъ густыми облаками ходилъ по комнатамъ. Меньше всѣхъ обнаруживали участіе къ спору двое студентовъ-медиковъ. Они благоразумно велѣли подать себѣ, на одномъ дальнемъ столикѣ, водки и борщу, и только молча показывали другъ другу головой, когда, по ихъ расчету, слѣдовало пропустить по маленькой. Около Проскриптскаго помѣстились двое его поклонниковъ, одинъ — молоденькій студентъ съ впалыми глазами, а другой — какой-то чрезвычайно длиноволоксый, нечесанный и безпрестанно заглядывающій въ глаза своему патрону; Бирхманъ съ досады пилъ съ Ковальскимъ седьмую бутылку пива. Баглановъ тоже ѣлъ ростбифъ и пилъ портеръ.

— Вотъ вѣдь что досадно: зачѣмъ жевы вѣрите

въ социализмъ-то, въ кисельные-то берега и медовыя рѣки?—говорилъ онъ Проскриптскому.

— Э, вѣрнѣе! разговоры только это!—упражненіе въ діалектикѣ! подхватилъ Варегинъ.

— Что жь такое діалектива? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, — подтвердилъ Проскриптскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектива?—спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и пиженерамъ! Хи, хи, хи! — смѣялся Проскриптскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, онѣ связываютъ людей, соединяютъ ихъ!—воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскихъ, конечно, счастливѣе меня! — возразилъ, какъ бы съ наивностью, Проскриптскій.

— Именно!—подхватилъ, почему-то вдругъ одушевившись, студентъ съ впалыми глазами.

— Ну да, разумѣется! — подтвердилъ за нимъ и длинноволосый.

Венявинъ, выпившій двѣ рюмки и совсѣмъ отъ этого захмѣлѣвшій, толковалъ Ковальскому:

— Я люблю науку... люблю...

— Отчего же вы изъ римскаго права единицы получаете?—окрысился на него Проскриптскій.

— Ну да, что жь такое! И получаю, а все-таки люблю науку!—говорилъ Венявинъ.

Въ другомъ мѣстѣ между кучками студентовъ слышалось:

— Рѣдкинъ, чудо какъ, сегодня говорилъ о колонизаціяхъ.

— Что жь, въ чемъ это чудо заключалось? — обратился вдругъ къ нимъ Варегинъ.

— Да онъ говори съ въ томъ же духъ, какъ и Грановскій! — отвѣчали ему.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Тѣхъ же щей, да пожиже влей! — произнесъ онъ.

— Грановскій душа-человѣкъ, душа! — подтвердилъ Венявинъ.

— Старая чувствительная дѣвка! — сказала Прокриптскій.

Варегинъ при этомъ только посмотрѣлъ на него.

Баклановъ, которому надоѣли эти споры, всталъ и, надѣвъ шинель, проговорилъ:

— Кто жь, господа, будетъ въ театрѣ?

— Мы! и мы! — отозвались почти со всѣхъ сторонъ; но потомъ вдругъ мгновенно все смолкло.

— Тертіевъ поетъ! — воскликнулъ Венявинъ и, перескочивъ почти черезъ голову Ковальскаго, убѣжалъ.

Баклановъ пошелъ за нимъ же.

Въ билліардной они увидѣли молодаго, бѣлокураго студента, который, опершись на кій и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теноромъ:

«Ужь какъ кто бы, кто моему горю помогъ».

Слушали его нѣсколько студентовъ. Венявинъ шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ олицетворенное блаженство.

Въ сосѣдней комнатѣ, Кузьма (знакомый намъ половой), прислонившись къ притолокѣ, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочіе половые также слушали. Многіе изъ гостей-бушцовъ, не безъ удо-

вольствія, повернули свои уши къ дверямъ. Не слушали только — Проскриптскій, сидѣвшій уткнувъ глаза въ книгу, и двое его почитателей, которые, вѣроятно изъ подражанія ему, вели между собою довольно громкій разговоръ.

Начали, наконецъ, засвѣчать огни.

Баклановъ пошелъ домой и на лѣстницѣ встрѣтился съ Проскриптскимъ.

— И вы уходите? — проговорилъ было онъ ему довольно вѣжливо.

— Да, ухожу-съ! — отвѣчалъ тотъ обыкновеннымъ своимъ смѣшкомъ.

Сойдя съ лѣстницы, они разошлись: Баклановъ пошелъ къ Кремлевскому саду, а Проскриптскій на Арбатъ.

— Кутейникъ! — проговорилъ себѣ подъ носъ Баклановъ.

— Барченокъ! — прошепталъ Проскриптскій.

А изъ трактира, между тѣмъ, слышалось пѣнье Тертіева:

«Руки, ноги скованы, его красная рубаха вся-то поизорвана!»

II.

Милое, но нелюбимое существо.

Луна, точно гигантовъ какихъ, освѣщала кремлевскія башни. Дорожки сада она покрывала бѣловатымъ свѣтомъ. Еще не совсѣмъ облетѣвшіе кусты деревьевъ представлялись черными кучами. Баклановъ

шелъ быстро и распустивъ свою шинель. Его благородная кровь (предокъ Александра, при Иоаннѣ Грозномъ, былъ повѣшенъ; другой предокъ, при Петрѣ, отличился подъ Полтавой, а при Екатеринѣ Баклановы служили землебрами) — его юношеская кровь легко и свободно текла въ здоровомъ тѣлѣ. Пройдя садъ, онъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ и вошелъ въ калитку небольшого деревяннаго домика. Это была его квартира, которую онъ нанималъ, съ самаго своего поступленія въ университетъ, у пожилой польки-вдовы, пани Фальковской. Если ужъ непременно необходимо что-нибудь сказать о свойствахъ этой дамы, то, во-первыхъ, она очень любила покушать.

— Цо то значе, яко мало ѣдзо млоды людзи!—говорила она, относя эти слова къ постояльцу и къ дочери, и если въ супѣ оставался хоть маленькій кусочекъ мяса, она его сейчасъ же вытаскивала и доѣдала.

Послѣ обѣда она любила заснуть и при этомъ такъ засыпала свои маленькіе глазки, что, встрѣчаясь въ такомъ видѣ съ Баклановымъ, даже совѣстилась.

— Ой! не глядите, не глядите, стыдно!—говорила она, закрывая лицо руками, и отвертываясь.

На каждомъ окнѣ у нея были цвѣты и канарейки, а по всему дому, не выключая и сѣней, постланы ковры.

Баклановъ, собственно, занималъ двѣ комнаты. Одна изъ нихъ была убрана стульями и маленькимъ фортепіано; а въ другой стояли въ порядкѣ: прибранный письменный столъ, передъ нимъ вольтеров-

ское кресло, по стѣнѣ мягкій, покойный диванъ, на которомъ лежала прелестно вышитая шерстями подушка, подарокъ хозяйкиной дочери, панны Казиміры, о которой я упоминалъ уже въ первой части моего романа. Въ углу комнаты, на нарочно посланной подстилкѣ, лежала лягавая собака, которая, при появленіи хозяина, сейчасъ же вскочила и начала прыгать.

— Здравствуй, Пегасушко, здравствуй!—говорилъ Баклановъ, раскланиваясь передъ ней.

Собака тоже передъ нимъ раскланивалась, опускаясь на переднія лапы и слегка полаявая.

Благообразный лакей, котораго Александръ нарочно выбралъ для себя изъ дворовыхъ мальчиковъ, снялъ съ него сюртукъ, подалъ ему надѣть вмѣсто него черный, стеганный архалукъ и зажегъ на столѣ двѣ калетовскія, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, свѣчки.

Вообще во всемъ этомъ обиходѣ домашней жизни молодаго человѣка была замѣтна порядочность и нѣкоторое стремленіе къ роскоши и щегольству.

— Александръ Николаичъ, вы пришли?—послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ.

— Пришелъ-съ.

— Можно къ вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, скромная на видъ, не красавица собой, но и не дурная, довольно со вкусомъ одѣтая въ холстинковое платье: это была панна Казиміра. Она сейчасъ же сѣла на вольтеровское кресло. Ля-

гавая собака не замедлила подойти къ ней. Казимира приласкала ее.

— Что вы не приходили обѣдать?... мамаша ждала, ждала васъ,— говорила она.

— А теперь она спитъ?

— Спитъ...

— Вверхъ брюшкомъ?

— Да,—отвѣчала Казимира съ улыбкой: — но гдѣ же вы были цѣлый день?— прибавила она.

— Возился все съ театромъ,—отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну что это! Что вамъ за охота!—проговорила дѣвушка, и покачала головой.

— Какъ, что за охота? Надобно же показать, что мы дорожимъ нашими талантами; а то это проклятое чиновничество чортъ знаетъ что надѣлаетъ!—отвѣчалъ Баклановъ, беря лежавшую на диванѣ красную феску и надѣвая ее себѣ на голову.

Казимира невольно потушилась. Молодой человекъ, въ этой, надѣтой нѣсколько на-бекрень, красной шапочкѣ, которая еще болѣе оттѣняла его черные, выющіеся волосы, былъ очень красивъ.

Онъ усѣлся на диванѣ въ небрежной позѣ.

— Вы вѣрно влюблены въ эту Санковскую?—начала опять Казимира.

— Хмъ...—усмѣхнулся Баклановъ.—Вы, кажется, должны хорошо знать, что я ни въ кого не могу быть влюбленъ,—прибавилъ онъ, бросая на дѣвушку выразительный взглядъ.

Существующія въ настоящее время между молодыми людьми отношенія были довольно странны: Казимира влюбилась въ Бакланова съ первыхъ же

дней, какъ онъ поселился у нихъ. Со своею богатою обстановкой, со своимъ крѣпостнымъ лакеемъ, онъ, умный, добрый и красивый, казался ей какимъ-то миллионеромъ и въ то же время полубогомъ, болѣе даже чѣмъ Венявину. Баклановъ, съ своей стороны, особенно послѣ его неудачной любви къ Сонѣ, тоже шутилъ съ ней... любезничалъ... смѣялся... Все это, какъ бы напитанныя ядомъ стрѣлы, входило въ сердце пылкой панны. Разъ—это было въ полутемноватомъ московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ они, въ сопровожденіи старухи Фальковской, ходили кое-что закупать, Казимира шла подъ руку съ Баклановымъ и все старалась оставить мать позади, а потомъ вдругъ крѣпко, крѣпко оперлась на его руку.

— Скажите мнѣ,—говорила она:—что это такое со мной?.. Съ тѣхъ поръ, какъ вы у насъ живете, я такъ счастлива, такъ всѣхъ люблю!..

Баклановъ на это только усмѣхнулся.

— Неужели я въ васъ влюблена?—прибавила Казимира.

Алексеандръ покраснѣлъ.

— Послушайте,—началь онъ, голосъ его слегка дрожалъ:—вы чудная, прекрасная дѣвушка, и я хочу быть въ отношеніи васъ благороденъ: не любите меня... я люблю другую...—проговорилъ онъ, и вздохнулъ.

— Кого же?—спросила Казимира, совсѣмъ уничтоженная.

— Послѣ... послѣ вы все узнаете,—отвѣчалъ Александръ и остановился, чтобы подождать старуху Фальковскую.

Послѣ это настало невдолгъ. Въ однѣ сумерки,

они остались вдвоемъ. Казиміра, подъ вліяніемъ своихъ тяжелыхъ думъ, сидѣла тихо за работой, а Баклановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы видали у меня эту вещь?—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ ней и вынимая изъ-подъ жилета висѣвшій на груди его маленькій медальонъ.

— Что такое тутъ?—спросила Казиміра, устремляя на него невольно нѣжный взоръ.

— Посмотрите!—и Баклановъ раскрылъ медальонъ.

Тамъ хранилась знакомая намъ записочка Соня. Онъ бережно вынулъ ее и подалъ Казиміръ.

— Это отъ той, которую вы любите? — проговорила она, болѣе машинально прочитавъ написанное.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Зачѣмъ же она такъ пишетъ?—спросила, послѣ короткаго молчанія, Казиміра, и точно при этомъ спряталась вся въ свои кресла.

— Что дѣлать! обстоятельства!.. жизнь!..

— О, какія могутъ быть для этого обстоятельства! — воскликнула Казиміра.

Въ голосъ ея слышались грусть и насмѣшка.

— А такія...—отвѣчалъ Баклановъ, и не докончилъ.

— Вы и теперь еще переписываетесь?—спросила Казиміра. Лицо ея при этомъ поблѣднѣло.

— Нѣтъ.

— Но чѣмъ же все это должно кончиться?

— Не знаю! охъ, хо, хо, хо! произнесъ Баклановъ со вздохомъ.

Разговоръ, въ этомъ родѣ, опять въ непродолжительномъ времени возобновился между молодыми

людьми, и сталъ повторяться довольно часто. Александръ чувствовалъ какое-то особенное наслажденіе говорить съ Казимірой объ ея соперницѣ.

Въ настоящій вечеръ, бывъ особенно въ припадкѣ чувствительности, онъ не преминулъ заговорить о томъ же.

— Кто разъ любилъ хорошо, тому долго не обратиться съ силами на это чувство! — произнесъ онъ.

— Вы какихъ лѣтъ ее полюбили? — спросила Казиміра. Она, въ свою очередь, тоже находила какое-то болѣзненное удовольствіе слушать Александра, когда онъ рассказывалъ о любви своей къ другой, хотя, повременамъ, это становилось ей очень и очень тяжело.

— Почти что съ дѣтскихъ лѣтъ, — отвѣчалъ Баклановъ, разваливаясь на диванѣ. — Мы росли съ ней вмѣстѣ и, разумѣется, какъ дѣти, играли въ разные игры, между прочимъ и въ свадьбы: я будто мужъ, а она жена... заберемся въ темный уголь и сидимъ тамъ...

Казиміра склонила голову на руку и, кажется, вся кровь прилила ей къ лицу.

— Потомъ, — продолжалъ Баклановъ: — я жилъ съ матерью, въ деревнѣ: только, разъ гулялъ въ полѣ, прихожу домой, говорятъ: Басардины пріѣхали; вхожу и вижу, вмѣсто маленькой дѣвочки — совсѣмъ сформировавшуюся, и не съ двумя, а съ одною ужъ косою, съ длинными, бѣлыми, чудными ручками!... (При этомъ онъ невольно взглянулъ на исколотые иголкою и слегка красноватые пальцы Казиміры). Мнѣ такъ какъ будто бы что-то въ сердце ударило... чувство настоящее заговорило.

— Да, понимаю,—отвѣчала Казиміра со вздохомъ, припоминая собственное чувство къ Александру.

— Ну, потомъ, я учился въ гимназіи, а она въ пансіонѣ, и ѣздила къ намъ... Въ домѣ у насъ огромная зала... ходимъ мы съ ней, бывало, и она все меня спрашиваетъ: «Кто мой идеаль?» — Баклановъ такъ при этомъ одушевился, что даже попривсталъ. — Я говорю: «Вы его знаете, видали». — «Гдѣ?.. Когда?..» — «Въ зеркалѣ», говорю.

Казиміра въ это время держала свою голову обѣими руками: О! для чего это счастье выпало не на ея долю!

— Она сконфузилась, —говорилъ Баклановъ: — а въ то время было стихотвореніе: *Не говори ни да, ни нѣтъ!* Я ужь къ ней сталъ приставать: «да или нѣтъ?» спрашиваю. «Да», говоритъ.

Казиміра вздохнула.

— Ну, и что же?

— А то же, что были минуты полнаго, безумнаго счастья!

— Какъ, неужели дошло до конца?—проговорила, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, Казиміра.

— Да!

Баклановъ такъ привыкъ по этому случаю прыгать, что даже и самъ не замѣчалъ, когда дѣлалъ это.

— Какъ же она въ такомъ видѣ вышла за другаго?—проговорила Казиміра, уже вставая. Сердце ея не въ состояніи было долѣе переносить эту муку.

— Вы читали, какъ она вышла,—отвѣчалъ Баклановъ. —Но погодите, постойте! куда же вы?—прибавилъ онъ, беря Казиміру за руку.

Та отвернулась отъ него, вакъ бы затѣмъ, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Посидите!—сказалъ онъ, и посадилъ ее почти силой на диванъ.

— Нѣтъ! пустите, пустите! — проговорила вдругъ Казимира и пошла: на глазахъ ея видны были слезы.

Баклановъ посмотрѣлъ ей задумчиво въ слѣдъ.

— Будь покойна, мое кроткое существо... я не погублю тебя!—произнесъ онъ тономъ самоотверженія.

Но въ самомъ дѣлѣ, Казимира просто не нрави-
лась ему своею наружностью.

III.

Андреянова на московской сценѣ.

Въ подъѣзду Большаго театра, почти непрерывною цѣпью, подъѣзжали кареты. По корридорамъ бѣгали чиновники, почему-то почище и посвѣжѣе одѣтые. Зала театра, кромѣ люстры, была освѣщена еще двумя рядами свѣчъ. Изъ директорской ложи виднѣлись полныя и гладко выбритыя физиономіи. Декорации, пзображавшія какой-то трудно даже вообразимый, но все-таки прелестный и полный фантастическихъ тѣней видъ, блистали явною новизной. Кордебалетъ, тоже весь одѣтый до послѣдней ниточки въ свѣжій газъ и трико, къ величайшему наслажденію сидѣвшаго въ первомъ ряду, съ отвислою губой, старикашки, давно ужъ поднималъ передъ публикой ноги и, остановившись въ этой позѣ, замиралъ на нѣсколько минутъ, а потомъ, вдругъ повернувшись,

поднималъ ножи передъ стоявшимъ въ мрачной позѣ героемъ балета, чтобъ и его не обидѣть; затѣмъ, ставъ на колѣна и раскинувъ надъ собой разноцвѣтныя покрывала, изображалъ какъ бы роскошнѣйшій цвѣтникъ.

Баклановъ и Венявинъ, оба въ мундирахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и при шпагахъ, сидѣли во второмъ ряду. Подмастерье отъ Финкеля, хотя и во фракѣ, но сидѣлъ въ купонѣ. Въ райкѣ, съ правой стороны, видѣлись физиономіи Бирхмана и Ковальскаго, а съ лѣвой — сидѣла почти цѣлая шеренга студентовъ-медиковъ. Математики наняли себѣ три ложп. Изъ молоденькихъ юристовъ человѣкъ десять сидѣли въ креслахъ. Наконецъ примадонна, высокая, стройная, не совсѣмъ только граціозная, вылетѣла. Костюмъ ея былъ предестень. Какъ-то порывисто вытянувъ свою правую ногу назадъ, она наклонилась къ публикѣ, причемъ обнаружила довольно пріятной формы грудь, и стала на другой ногѣ повертываться. Въ директорской ложѣ ей слегка похлопывали. Въ публикѣ сначала ей застучали саблями два офицера, имѣвшіе привычку встрѣчать аплодисментами всѣхъ примадоннъ. Хлопали также дежурный квартальный и человѣка три театральныхъ чиновника, за которыми, наконецъ, грохнуло и купечество, когда примадонна очень ужъ высоко привскочила! Заговорщики еще себя сдерживали: между ними положено было дать ей протанцовать цѣлый актъ и потомъ, какъ бы убидѣвшись въ ея нескусствѣ, проявить свое мнѣніе.

— Бумъ! бумъ! бумъ! ревели барабаны. Примадонна дѣлала частенькія, мелкія па; потомъ, повернувшись,

остановилась лицомъ передъ публикой, развела руками и ангельски улыбнулась; наконецъ, все больше и больше склоняясь, скрылась въ глубь сцены. Ей опять захлопали. Заговорщики все еще продолжали не заявлять себя, но когда кордебалетъ снова высыпалъ со всѣхъ сторонъ на авансцену, дѣлавшуюся темнѣе и темнѣе, потолокъ тутъ, раскинулся потомъ на разнообразнѣйшія группы, и когда посреди ихъ, примадонна, выбѣжавъ съ жень-премьеромъ, поднялась на его рукахъ въ позѣ улетающей феи, и изъ передней декораціи, для произведенія большаго эффекта, освѣтили ее электрическимъ свѣтомъ, — Ковальскій въ райкѣ шикнулъ въ свою машинку на весь театръ. Его поддержали шиканьемъ человекъ двадцать медиковъ, а изъ купона раздался свистъ подмастерья. Частный приставъ бросился туда.

— Кто это, господа, тутъ свиститъ?—сказалъ онъ.

— Это, должно быть, вы сами свистиули; здѣсь никто не свистѣлъ, отвѣчалъ ему господинъ совершенно почтенной наружности.

Частный приставъ, очень этимъ обидѣвшись, вышелъ въ корридоръ.

— Пошлите пожарныхъ на лампу, чтобы хлопали тамъ!—крикнулъ онъ квартальному.

— Примадоннѣ дурно! опустите занавѣсъ! —слышалось на сценѣ за декораціями.

— Нѣтъ, ничего, дотанцуетъ!—возражалъ другой голосъ, и примадонна, въ самомъ дѣлѣ, хоть и очень разстроенная, но дотанцовала, пока не унесена была слетѣвшими духами на небо. Занавѣсъ упалъ. Пожарные еще похлопывали надъ люстрой. Публика

хлынула въ кофейную; слышались разнообразнѣйшіе толки.

— Помилуйте, за что это? У ней есть и грація, и умънье!—толковалъ театральнй чиновникъ.

— Ничего у нея нѣтъ, ничего!—возражалъ ему запальчиво Баклановъ.

— Все есть, все! — повторялъ чиновникъ.

— Можетъ быть все, только не то, что надо, — отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

Въ корридорѣ полиціймейстеръ распекалъ частнаго.

— Студенты, помилуйте, студенты!—оправдывался тотъ.

— Начальство ихъ надо сюда!—говорилъ полковникъ, и ко второму акту, въ заднихъ рядахъ, показался синій вицъ-мундиръ субъ-инспектора.

Баклановъ и Венявинъ торжествовали.

Примадонна, оскорбленная, огорченная и взволнованная, дѣлала все, что могла. Танецъ ея былъ страстный: въ какомъ-то точно опьянѣннй, она то выгибалась всемъ тѣломъ и закатывала глаза, то вдругъ, съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ, отбѣгала отъ преслѣдующаго ее жень-премьера, — но агитаторы были неумолимы: въ тотъ самый моментъ, когда она, внявъ мольбамъ прелестнаго юноши, подлетѣла къ нему легкою птичкой, — откуда-то сверху, изъ ложи, къ ея ногамъ упала, громко звякнувъ, черная масса. Примадонна, съ ужасомъ, отскочила на нѣсколько шаговъ. Жень-премьеръ, тоже съ испугомъ, поднялъ передъ публикой брошенное.

— Мертвая кошка! — произнесъ чей-то голосъ на креслахъ.

Общій хохоть раздался на всю залу.

— Bravo! мертвая кошка! bravo! — кричалъ неистово въ креслахъ Баклановъ, такъ что всѣ на него обернулись.

— Мертвая кошка!—повторялъ за нимъ Венявинъ.

Съ примадонной въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось дурно. Въ директорской ложѣ совершенно опустѣло: оттуда всѣ бросились на верхъ, откуда была брошена мертвая кошка.

— Мертвая кошка! продолжалъ кричать Баклановъ.

— Пожалуйте къ субъ-инспектору,—сказалъ подошедшій къ нему капелъдиреръ.

— Убирайся къ чорту!—отвѣчалъ ему Александръ.

На сценѣ, между тѣмъ, безтолково прыгалъ кордебалетъ. Субъ-инспекторъ, пробовавшій было вызвать по крайней мѣрѣ хоть кого-нибудь изъ математиковъ, сидѣвшихъ въ ложахъ въ бель-этажѣ и передъ глазами всей публики хохотавшихъ, но не успѣвъ и въ томъ, поскакалъ на извожикѣ въ университетъ, доложить начальству. Соло за примадонну исполнила одна изъ пансіонерокъ.

Когда занавѣсъ упалъ, Баклановъ сдѣлалъ знакъ Казимірѣ и пани Фальковской, сидѣвшимъ въ третьемъ ярусѣ и для которыхъ онъ нарочно нанималъ ложу, а потомъ, мотнувъ головой Венявину, гордо вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ сошлись въ сѣняхъ его дамы, и всѣ они поѣхали въ каретѣ, домой. Пани Фальковская, расфранченная и очень довольная, что побывала въ театрѣ, всплескивая своими коротенькими ручками, говорила:

— Какъ это возможно! за что ее, бѣдную, такъ?

— А за то, что тутъ правда, истинна, которыя

однѣ только имѣють законное право существовать, онѣ тутъ страдаютъ!—толковалъ ей запальчиво Александръ.

Казимира съ чувствомъ и съ грустью глядѣла на него. Она искренно видѣла въ немъ поборника истины и бойца за правду. О, еслибъ онъ любилъ ее хоть сколько-нибудь!

IV.

Платонъ Степановичъ.

— Это что еще? А? Что вы еще придумали?— говорилъ инспекторъ студентовъ, въ своемъ флотскомъ мундирѣ, застегнутомъ на все пуговицы, горячася передъ стоявшими предъ нимъ въ довольно комическихкихъ позахъ Бирхманомъ, Венявинымъ, Ковальскимъ, двумя-тремя медиками и нѣсколькими математиками. Впереди всѣхъ ихъ, впрочемъ, стоялъ Баклановъ.

— Позвольте, Платонъ Степановичъ! — говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и все больше и больше выступая впередъ.

— А вотъ и нѣтъ!.. Не позволю!—говорилъ ему тотъ, въ свою очередь, тоже съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Какъ же это?

— А такъ же!.. Ты скажешь два слова, а мнѣ послѣ тебя и говорить нечего будетъ.

— Странно!—проговорилъ Баклановъ, пожмая плечами, и потомъ прибавилъ довольно громко

вслухъ: — Я не солдатъ, а вы еще не полковникъ, чтобы говорить мнѣ *ты*.

— Не полковникъ! — произнесъ Платонъ Степановичъ, кидая на него свирѣпый взглядъ. Стрѣла была пущена прямо въ цѣль: полковничій чинъ былъ для него до самой смерти какою-то неосуществляемою мечтой.

— Вы-то это что? Вы-то? — накинулся онъ на Бирхмана. — Правительствомъ взяты, воспитаны, взлѣбляны, и вотъ благодарность!.. Вѣдь солдатъ на всю жизнь!.. на всю жизнь! — прибавилъ онъ, грозно потрясая рукой. Онъ имѣлъ привычку — мрачную картину всегда еще больше поразукрасить; но Бирхмана это нисколько, кажется, не пробрало.

— Не знаю, что я противъ правительства сдѣлалъ, — проговорилъ онъ.

— А, не знаете! — прикрикнулъ Платонъ Степановичъ, — а вейнхандлунгъ, такъ знаете!

— Вы сами-то пуще не знаете! — бухнулъ прямо Бирхманъ.

— Я знаю... разумѣется... — произнесъ Платонъ Степановичъ, какимъ-то страннымъ голосомъ: улыбка, какъ онъ ни старался скрыть, проскользнула по его лицу.

Баклановъ въ это время опять ужъ на него наступалъ.

— Если теперь, Платонъ Степановичъ...

— Ну-съ! — отвѣчалъ ему тотъ, совершенно позабывъ, что сейчасъ только запрещалъ ему говорить.

— Если теперь писатель, — говорилъ Баклановъ: — изъ которыхъ, на примѣръ, Иванъ Андреичъ Кры-

ловъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ — тайный совѣтникъ...

На слова «дѣйствительный и тайный совѣтникъ» онъ нарочно поприударилъ.

— Ну, ну съ! — торопилъ его Платонъ Степановичъ.

— И тѣхъ можно хвалить и порицать, — продолжалъ Баклановъ, — а какую-нибудь танцовщицу, которая умѣетъ только вертѣть ногамп, нельзя.

— Тутъ не въ танцовщицѣ, сударь, дѣло! Тутъ Императорскій театр! — крикнулъ Платонъ Степановичъ.

— Да, вѣдь, императора тутъ нѣтъ! — возразилъ Баклановъ.

— Онъ невидимо тутъ присутствуетъ! — порѣшилъ Платонъ Степановичъ, и опять слегка улыбнулся. — Вотъ соколкѣ-то! — продолжалъ онъ, указывая на Ковальскаго и, по возможности, стараясь сохранить строгій тонъ: — по театрамъ ходитъ, а изъ греческаго единицы получаетъ.

— Да я знаю-съ, помилуйте, Платонъ Степановичъ: спросите-съ меня, — отозвался тотъ.

— Есть мнѣ когда васъ спрашивать! — сказалъ, серьезнѣйшимъ образомъ, Платонъ Степановичъ, и потомъ вдругъ крикнулъ: — Ермоловъ!

Въ дверяхъ появился солдатъ.

— Вотъ, возьми этого господина, продолжалъ онъ, указывая на одного изъ медиковъ, сведи въ цырюльню и остриги его на мой счетъ. Вотъ тебѣ и четвертакъ! — прибавилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ подалъ солдату четвертакъ.

— Да какъ же это-съ? — возразилъ было студентъ.

— Не прощу! Не прощу!—закричалъ Платонъ Степановичъ, хватая себя за голову и махая руками. Студентъ, дѣлать нечего, пошелъ.

Волосы студенческіе были однимъ изъ мучительнѣйшихъ предметовъ для благороднаго Платона Степановича: насколько онъ, по требованію начальства, желалъ, чтобы они были острижены, на столько студенты не желали ихъ стричь.

— Ну, что мнѣ съ вами дѣлать?.. что?—говорилъ онъ оставшимся предъ нимъ студентамъ, и какъ бы въ самомъ дѣлѣ недоумѣвая, что ему дѣлать.

— Вы кто такой? — обратился онъ, тотчасъ же в слѣдъ за тѣмъ, къ одному черноватому математику.

— Я руссинъ, ваше высокородіе, — отвѣчалъ тотъ пѣвучимъ голосомъ.

Платону Степановичу отвѣтъ такой понравился.

— На чужой сторонѣ, сударь, надобно скромно себя вести! сказалъ онъ ему и снова возвратился къ прежней своей мысли.

— Что мнѣ съ вами дѣлать! Вы ступайте въ карцеръ на день, на два, на три!—объявилъ онъ Бакланову.

— Я пойди пойду хоть на мѣсяць, — отвѣчалъ тотъ, размахивая руками, — а ужь свои убѣжденія имѣю и всегда буду имѣть.

— Свои убѣжденія! — повторялъ ему велѣлъ Платонъ Степановичъ:—а вы ступайте по домамъ!— объявилъ онъ прочимъ студентамъ. — Вамъ еще хуже будетъ! Еще!.. Еще!..—повторялъ онъ неоднократно.

Что подъ этимъ: «еще хуже будетъ!» онъ всегда разумѣлъ, для всѣхъ обыкновенно оставалось тайной.

— Графу, я полагаю доложить надо-сь, — подо-

шелъ къ нему и сказалъ сладкимъ голосомъ субъ-инспекторъ.

— Знаю-съ!—отвѣчалъ Платонъ Степановичъ съ досадою, и войдя на крыльцо, сейчасъ сѣлъ на своего неказистаго коня и поѣхалъ.

«Свои убѣжденія,» разсуждалъ онъ дорогой почти вслухъ: «и я бы ихъ имѣлъ, да вонъ тутъ господинъ живетъ!»—и онъ указалъ на генераль-губернаторскій домъ,—«тутъ другой»—прибавилъ онъ, и ткнулъ по воздуху пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была квартира генерала Перфильева.

— Свои убѣжденія!—повторилъ онъ.

Здѣсь мы не можемъ пройти молчаніемъ: миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Ты любилъ и понималъ юность! Ты былъ только ея добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ!

V.

Знай нашихъ!

Черезъ два-три дня назначенъ былъ бенефисъ Санковской. Само небо, какъ бы покровительствуя заговорщикамъ, облеклось густыми и непроницаемыми тучами. Фонари тускло свѣтились. На Театральной площади то тутъ, то тамъ виднѣлись небольшія кучки студентовъ.

— Къ третьему акту, что ли, велѣно сходиться?

— Да, да! А то, пожалуй, прогнать,—слышалось въ одной изъ нихъ.

— Платонъ поѣхалъ!—объявилъ подходя высокій студентъ.

— У кого подарокъ-то? У кого?...

— У Бакланова, разумѣется!

— Финкель ужь тамъ: у него человѣкъ двадцать въ райкѣ рассажено.

Въ театрѣ, между тѣмъ, было немного свѣтлѣй, чѣмъ и на улицѣ. Музыканты играли какъ-то лѣниво. Старыя декорации *Дневы Дуная* чернѣли закоптѣлыми массаами на плохо освѣщенной сценѣ. Одно дерево, долженствовавшее провалиться, вдругъ заупрямилось, и когда его стали принуждать къ тому, оно совсѣмъ распалось на составныя части, причемъ обнаружилось свой картонный задъ и стоявшаго за нимъ мужика въ рубахѣ, который, къ общему удовольствію публики, успѣшилъ убѣжать за кулисы.

Платонъ Степановичъ, дѣйствительно бывший въ театрѣ и сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, пока еще блаженствовалъ, потому что, сверхъ даже ожиданія его, все было совершенно тихо и благочинно. Помѣщавшійся въ третьемъ ряду субъ-инспекторъ былъ тоже спокоенъ, и только повременамъ, съ удовольствіемъ взглядывалъ на начальника.

Въ послѣднемъ актѣ, наконецъ, бенефициантка должна была дѣлать финальное соло, и вдругъ изъ всѣхъ дверей, въ креслахъ, стали появляться студенческіе сюртуки. Платонъ Степановичъ завертѣлся на мѣстѣ и едва успѣвалъ повертываться туда и сюда.

По среднему проходу, между креслами, прошелъ Баклановъ. Платонъ Степановичъ не утерпѣлъ и погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ бы этого не замѣтилъ.

— Bravo! bravo! — рывнула въ райкѣ компанія Финкеля.

— Bravo! bravo!—повторили за ними въ ложахъ.

Платонъ Степановичъ вскочилъ на ноги и, повернувшись лицомъ къ публикѣ, съ раскраснѣвшеюся и потерявшеюся физиономіей и безпрестанно повертывая голову точно за разлетающимися птицами, сталъ глядѣть на раскъ, на ложи, на кресла, а потомъ, какъ-будто бы кто его кольнулъ въ задъ, опять обернулся къ сценѣ. Тамъ Баклановъ, перескочивъ черезъ барьеръ, отдѣляющій музыкантовъ, лѣзъ на возвышеніе къ капельмейстеру и что-то такое протягивалъ въ рукѣ къ сценѣ. Бенефициантка въ это время раскланивалась передъ публикой!

— Это даръ нашъ! примите его въ уваженіе вашего высокаго дарованія! — проговорилъ студентъ.

Бенефициантка приняла, поблагодарила, съ граціозною улыбкой, его и публику, и подаренную ей вещь надѣла на голову. Это былъ золотой вѣнокъ, блеснувшій небольшими, но настоящими брилліантинками.

— Bravo!... bravo!... *Bis*...—ревѣли въ публикѣ.

Платонъ Степановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ театра. Къ нему подошелъ субъ-инспекторъ.

— Что прикажете дѣлать-съ?

— А что хотите! вы умнѣй меня,—отвѣчалъ старикъ съ досадой и ушелъ.

Субъ-инспекторъ нашелъ возможность остаться только съ распушенными руками и съ потупленною головой. Въ публикѣ, между тѣмъ, неистовство росло: когда занавѣсъ упалъ, къ студентамъ пристала прочая молодежь, и они въ крайней мѣрѣ съ полчаса кричали: «Санковскую! Санковскую!... bravo!.. чудо!..»

Къ этимъ фразамъ иногда прибавлялась и такая:

— Долой Андреянову, давай намъ Санковскую!
По окончаніи спектакля, въ Британіи все больше
и больше набиралось студентовъ.

— Каковы каналы! какъ занавѣсъ-то долго не под-
нимали, когда вызывать ее начали! — говорили одни.

— Разъ семь вызвали? спрашивали, съ величай-
шимъ любопытствомъ, не бывшіе въ театрѣ.

— Восемь!—отвѣчали имъ.

— Финкеля въ часть взяли!.. съ квартальнымъ
схватился... стучалъ ужь очень палкой, — сообщилъ
спокойно Бирхманъ.

— Спасать его! пойдѣте спасать!—раздалось нѣ-
сколько голосовъ.

— Ну его къ чорту!... откупится! возразили бо-
лѣе благоразумные.

Вошелъ Баклановъ.

— А, Баклансвъ!.. молодець!.. молодець!.. — за-
кричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Знай нашихъ!—произнесъ онъ самодовольно и,
какъ человѣкъ совершившій немаловажное дѣло, сѣлъ
на диванъ и поспѣшилъ вздохнуть посвободнѣе.

VI.

Тайная причина горя.

Неустанно летитъ богъ времени, пожралъ онъ
водолея, рыбъ, овна, тельца; съ крыльевъ его сле-
тѣли уже зефиры, флора стала убирать деревья и
поля зеленую и цвѣтами.

Въ круглой, съ колоннами и темноватой залѣ

старого университета совершалось таинство экзаменованія. Къ четыремъ, довольно далеко разставленнымъ одинъ отъ другаго, столикамъ, студенты, по большей части съ заискивающими лицами, подходили, что-то такое говорили, размахивали руками, на что профессора или утвердительно качали головой, или отрицательно поматывали ею вправо и влѣво. Студенты, при этомъ, краснѣли въ лицѣ и дѣлали какіе-то глупые глаза.

Бакланова вызвали почти изъ первыхъ. Отвѣтивъ довольно хорошо, онъ даже не поинтересовался посмотреть, много ли ему поставили, а молча, съ серьезнымъ видомъ, отошелъ отъ стола. Онъ зналъ, что одинъ и два лишнихъ балла ничего для него не сдѣлаютъ.

— Подождешь меня?—спросилъ Венявинъ, почти тотчасъ же послѣ него слѣдовавшій по списку.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ угрюмо Баклановъ.—Найми лошадей, мы сегодня вечеромъ выѣдемъ.

— Хорошо,—проговорилъ тотъ, привыкшій безусловно во всемъ повиноваться пріятелю.

Когда Баклановъ возвратился домой, у пани Фальковской былъ уже накрытъ столъ. Александръ молча сѣлъ за свой приборъ и ничего почти не ѣлъ.

— Что, вы кончили? — спросила Казимира, не спускавшая съ него глазъ.

— Все, совсѣмъ... Сегодня послѣдній экзамень былъ,—отвѣчалъ Баклановъ и вздохнулъ.

Послѣ обѣда онъ не уходилъ къ себѣ въ комнату и, какъ показалось Казиміръ, хотѣлъ поговорить съ ней откровенно. Сердце ея неводно замерло.

— Вотъ, вы теперь вступаете въ жизнь, — начала она впрочемъ сама.

— Да, пора ужъ! А то такъ безумно провести, какъ я провелъ эти десять лѣтъ... — началъ Баклановъ.

Казимира посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Въ гимназій рѣшительно ничего не дѣлалъ и не зналъ. Что и дома-то французскому языку выучили, и то забылъ. Въ университетѣ тоже... все это больше какимъ-то туманомъ осталось въ головѣ.

— Но отчего же вы такъ умны? — перебила его Казимира.

— Умень! — повторилъ Баклановъ, нѣсколько сконфузясь, но и не безъ удовольствія: — я не знаю, умень ли я или нѣтъ; но я вамъ говорю факты. На первомъ курсѣ я занятъ былъ этою любовью къ кокеткѣ-дѣвчонкѣ!...

Казимиръ это пріятно было слышать.

— Потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и третьемъ курсахъ пьянствовалъ, и наконецъ этотъ годъ, — заключилъ онъ: — глупѣй ничего ужъ и вообразить себѣ нельзя, что дѣлалъ: клакромъ былъ!

— Да, — подтвердила на это Казимира: — впрочемъ, что же, вѣдь? Не вы одни: всѣ такъ! — прибавила она.

— Нѣтъ, не всѣ! — воскликнулъ Баклановъ: — вотъ, Проскриптскаго видѣли вы у меня?

Казимира, съ гримасой, покачала головой.

— Нечего гримаски-то дѣлать. Онъ идетъ, куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ; пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, а отчего? Оттого, что семи-варистъ: его и дома, можетъ быть, и въ ихней тамъ

семинарія въ дугу гнули, характеръ по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться приучили.

На все это Казимира отрицательно усмѣхнулась: по ея мнѣнію, Александръ и характеру больше имѣлъ, и ученѣй всѣхъ былъ.

— Или Варегинъ вонъ у насъ, — совсѣмъ настоящій человѣкъ: уменъ, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже отчего? уличнымъ мальчишкой выросъ, семьи не имѣлъ.

— Ну что хорошаго безъ семьи, что вы? возразила Казимира.

— Нѣтъ, именно отъ семьи все и происходитъ! воскликнулъ Баклановъ. — У меня, бывало, матушка только и говоритъ: «Сашенька, батюшка, не учись, боленъ будешь!... Сашенька, батюшка, покушай, Сашенька, поколоти двороваго мальчишку, какъ это онъ тебѣ грубіянитъ», вотъ и вынянчили себѣ на шею такого оболтуса.

— Что это, оболтусъ?—повторила Казимира, уже смѣясь.

— Ну къ чему я теперь годеиъ, на что?—спрашивалъ Баклановъ, повидямому, совершенно искреннимъ тономъ.

— Служить будете, что-й-то, Господи!—отвѣчала она.

— Да я не умѣю: я ничего не смыслю. Въ корпусахъ, по крайней мѣрѣ, ну, выучать человѣка маршировать — и пошлютъ маршировать, выучать мосты дѣлать — и пошлютъ его ихъ дѣлать; а тутъ, чортъ знаетъ, чѣмъ набили голову: всѣмъ и ничѣмъ, ступай по всѣмъ дорогамъ и ни по какой.

— Не знаю!—сказала Казимира. Она окончательно

перестала понимать, къ чему все это говоритъ Баглановъ.

— Только и осталось одно, — продолжалъ онъ, какъ бы думая и соображая: — сдѣлаться помѣщикомъ... Около земли все-таки трудъ честный, и я знаю, что буду полезенъ моимъ полторастамъ, или тамъ двумъ стамъ душамъ, которыя мнѣ принадлежать!

— Ну и прекрасно! воскликнула Казиміра оживленнымъ голосомъ: — а меня возьмите въ экономки... Я бы за маленькую плату пошла...

— Непремѣнно, очень радъ! отвѣчалъ Александръ, и затѣмъ вздохнувъ, пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ велѣлъ челоуѣку укладывать вещи.

Не-вдолгѣ Казиміра, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, заглянула къ нему.

— Вы ужь уѣзжаете? — спросила она.

— Да-съ! — отвѣчалъ ей Баглановъ почти грубо.

Часовъ въ десять вечера, на извозничьей тройкѣ подъѣхалъ Венявинъ. Александръ зашелъ къ Фальковскимъ только на минуту — отдать деньги и распрощаться. У самой старухи онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ поцѣловалъ руку.

— Благодарю васъ за все, за все! — проговорилъ онъ.

— Ничего, ничего, что это, помиуйте! — отвѣчала та со слезами на глазахъ.

Казиміръ онъ ничего не сказалъ; но она ему сама сказала, крѣпко, крѣпко сжимая его руку:

— Смотрите же, возьмите меня въ экономки.

Бѣдная дѣвушка думала хоть на этой мысли успокоиться.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ ей Александръ разсѣяннымъ голосомъ.

Когда они выѣхали за заставу, утренняя заря, которая въ началѣ іюня обыкновенно сходится съ вечернею, показалась на горизонтѣ.

— Прощай, Москва! — проговорилъ Баглановъ, и потомъ потеръ себѣ лобъ: — Глупо, братъ, мы съ тобой сдѣлали, что вышли не кандидатами! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Венявину.

— Что жъ, ничего! — возразилъ тотъ.

— Нѣтъ, не ничего! — повторилъ Александръ и вздохнулъ.

Онъ договорился, наконецъ, до пестинной своей болячки: его мучило честолюбіе. Проскриптскаго, вышедшаго кандидатомъ, и Варегина, оставленнаго при университетѣ, онъ не въ состояніи былъ видѣть, и переносилъ только Венявина за его безконечную доброту и за то, что тотъ вышелъ подъ звѣздочкой.

Заря на востокѣ, точно пророчествуя молодымъ людямъ объ ихъ жизни впереди, все больше и больше разгоралась и отрывала передъ нами окрестности.

VII.

Усадьба Лапухи.

Александръ подъѣзжалъ къ дому часовъ въ пять яснаго, лѣтняго вечера. Отъ цвѣтущей черемухи въ небольшомъ перелѣскѣ и отъ сосѣднихъ, подъ

горою, луговъ воздухъ былъ напоенъ почти опьяняющимъ благоуханіемъ. Жаворонокъ, летя вверхъ прямою стрѣлой, отчаянно пѣлъ; яровыя поля по сторонамъ ярко, ярко зеленѣли. Вишневый и яблочный садъ представлялся издали какой-то темною зеленью. Изъ-за него показывалась красноватая, черепичная крыша дома. Когда подъѣхали къ воротамъ, огромный дворовый песъ, откуда-то выскочивъ, неся, какъ бы затѣмъ, чтобы разразиться лаемъ; но, увидѣвъ сидѣвшаго на облучкѣ лакея Бакланова, тотчасъ же завилалъ хвостомъ и началъ весело около него прыгать. Сидѣвшій въ тарантасѣ лягашъ Александра тоже соскочилъ къ собрату и, обнюхавшись, они сейчасъ же побѣжали нѣсколько въ сторону, какъ бы желая, послѣ столь долгой разлуки, поскорѣе и по секрету что-то такое сообщить другъ другу. Изъ прочихъ живыхъ существъ никого было не видать. Баклановъ вылѣзъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ черезъ огромное среднее крыльцо, двери котораго были настежь отворены. Въ залѣ, черезъ открытыя окна, всюду ходилъ свѣжій вѣтеръ, и по всемъ столамъ были разсыпаны, для высушки, цѣлыя кусты розоваго листву. «Какъ здѣсь славно!» невольно проговорилъ Баклановъ, и пошелъ въ гостиную. Тамъ ключница Еремѣвна, очень благообразная старушка, въ очкахъ, старательно чистила землянику.

— Ай, батюшки!—воскликнула она, точно ее кто испугалъ. — Маменькѣ сказать надо!—прибавила она, вставая и отряхивая подолъ; а потомъ сейчасъ же побѣжала частенькою походкой и начала сходить съ лѣсенки балкона. Александръ пошелъ за ней.

Аполлиарія Матвѣевна, предувѣдомленная другою дѣвчонкой, бѣжала, запыхавшись и поднявъ платье, по длинной аллеѣ, идущей немного въ гору.

Баклановъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Здравствуй, ангелъ мой!—говорила она, цѣлуя сына, по обыкновенію, со слезами; а потомъ, со-всѣмъ раскиснувъ, оперлась на его руку и вошла съ нимъ на балконъ.

— Ухъ! ухъ!—говорила она, тяжело опускаясь на кресло.

Александръ довольно почтительно сѣлъ около нея.

— Чаю, Еремѣевна, чаю! говорила Аполлиарія Матвѣевна,

— Сію минуточку, сію!—говорила старуха, и дѣйствительно, вслѣдъ же за симъ, подъ ея надзоромъ, молодая и краснощекая, какъ маковъ цвѣтъ, горничная, взглядывая изподлобья на молодаго барина, притащила на балконъ самоваръ и поставила на нарочно приготовленный для него столикъ. Самоваръ шипѣлъ, горячился, какъ-будто бы своею искусственною жизнію хотѣлъ перещеголять окружающую его со всѣхъ сторонъ настоящую, живую, жизнь, въ которой и пчелы жужжали въ растущемъ около балкона чертополохѣ, и воробьи чиригали, разсѣвшись огромною кучей по палочкамъ въ горохѣ, наконецъ, изъ куртинъ съ цвѣтами и изъ травы на лугу слышались тѣ мириады звуковъ, которыми дышетъ весенняя природа. Александръ всѣмъ этимъ безконечно наслаждался.

Еремѣевна, притащавъ сдобныхъ булокъ и густѣйшихъ сливокъ, разлила чай и подала сначала барчигу, а потомъ Аполлиаріи Матвѣевнѣ.

— Ай, нѣтъ! Мнѣ квасу бы напередъ,—сказала та, и въ самомъ дѣлѣ отдернула сначала два стакана квасу, а потомъ сейчасъ же принялась пить чай со сливками.

— Всѣ ужъ ты свои ученья кончилъ, милый другъ?—спросила она какъ-то робко сына.

— Всѣ-съ.

— Вонъ нынче какія по этому почмейстерству мѣста славныя!

— Чѣмъ же это?

— Да вонъ Клементія Гаврилыча Хляева, знаешь, чай?... Самый пустой былъ дворяннишко... Черезъ какого-то тоже благодѣтеля въ Петербургъ получилъ это мѣсто, и такъ теперь грабитъ, что и Господи! Прежде брали по двѣ копейки съ рубля, а онъ наложилъ по четыре... Чтѣ слезъ въ народѣ, а ему хорошо.

— Канальямъ вездѣ хорошо!—сказалъ Александръ, невольно улыбаясь наивному объясненію матери.

— Вотъ бы тебѣ такое мѣсто, право!.. Хоть бы черезъ братца, что ли!.. Написалъ бы ему и попросилъ,—прибавила она, и не подозрѣвая, чтѣ такое говоритъ.

Александръ посмотрѣлъ на нее строго.

— А вы считаете меня на это способнымъ?—сказалъ онъ.

— Не знаю я... — отвѣчала тетѣха.

Александръ вздохнулъ и сошелъ съ балкона. Тутъ онъ какъ-то особенно свиснулъ, и къ нему, перескочивъ огромнѣйшій тынъ, явился его Пегасъ.

— Пойдемъ... пойдемъ! — говорилъ Александръ.

Собака визжала отъ удовольствія. Войдя въ аллею, онъ остановился съ ней передъ однимъ деревомъ — Что это, птичка?—говорилъ онъ ей, указывая на сидѣвшую на самой вершинѣ птицу.

Собака вытянула голову.

— Пиль! — крикнулъ Александръ.

Собака прискочила и пролаяла.

Александръ схватилъ ее за морду и началъ цѣловать.

Заглушивъ въ себѣ мечты честолюбія, онъ хотѣлъ невинными радостями быть счастливъ. Черезъ небольшую калиточку онъ вышелъ изъ сада въ поле. Грудь его свободно вдыхала свѣжій воздухъ, подъ горой, какъ озеро, разливался омутъ рѣки, на концѣ котораго стояла живописно окрашенная вечернимъ освѣщеніемъ мельница.

Баклановъ глядѣлъ на все это и не могъ наглядѣться; а потомъ, въ пріятномъ раздумьѣ, повернувшись и весело взмахнувъ головой, пошелъ домой. Аполлиарію Матвѣевну онъ засталъ еще на балконѣ. Ей, стоя внизу на травѣ, о чемъ-то, должно быть, докладывалъ дворовый человѣкъ. Александръ, прищурившись, сталъ въ него всматриваться и узналъ въ немъ нашего стараго знакомаго, мрачнаго лакея. Семень ему вѣжливю, хоть и издали, поклонился.

— Здравствуй!—отвѣчалъ Баклановъ и сѣлъ на балконъ.

Семень продолжалъ докладывать.

— Навозъ теперь вывозили-сь.

— Вывозили! повторила за нимъ Аполлиарія Матвѣевна.

— Копань поднимать, — повторила опять Аполлинарія Матвѣевна.

Александрѣ показалось очень ужь скучно это слушать. Онъ вышелъ въ залу. Тамъ трех-аршинный гайдукъ покойнаго Бакланова накрывалъ на столъ, сильно нагибаясь своимъ длиннымъ тѣломъ, когда ставилъ тарелки и разставлялъ солонки.

— Здравствуй, Петруша! — сказалъ ему привѣтливо Баклановъ.

Сажѣнный Петруша подошелъ и поцѣловалъ у него руку.

— Я ружье тебѣ въ подарокъ привезъ, — отличное! проговорилъ Александръ.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! — сказалъ Петруша, и лицо его сплѣно просвѣтлѣло.

— Дичи, какъ-то нынче, совсѣмъ очень мало стало, — прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Найдемъ! — подхватилъ баринъ.

Петруша, летая какъ метеоръ, сталъ накрывать на столъ, а черезъ минуту все было готово. Александръ и Аполлинарія Матвѣевна сѣли. Довольно занимательно было видѣть вмѣстѣ мать и сына. Одинъ — столичный франтъ, въ легонькомъ пальто, съ вьющимися, какъ у художника, волосами, съ благородною, какъ бы нѣсколько шиллеровскою физіономіей; другая — расплывшаяся квашня, съ красно-багровымъ и ничего не выражающимъ, кромѣ физическаго пресыщенія, лицомъ. Одѣта Аполлинарія Матвѣевна, на этотъ разъ, была въ распашной капотъ и въ вышитую на подолѣ юпку, довольно плотно облегающую ея круглый животъ. Живота этого Александръ никогда не могъ видѣть равнодушно.

— А что, Софя Ленеvu давно ли вы видѣли? — спросилъ онъ.

— Давно... продали они здѣшнее имѣнье-то... сестру посадили въ сумасшедшій домъ, а сами уѣхали... Не хорошо, говорятъ, живутъ-то, все ругаются... промотались, говорятъ, совершенно... Онъ-то старый этакой, а она-то франтиха да щеголиха.

Баклановъ вздохнулъ. Онъ много разсчитывалъ на свиданье съ Софя.

— Надежда-то Павловна, ну-ка, Саша, померла: тосковала по дочери; та-то ее не взяла, и кончила жпзнь. Нынче дѣтушки-то, жди отъ нихъ благодарности: ты имъ все дѣлай, а они ничего!

Аполлинарія Матвѣевна любила завывать на эту тему, и Александръ обыкновенно останавливалъ ее тѣмъ, что сердито начиналъ смотрѣть на нее.

— А гдѣ же самъ Басардинъ? перебилъ онъ ее.

— Онъ-то живъ, что ему сдѣляется... Не знаю только гдѣ.

Въ то время вошелъ молодой лакей Александра, успѣвшій уже прифрантиться въ модную жакетку.

— Гдѣ изволите почивать: въ спальнѣ или въ сушильѣ?

— Въ сушильѣ,—сказалъ ему Александръ: — и не вели тамъ ни кожъ, ни вѣшниковъ убирать... Я люблю, чтобы все это было.

— Слушаю-сь.

— У меня въ сушильѣ хорошо, отлично, замѣтила Аполлинарія Матвѣевна.

Послѣ ужина, простившись съ матерью, Александръ отправился на свой ночлегъ. На дворѣ было совершенно темно. За нимъ шелъ его молодой лакей

и гайдукъ Петруша. Послѣдній несъ свѣчу, заслоняя ее рукой, чтобы не задуло.

— Ну что, какъ поживаешь? — спросилъ Александръ, трепля его по плечу.

— Что, какое ужь, батюшка, наше житье, — отвѣчалъ печальнымъ голосомъ этотъ могучій человекъ.

— Ничего, погоди, теперь лучше будетъ.

— Да только на вашу милость и надежду примемъ, сказалъ Петруша, и когда они всѣ влѣзли въ сушило, которое было не что иное какъ верхъ надъ погребомъ, то представившаяся картина, при освѣщеніи сальной свѣчи, была оригинальна: кровать, съ бѣлыми какъ снѣгъ подушками и съ бѣлымъ одеяломъ, какъ-то рѣзко отдѣлялась отъ пыльных стѣнъ, отъ висѣвшихъ на стѣнахъ бараньихъ шкуръ, отъ стоявшей въ одномъ углу кадки съ дегтемъ, отъ наваленнаго въ другомъ углу колеснаго ската; но все это, впрочемъ, дышало какимъ-то оживительнымъ и здоровымъ запахомъ. Александръ поспѣшилъ раздѣться и отправить прислугу.

— Прощенья просимъ, проговорилъ Петруша и слѣзъ съ молодымъ своимъ камрадомъ съ сушильни.

— Въ деревнѣ славно жить! подумалъ Александръ, и съ удовольствіемъ зѣвнулъ.

VIII.

Что прежде всего.

Отъ Обуховскихъ болотъ, кругомъ мельницъ, по небольшой тропинкѣ шелъ Александръ въ низенькой охотничьей шляпѣ съ зеленою лентой, въ свѣ-

ромъ, съ зеленою выпушкой, рединготъ и въ высокихъ, болотныхъ сапогахъ; черезъ плечо у него было перекинуто щегольское англійское ружье на шерстяной перевязи, вышитой тою же искусною рукою влюбленной Казиміры. За нимъ могуче шагаль длинный Петруша, тоже съ новымъ ружьемъ и тоже въ какомъ-то сѣренькомъ чепанѣ. Пегасъ, поднявъ морду и граціозно переступая ножками, шель верхнимъ чутьемъ по болоту. Баклановъ остановился, снялъ свою шляпу и стеръ катившійся съ лица потъ.

— Не много же мы съ тобой, Петруша, настрѣляли, — сказалъ онъ.

— Совсѣмъ нынче птицы мало стало, повторилъ тотъ свою любимую фразу.

Они снова взяли ружья на плечи и пошли. Пегасъ вдали что-то пролаялъ.

— Можетъ, другой здѣсь дичи много! — проговорилъ Александръ и посмотрѣлъ на Петрушу.

Тотъ тоже на него смотрѣлъ,

— Что въ юпкахъ-то ходять, — прибавилъ Александръ.

Петруша усмѣхнулся и почесалъ себя за ухомъ.

— Пожалуй, что добра этого есть не мало.

Пегасъ опять пролаялъ и съ какою-то даже тоской въ голосъ.

Александръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— А кто же у насъ получше?... которая?.. — продолжалъ онъ спрашивать.

— Да кто ихъ — прахъ; знаетъ! Самъ-то и этими дѣлами не занимаюсь.

Встрѣтился маленькій лѣсокъ, и путники должны были разойтись, а потомъ они снова соединились.

— Если не для себя, такъ, по крайней мѣрѣ, для пріятеля бы: вотъ хоть бы для меня постарался?

— Что жъ, это можно будетъ, отвѣчалъ Петруша, улыбаясь какою-то кривою улыбкой.

— Да кто же у насъ, какія есть? — продолжалъ Баклановъ, быстро идя и, со свойственной его темпераменту живостью, весь пылая.

— Сами вы, вѣдь, всѣхъ знаете, отвѣчалъ Петруша уклончиво.

— У скотницы, я видѣлъ, дочка недурна... Машей, кажется, зовутъ.

— Да, Марьей-съ... дѣвушка ужъ на возрастъ, отвѣтилъ Петруша.

— Нельзя-ли какъ? Переговори-ка!..

Петръ молчалъ.

— Пожалуста! — повторилъ Александръ.

— Ой, баринъ, какой вы право: всѣ въ папеньку... — проговорилъ Петруша.

— А что жъ?

— Да такъ-съ. Баловникъ тоже, покойный, свѣтъ былъ.

— Ну, если папенька дѣлалъ, такъ отчего же и мнѣ нельзя?

— Извѣстно-съ! отвѣчалъ гайдукъ съ совершенно искреннимъ лицомъ.

Подойдя къ усадьбѣ, Александръ опять повторилъ ему:

— Ты сегодня же переговоры.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ неторопливо Петруша.

— Сейчас же.

— Слушаю-съ! повторилъ еще разъ Петръ. Ему, впрочемъ, несовсѣмъ, кажется, хотѣлось исполнять это щекотливое порученіе.

Александръ, придя въ домъ, въ свою комнату, и сбросивъ свой охотничій костюмъ, сталъ, въ волненіи, ходить взадъ и впередъ. Окна кабинета выходили на красный дворъ. Онъ безпрестанно заглядывалъ въ нихъ, все поджидая Петра, который сначала прошелъ къ себѣ въ избу, а оттуда не скоро выйдя, прошелъ, наконецъ, и на дворъ.

— Ты туда? выкрикнулъ ему полупшепотомъ Александръ.

Петръ мотнулъ ему, вмѣсто отвѣта, головой. Въ это время вышла на дворъ Аполлинарія Матвѣевна погулять. Александръ спрятался за косякъ, чтобъ она не увидала его и не вступила съ нимъ въ разговоръ. Петръ не возвращался съ полчаса. Наконецъ онъ появился. У Александра сердце замерло. Петръ сначала прошелъ кругомъ всего двора, а потомъ, будто случайно, повернулъ и вошелъ въ горницы.

— Ну что? спросилъ Александръ съ захватывающимъ дыханіемъ.

Выраженіе лица Петруши было мрачно.

— Говорилъ-съ! Дуры, вѣдь!

— Что-жь она говоритъ?

— Да своей матки и вашей маменьки опасается...

— Да какъ же онъ узнаютъ?

— Толковалъ ей-съ... понимаетъ развѣ что-нибудь!

— Ты денегъ ей обѣщай.

— Что деньги-то? И толку, чай, въ нихъ еще не знаетъ!

— Ну, хорошо же, произнесъ Баклановъ, ложась въ волненіи на диванъ.

— Не переговорите ли вы лучше сами-съ! — произнесъ Петруша, послѣ короткаго молчанія.

— Да гдѣ жъ я ее, къ чорту, увижу!

— Цѣлый день она торчитъ на пруду одна, утокъ стережетъ.

— Хорошо, тамъ увидимъ. Ступай.... На тебѣ, сказалъ Баклановъ, давая своему повѣренному рубль серебромъ.

Тотъ съ удовольствіемъ его принялъ, и ушелъ.

По его уходѣ, въ комнату влетѣлъ было оставшій на охотѣ Пегасъ и хотѣлъ приласкаться къ барину.

— Я тебя, чортъ этакой! закричалъ тотъ, и потянулся за хлыстомъ, чтобъ отдубасить имъ собаку.

Та убѣжала.

Александръ былъ въ очень раздраженномъ состояніи.

На другой день, онъ цѣлое утро ходилъ около гумна и видѣлъ, что Маша дѣйствительно сидитъ тамъ одна на прудѣ; но подойти къ ней онъ не рѣшался и, сѣвъ на прилавокъ у избы, любовался на ея не совсѣмъ еще сформировавшійся станъ, на загорѣлую шею, на тонкое колѣно, обогнутое выбойчатымъ сарафаномъ.

Маша, въ это время, сидѣла и шила. Наконецъ она встала и сама прошла мимо Бакланова.

— Ты куда? домой?—спросилъ онъ ее.

— Да-са-тка-съ! отвѣчала она, потушляясь и вся раскраснѣвшись.

Передъ вечеромъ Петруша спросилъ Бакланова:

— Чго, вы видѣли ее-съ?

— Видѣлъ! Но мнѣ рѣшительно невозможно съ ней говорить... Всѣ замѣчаютъ: я хуже ее этимъ обезславлю, если стану ухаживать за ней.

— Это точно что-съ, — сообразилъ Петруша.

— Переговори, Бога ради, ты, общай, что всю семью ихъ я отпущу на волю!

— Понапугать ее хорошенько надобно — вотъ что-съ! произнесъ гайдукъ, и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, сказалъ что-нибудь рѣшительное Машѣ, потому что на другой же вечеръ, съ перекошеннымъ отъ удовольствія лицомъ, онъ объявилъ барину:

— Подъте подъ мельницу, въ лѣсокъ, дожидается она тамъ васъ.

Баклановъ побѣжалъ бѣгомъ. Онъ еще издали увидалъ Машу, прижавшуюся къ одному довольно вѣтвистому дереву.

Онъ ее прямо взялъ за обѣ руки.

— Вотъ и прекрасно! бормоталъ онъ задыхающимъ голосомъ.

Маша только и говорила:

— Ой, ой, нѣтъ! Ой, что-й-то, ой!

Въ слѣдующія затѣмъ свиданія, Баклановъ старался дать ей нѣкоторую свободу и просторъ передъ собой.

— Любила ли ты кого-нибудь кромѣ меня, Маша? спрашивалъ онъ.

— Нѣту-тка... Ничего я еще того не знаю, отвѣчала она.

— А меня любишь?

— Васъ, извѣстно, жалѣю.

«Что это за дурацкое слово: жалѣю,» подумала Александръ.

— Ну скажи,—продолжалъ онъ:—любишь ли ты пѣсни пѣть?

— Нѣтъ, я не горазда,—отвѣчала Маша.

— А въ поле любишь ходить гулять, рвать цвѣты? Маша съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да коли это? Неколи. Что есть въ праздникъ, и то все за скотинкой ходишь,—сказала она.

«Вотъ вамъ и славянки наши во всей ихъ чистотѣ», подумала Александръ.

— Ну ступай домой!—проговорилъ онъ вслухъ.

Сцена эта происходила въ сушиль, —при довольно слабомъ и нѣскольکو даже поэтическомъ освѣщеніи одной свѣчки, покрытой абажуромъ.

Маша покорно встала и ушла.

Бакланову немножко сдѣлалось совѣстно.

IX.

Іона Циникъ.

Августовская и сентябрьская охота за дупелями и бекасами была изъ рукъ вонъ плоха, а тамъ пошли дожди, грязь, слякоть. Александръ началъ сильно скучать.

— Такъ жить нельзя!—говорилъ онъ:—одинъ день наѣшься, выспишься, другой—тоже; три мѣсяца я живу здѣсь, и хоть бы подобіе какое набудь мысли человѣческой слышалъ кругомъ себя!

Аполлиарію Матвѣевну онъ такъ запугалъ, что та рта разинуть при немъ не смѣла.

— Что это такое, что вы говорите? — почти кричалъ онъ на нее.

— Ну, батюшка, я не буду! — отвѣчала она покорно, и потомъ съ прислугой своею все разсуждала:

— И взглядъ-то, дѣвоньки, у него, точно у покойника барина: словно съѣсть тебя хочетъ!

Разъ, передъ обѣдомъ, подѣхалъ къ крыльцу чей-то тарантасъ. Александръ чуть не вскрикнулъ отъ радости, и вышелъ на крыльцо, встрѣтить гостя.

Пріѣхавшій былъ имъ нѣсколько родственникъ и довольно близкій сосѣдъ по деревнѣ: Иона Мокеичъ Дѣдовхинъ. По его тридцатилѣтней штатской службѣ, покойный Баклановъ по крайней мѣрѣ разъ пятнадцать парилъ его у себя въ уголовной палатѣ и, по своей мистической терминологіи, называлъ его: Иона Циникъ. Александръ, по преимуществу, обрадовался этому гостю, потому что Иона Мокеичъ, сведя уже, по его выраженію, всѣ итоги жизни и бывъ въ земной юдоли ни при чемъ, то есть будучи окончательно выгнанъ изъ службы, отличался какою-то особенною, довольно занимательною откровенностью и все обыкновенно разсказывалъ про самого себя.

— Ту, ту, ту, чортова куколка! — говорилъ онъ, хохоча и весело вылъзая изъ тарантаса.

Александра онъ обнялъ и троекратно поцѣловалъ.

— Ай, грѣховодникъ! какъ это такъ давно не бывалъ! — вскрикнула Ионѣ Мокеичу Аполлиарія Матвѣевна, когда онъ подходилъ къ ней къ рукѣ.

— Небольше твоихъ грѣховъ, кумушка, не больше!.. — отвѣчалъ онъ ей, грозя пальцемъ.

— Ну, ужь я думаю!.. — произнесла нараспѣвъ Аполлинарія Матвѣевна.

Александръ велѣлъ подавать обѣдать и радушно угощалъ Иону Мокеича кушаньями и наливками. Тотъ ѣлъ, пилъ, хохоталъ, хохоталъ и пилъ.

Послѣ обѣда оба они комфортабельнѣйшимъ образомъ разлеглись въ сушилѣ, одинъ на одной постелѣ, а другой — на другой. Прохладный, сентябрьскій вѣтерокъ обдувалъ ихъ сквозь немшонныя стѣны.

— Ну, Иона Мокеичъ, рассказывайте что-нибудь, говорилъ Александръ, разстегивая у себя жилетъ отъ полноты желудка.

— Чтожь тебѣ рассказывать, другъ сердечный?

— Какъ, напримѣръ, вы служили: взятки брали?

— Бралъ! — отвѣчалъ Иона Мокеичъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ поглаживая себѣ животъ.

— И съ вымогательствомъ?

— Съ вымогательствомъ... Часики, братецъ ты мой (я Иона Мокеичъ повернулся при этомъ къ Александру лицомъ), у одного нашего дворянина Каркарева понравились мнѣ; присталъ я къ нему: «продай, подари!» — «Нѣтъ!» говоритъ. Только, тѣмъ временемъ, попался къ намъ въ судъ арестантъ-бродяга. «Не приставалъ ли, я говорю, ты у такого-то дворянина Каркарева?» а самъ тоже не зѣваю: показываю ему изъ-подъ стола въ рукѣ рубль серебромъ. «Приставалъ,» говоритъ. — «Не такого ли, говорю, у него расположенья домъ?» — «Точно такого,» говоритъ — «А не знаешь ли, говорю, ты его любовницу, — дворовую дѣвицу Евлампію, и не передавалъ ли ты ей завѣдомо краденыхъ вещей?» — «Передавалъ,» говоритъ. Записали все это... Командировали меня.

«Ну, говорю, Захаръ Иванычъ, давай-ка, говорю, мы Евлампію-то твою веревками свяжемъ.» — «Какъ? что такое? говорить. Батюшки мои, берите, что хотите.» — «Часики, говорю, подай!» Онъ чуть, сердечный, не сплѣкалъ отъ досады... Видитъ, что весь карамболь нарочно подведенъ, а дѣлать нечего, принесъ... и часики отличные были... неvěста тогда хорошая изъ-за нихъ за меня пошла... въ нихъ и вѣнчался!..

— Ну, а эта неvěста и будущая жена ваша естественною смертію умерла, или вы ей немножко поспособствовали? — спросилъ Александръ.

— Не очень-то берегъ — это что говорить: попадало ей во все, а паче того въ зѣбы — капризь была баба, ухъ какой!

— Ну, а другихъ женщинъ, по службѣ, вы склоняли на любовную связь?

Александръ нарочно задавалъ Іонѣ Мокеичу самые рѣшительные вопросы.

— Склонялъ! — отвѣчалъ Іона, какъ бы ничего этого не замѣчая и не столько, кажется, говоря правду, сколько желая потѣшить разговорами молодого человѣка.

— Но какимъ же образомъ?

— А вотъ такимъ, — отвѣчалъ Іона: — что попадетъ при слѣдствіи хорошенькая бабенка: въ избѣ-то, на допросѣ, на нее потопаешь, а потомъ въ сѣни выйдешь за ней, тамъ ужъ приласкаешь; и — какъ цвѣточки полевые передъ морозомъ — такъ и гнуть передъ тобой головки свои!..

— Ну, а благородныхъ побѣждали такимъ образомъ?

— Побѣждалъ и благородныхъ, и какая еще разъ расписанная красавица была: дѣвчонку свою она маленько неосторожно постыкла; та прямо, съ запекшеюся спиной, къ губернатору. Пріѣхалъ я къ ней. «Ахъ, Боже мой, Боже мой,» такъ и умоляетъ меня своимъ миленькимъ голоскомъ: «спасите меня, спасите!» — «Извольте, говорю, сударыня», и въ тотъ же день, среди прелестнѣйшихъ долинъ, сыгралъ любви съ ней пантоминъ

— Счастливецъ вы! — воскликнулъ Александръ.

— Да, что, братъ, счастливецъ! Что Суворовъ на то говорилъ: разъ счастье, два счастье, а на третій надо же и умѣнье.

— Разумѣется!

— Да, — произнесъ съ самодовольствомъ Иона.

— Ну, а смертоубійства вы покрывали? — спросилъ Александръ, послѣ короткаго молчанія

Иона Мокенчъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе серьезную фizioномію.

— Больно я не люблю, какъ лекаришки-то эти пачкаться-то въ мертвецъ начнутъ... брезгливъ я... изъ-за этого много проглядывалъ.

— Ну, а изъ-за деньжонокъ, этакъ?

— Гмъ! — Иона Мокенчъ усмѣхнулся: — Врагъ человѣческой силень, соблазнительна эта мзда-то проклятая!.. тоже, гдѣ этакъ хорошенькаго-то покойничка поднимаешь, гдѣ чувствуютъ и понимаютъ, что ты для нихъ дѣлаешь, — за медикомъ пошлешь хромаго разсылнаго; онъ и дома-то еле съ печки на полати ходитъ, а до города-то тянаеть, тянаеть... а ты ему вслѣдъ строжайшія предписанія за нумерами пишешь, — о скорѣйшемъ исполненіи возложен-

наго на него порученія. Покойника-то промежь тѣмъ на солнышкѣ паршишь, а не то такъ въ баню теплую на пологъ стащишь: смерть этого ужь не любить!

— Отчего же?

— Въ гниль сейчасъ пойдуть! отвѣчалъ Иона.— Ну, а медики—пьяницы все на-голо былъ народъ; его еще версть за пятнадцать до селенія такъ накатятъ, что не то что инструмента въ рукѣ держать (навезеть тоже съ собой всякой этой срамоты-то), а, пожалуй, и головой въ овинъ не попадетъ. Пишетъ: «мягкихъ частей, по гнилости, освидѣтельствовать нельзя было»; ну, а кости-то тоже не у всякаго переломаны.

При этомъ рассказѣ Александръ не смѣялся.

— Неужели же всѣ чиновники такіе мошенники?—спросилъ онъ.

Но этимъ замѣчаніемъ Иона почему-то обидѣлся.

— Али нѣтъ?.. Вотъ хоть бы твой папенька, — грабитель былъ на то изъ первыхъ,—отвѣчалъ онъ.

Александръ нѣсколько сконфузился.

— Тогда попалась къ нему, — продолжалъ Иона, какъ бы невиннѣйшимъ тономъ: — цѣлая Болковская вотчина подъ судъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій: мужики-то возами возили къ нему деньги. Такъ еще сумлѣвается, настоящія ли! Положите говорить, въ ломбардъ да ломбардными билетами мнѣ принесите.»

— Я и отца за это презираю, — отвѣчалъ Александръ, стараясь ужь прекратить этотъ разговоръ.

— Да ты тамъ презирай али нѣтъ, какъ знаешь, — продолжалъ Иона: — а онъ и усадьбу эту, и домъ въ городѣ, все такимъ манеромъ благоустроилъ;

только, бывало, и говорилъ всякому: «Ты, говоритъ, не кланяйся мнѣ много разъ, а одинъ да хорошенько.»

Александръ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и спитъ.

— Не понравилось, видно!—проговорилъ Иона, и самъ тоже, повернувшись къ стѣнѣ, постарался заснуть.

Проснувшись вечеромъ, они оба очень ласково, какъ бы ничего между ними не происходило, заговорили между собой, а потомъ отправились, взявъ съ собой Пегаса и Петрушу, на охоту. Александръ при этомъ убилъ двухъ утокъ, Дѣдовхинъ бекаса, Александръ еще двухъ утокъ, Дѣдовхинъ зайца. Все это еще болѣе оживляло ихъ бесѣду.

— Поѣдемъ-ка, другъ сердечный, завтра въ Дубны на праздникъ,—сказалъ Иона Мокенчъ. — Помолимся сначала въ церкви Божіей, а потомъ къ ея превосходительству Клеопатрѣ Петровнѣ объѣдище отправимся.

— А она еще жива?

— Поди-ка, какая еще ядреная: однако, постойка, паря, — сказалъ Иона, уставляя палецъ въ лобъ: — сколько это тому лѣтъ было... въ девяносто седьмомъ году, словно бы она тово...—и при этомъ онъ сдѣлалъ какой-то странный знакъ руками.

— Э, вздоръ какой! — перебилъ Александръ: — у того была одна... извѣстная...

— Вѣрно это, ты не спорь!... тогда, значить, когда все это повстрѣчалось (и Иона опять сдѣлалъ какой-то знакъ руками), сыновья и вдовствующая супруга ей и говорятъ: «отправляйтесь-ка, говорятъ, въ деревню...» Я это ужъ помню, на моей памяти,

— тысячи полторы душъ тогда за селомъ-то записано было... и что опосля того къ ней жениховъ посыпало, Боже ты мой!... Одинъ такъ съ пистоле-тикомъ въ рукъ прѣхалъ и сталъ на колѣни: «или осчастливьте, говоритъ, вашей рукой, или застрѣлюсь!» Она ему только рукой на портретъ указала: «вотъ, говоритъ, къмъ я была любима!»

Къ этому разговору, съ замѣтнымъ вниманіемъ, прислушивался и Петруша.

— Женщина умная, столичнаго тона,—заклучилъ съ серьезною миной Іона Мовеичъ.

Ему какъ-будто бы даже и не пристало говорить о такихъ возвышенныхъ предметахъ.

— А оттуда, — продолжалъ онъ гораздо болѣе искреннимъ тономъ: — ко мнѣ. У меня, братъ, въ Кузьмищевской казенной деревнѣ, такія дѣвки—чудо! На посѣдки къ нимъ съѣздимъ!

— Хорошо, — отвѣчалъ Александръ, и когда они пришли въ усадьбу, онъ ушелъ въ свой кабинетъ и все думалъ: въ его воображеніи невольно рисовалась эта нѣкогда бывшая фрейлина, можетъ быть когда-то хорошенькая, молоденькая, рисовались украшающія ее фижмы, парикъ и красные каблукки.

Х.

Храмовой праздникъ.

Храмовой праздникъ въ селѣ Дубнахъ былъ, какъ видно, не маловажнымъ событіемъ.

Съ ранняго утра, по замерзшей нѣсколько, на утреннемъ холодѣ, дорогѣ, вѣхали мужики въ рас-

крашенныхъ тележкахъ, съ раскрашенными дугами, въ картузахъ и синихъ кафтанахъ, съ женами, тоже въ синихъ поддевахъ, красныхъ платкахъ и красныхъ сарафанахъ. Мужики, посѣрѣй, ѣхали верхами а между пѣшеходами были все больше женщины въ котлахъ и съ поднятыми подолами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были грудные младенцы на рукахъ.

На красномъ дворѣ въ Лапухахъ, кучеръ Тома, въ красной рубахѣ, съ расчесанною бородой и намавленной головой, хлопоталъ около выкаченной изъ сарая прекрасной четверомѣстной коляски, а другой подкучерокъ мылъ, чистилъ и расплеталъ гривы у четырехъ вороныхъ лошадей. Видно, что приготовлялся самый парадный выѣздъ, заведенный еще покойнымъ Бацлановымъ. Александръ одѣвался въ своей комнатѣ. Вдругъ къ нему заглянула въ дверь въ новой юпкѣ, папильоткахъ и чепцѣ Аполлинарія Матвѣевна.

— Мнѣ можно съ тобой, душенька, ѣхать?—спросила она.

— Это что еще такое, почти воскликнулъ Александръ: — вы тутъ боптесь; кричать начнете въ дорогѣ... очень весело съ вами ѣздить!

— Ой, да Клеопатра-то Петровна больно, было, меня звала.

— Ну, такъ и поѣзжайте одинъ, а я не поѣду!—возразилъ Александръ, бросая съ гнѣвомъ на столъ щетку и гребенку. Ему стыдно было ѣхать съ матерью.

Та, по обыкновенію, струсила.

— Нѣтъ, коли ужъ такъ, я лучше не поѣду,—сказала она смиренно и, придя въ свою комнату и снявъ

себя парадный чепчикъ, горестно усѣлась подъ окошечкомъ.

«Глупа-то я больно, что ли, батюшки, ни отъ кого-то мнѣ житья на свѣтѣ нѣтъ, и отъ сына-то что есть?» спрашивала она себя, и затѣмъ залплась обильнѣйшими слезамъ, что въ такой праздникъ она и въ церкви Божіей не побываетъ.

Іона Мокеичъ, тоже во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ новымъ картузикомъ въ рукахъ, бывъ свидѣтелемъ всей этой сцены между сыномъ и матерью, слегка улыбался и поматывалъ, въ раздумьѣ, головой.

Александръ былъ готовъ. Костюмъ его состоялъ изъ чернаго фрака, изъ бархатнаго коричневаго, по тогдашней модѣ, жилета; курчавые волосы его были красиво зачесаны назадъ. Выходя, онъ накиннулъ на себя подбитый настоящимъ бархатомъ плащъ-альмавиву и, живописно раскинувъ на плечахъ его отвороты, сѣлъ, нѣсколько разваливъ, въ коляску, и съ удовольствіемъ полюбовался толстою спиной молодцоватаго кучера. Гайдукъ Петръ, тоже въ новой, съ иголки, дивреѣ, вскочилъ на запятки. За нимъ вслѣдъ смиренно ѣхалъ Іона Мокеичъ въ своемъ тарантасишкѣ. Александръ его не пригласилъ сѣсть съ собой изъ того же чувства, по которому не взялъ и мать.

Экипажъ, быстро везомый четырьмя добрыми конями, слегка и ровно покачивался. Александръ, завернувшись въ свой плащъ и скрестивъ руки, глядѣлъ и посматривалъ на всѣ окрестности. Въ жизни немного такихъ положеній, которыя бы, какъ ѣзда по деревенскимъ дорогамъ, въ хорошемъ экипажѣ и на бойкихъ лошадяхъ, могли настолько возбуждать въ человѣческомъ сердцѣ чувство гордости. «И сквайръ...

пропріетеръ... Все это, что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня», самолюбиво отзывается въ молодой душѣ Александра. «Я, пріѣхавъ въ церковь,—думалъ онъ,—или тамъ на обѣдъ къ какой-нибудь Фетель Ивановичъ, вѣроятно, буду лучше всѣхъ одѣтъ. Я могу жить, ничего не дѣлая и ни въ комъ не нуждаясь... Я знаю науки, а тутъ никто ни одной. Тамъ, можетъ быть, я встрѣчу какую-нибудь маленькую, недурненькую собой даму; она влюбится въ меня, потому что мужъ у нея уродъ, такъ какъ они всѣ уроды...» Но всѣ эти самолюбивыя мысли съ-разу прошли, когда изъ-за недалеиной горы показался справа огромный каменный домъ Клеопатры Петровны, а слѣва — садъ другаго владѣльца села Дубновъ, помѣщика Спинова. Посреди всего этого виднѣлась церковь, около которой кишмя-кишѣлъ народъ. Александръ почувствовалъ даже робость. Онъ хотъ и считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, но въ сущности былъ, какъ всѣ поумнѣе молодые люди, очень застѣнчивъ.

— Иона Мокенчъ, вы что тутъ сидите, пересядьте ко мнѣ!—говорилъ онъ, велѣвъ кучеру остановиться.

Онъ уже чувствовалъ нѣкоторую необходимость въ покровительствѣ своего стараго сосѣда.

— Да что жъ ты всю дорогу-то, чертенокъ, молчалъ и заставилъ меня трястись въ тарантасикѣ!— отвѣчалъ тотъ, вылѣзая изъ своего экипажа и пересаживаясь въ коляску.

Вскорѣ они въѣхали въ село.

— Ну, братъ, нѣтъ, въ церковь не продерешься...— проговорилъ Иона.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ храма до самой ограды тянулся цѣлый хвостъ народу, или, лучше сказать,

бабъ, которымъ негдѣ ужь было помѣститься въ церкви.

— Куда жь мы поидемъ: къ Клеопатрѣ Петровнѣ или къ Спиринымъ? спросилъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ Александръ.

— А вотъ потолкаемся пока по базару, — отвѣчалъ тотъ, и совершенно спокойною и привычною походкой началъ проходить между народомъ.

Александръ слѣдовалъ за нимъ.

На плохо огороженномъ кладбищѣ, обсаженномъ нѣсколькими березками, на могильной плитѣ, сидѣли съ горестнѣйшими лицами двѣ старухи-крестьянки.

— Ну-ка, матушка, — говорила одна печальнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ другая тоже простанывала: — только глазки-то она закатила...

Александръ думалъ, что, сидя на человѣческомъ кладбищѣ, онѣ вспоминаютъ о какой-нибудь ихъ дочери или внучкѣ.

— Потянула я за хвостикъ-то, а она ужь и не жива!.. — заключила говорившая.

Старухи разговаривали о коровѣ.

Вдругъ его толкнулъ въ бокъ Іона Мокеичъ. Александръ обернулся и самъ чуть не вскрикнулъ.

Опершись на ограду и нѣсколько склонившись ва нее, стояла невдалекѣ молодая, высокая крестьянка. Отъ нея отъ всей, какъ отъ Гоголевской Аннунціаты, красота такъ и блистала во все стороны.

— Какова птичка-то? — произнесъ Іона.

Александръ все еще не могъ отвести глазъ.

Крестьянка, между тѣмъ, замѣтивъ, что на нее смотрять, не столько, важется, изъ стыдливости, сколько изъ пзъ солидности, опустила глаза въ землю,

и наклонивъ нѣсколько голову, пошла неторопливо въ другую сторону.

— Это изъ Кузмищева... На посѣдкахъ, мы, можетъ быть, увидимъ ее.

— Ахъ, пожалуйста! — произнесъ Александръ.

Съ кладбища они прошли на базаръ, съ выстроенными на скорую руку деревянными лавочками, въ которыхъ съ испитыми лицами, въ нанковыхъ сюртукахъ и по большей части рыжеволосые торговцы торговали краснымъ товаромъ.

— Мадамъ! мадамъ! — говорилъ одинъ изъ нихъ, зазывая толстую бабу, съ разинутымъ ртомъ проходившую мимо лавки.

— Вы будьте спокойны: въ трехъ щелобахъ стирайте, не полиняетъ! — увѣрялъ другой нѣсколькихъ бабъ, съ недоувѣремъ смотрѣвшихъ, какъ онъ прикидывалъ на аршинъ шумящій ситецъ.

Въ церкви на колокольнѣ зазвонили къ молебну. Весь почти народъ перекрестился, а въ томъ числѣ и торговецъ съ разными сластями, который только что пояснилъ двумъ горничнымъ, стоявшимъ передъ нимъ и покупавшимъ у него пряники:

— Было у меня, сударыни, дочекъ семь бочекъ; самъ не почаль, такъ чортъ началъ.

— Ахъ, Боже мой, скажите! — говорили горничныя.

— Да-съ, — продолжалъ торговецъ: — была у меня жена Маланья, варила мнѣ супъ изъ крупъ, что тротуары посыпаютъ.

Горничныя смѣялись.

— Всѣхъ бы я васъ, миленькія, обзолотилъ и брилліантами изуставилъ, одно только мѣсто пустымъ оставилъ! — заключилъ торговецъ.

Горничныя совсѣмъ фыркнули отъ смѣха.

— Охъ, вы, пряничницы!—погрозилъ имъ пальцемъ, проходя, Иона Мокеичъ.

— Нельзя, сударь, Иона Мокеичъ, отвѣтилъ за нихъ торговецъ:—гдѣ ужъ, батюшка, обозы, тамъ и козы.

Передъ мужикомъ, продававшимъ лемехи, гвозди, серпы, Дѣдовхинъ остановился.

— Я, братъ, твоими-то косами тебѣ бороду выбрѣю! Хочешь?

Но мужикъ, кажется, этого не хотѣлъ.

— Что же такъ-съ? — спросилъ онъ.

— Да тупѣ моего языка.

— По каменьямъ-то, Иона Мокеичъ, какъ станете косить, такъ всякая пступится... Выгодчикъ тоже! — прибавилъ мужикъ, когда Дѣдовхинъ былъ уже довольно далеко:—и около чужихъ всѣхъ пней ладить быкосить траву.

Александръ продолжалъ думать о красивой бабѣ.

На большой дорогѣ они увидѣли, что растрепанный мужикъ ползъ на четверенькахъ.

— Что, паря, преклонилъ ужъ Господь? Словно рано бы еще!— замѣтилъ Иона Мокеичъ.

— Порра!—произнесъ мужикъ съ ожесточеніемъ и, повалившись вверху животомъ, закрылъ въ изнеможеніи глаза.

— Ну-те, ребята, нарвите крапивки, да подъ рубашку ему...—посоветовалъ Иона Мокеичъ стоявшимъ вблизи, въ красныхъ рубахахъ, мальчишкамъ.

Тѣ этому очень обрадовались, сейчасъ же нарвали крапивы и насовали мужику за платье. Мужикъ почувствовался, принялся себя чесать съ ожесточеніемъ, а потомъ бросился за шалунами, но на пер-

выхъ же шагахъ упалъ и опять было обезпамятѣлъ. Мальчишки, которымъ Іона Мокеичъ снова подмигнулъ, опять насовали ему крапивы. Мужигъ всталъ и уже гораздо тверже побѣжалъ за ними.

— Я и себя всегда такъ вѣлю дома отрезвлять. Отличнѣйшій способъ! — объяснилъ Іона Мокеичъ Александру, и потомъ они пошли къ дому Клеопатры Петровны.

— Хозяйка вѣрно въ церкви! — предостерегъ было его Александръ.

— О, чортъ! Велика важность! — отвѣчалъ Іона, и дерзко отворилъ тяжелыя дубовыя двери.

На довольно парадной лѣстницѣ они увидѣли сходящую комнатную женщину съ маленькимъ платочкомъ на головѣ.

— Пожалуйте-съ! — пригласила она ихъ.

— Ахъ, благодаримъ покорно! — отвѣчалъ Іона тоже въ тонъ ей тоненькимъ голоскомъ. — Что это, душенька, животикъ-то у тебя словно поприпухъ, — прибавилъ онъ.

— Ай, батюшка, Іона Мокеичъ, все-то вы шутите! — проговорила женщина, уходя раскраснѣвшись въ корридоръ подъ лѣстницей.

Путники наши вошли, наконецъ, въ залу съ двойнымъ свѣтомъ и съ историческою живописью на потолкѣ. Потомъ они прошли малую гостиную, среднюю и остановились въ большой гостиной. Александру невольно кинулся въ глаза огромный портретъ императора Павла, въ золотой рамѣ и убранный балдахинномъ.

Мебель была хоть и старинная и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бѣлая съ позолотой, но вездѣ обитая

или штофомъ, или барбаномъ. Вся эта барская роскошь начала еще болѣе тревожить Александра.

— Чтожь мы будемъ тутъ дѣлать? — спросилъ онъ своего товарища, преспокойно расхаживавшаго и преспокойно на все поглядывавшаго.

— А вотъ ужъ и подходятъ изъ церкви, — отвѣчалъ онъ.

По деревяннымъ мосткамъ, идущимъ отъ самой церкви до дому, дѣйствительно, два лакея, въ огромныхъ, треугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ поперекъ, вели подъ руку самое старую фрейлину, совсѣмъ сторбившуюся, но еще въ букляхъ и въ роскошнѣйшемъ платьѣ. Велѣдъ за ней, скромно приложивъ руки къ груди, шли двѣ ея приживалки, одна Алина, другая — Полина.

Старуха проходила свои огромная залы, съ длинными зеркалами, все склоняя голову, какъ бы кланяясь на парадномъ выходѣ; наконецъ въ гостиной, увидѣвъ живыхъ людей, она проговорила:

— Здравствуйте!

Иона Мокепчъ поспѣшилъ раскланяться и представить ей Александра.

— Аполлинарьи Матвѣевны сынъ! — сказалъ онъ.

— Вотъ какой ужъ большой сталъ. Здравствуйте! — проговорила ему старуха.

— Какъ здоровье моего ангела Аполлинарии Матвѣевны? — спросила одна изъ приживалокъ, закатывая глаза.

— Слава Богу! — отвѣчалъ Александръ. Приемъ этотъ нѣсколько удивилъ его. Все-таки, видно, здѣсь знаютъ его мать, а не его!

По мосткамъ въ это время шли еще двое гос-

подъ, старый генералъ съ приподнятыми плечами, зачесанными вверхъ бакенбардами, съ усамп, торчащими прямо, и маленькимъ хохломъ на плъшивой головѣ. И между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ какъ бы весь подавался вверхъ, ноги его, въ плисовыхъ сапогахъ, почти не поднимаясь, шаркали по мосткамъ. Рядомъ съ нимъ шелъ прямой господинъ, совсѣмъ какъ бы неимѣвшій способности гнуться и какъ бы насаженный на желѣзный стержень.

— Доброга дня!—сказалъ генералъ, войдя и подавая руку Іонѣ, но необертываясь, впрочемъ, къ нему лицомъ. — Гдѣ хозяйка?

— Сейчасъ выйдетъ, ваше превосходительство,— поспѣшилъ отвѣтить Іона Мокеичъ.

Генералъ сѣлъ на диванъ, на то мѣсто, гдѣ обыкновенно садятся дамы.

Лакеи стали ставить закуску.

Высокій господинъ сталъ около доходящаго до полу окна и приложилъ шляпу къ колѣну.

Александръ, не безъ удивленія, замѣтилъ, что фракъ на этомъ гостѣ сидѣлъ гораздо лучше, чѣмъ на немъ; сукно было гораздо высшаго сорта, а покрой чистѣйшаго англійскаго свойства. По скромному его и то же, должно быть, дорогому жилету изящно пролежала платиновая цѣпочка.

— Кто это такой?—спросилъ онъ Іону Мокеича.

— Князь Темиръ-Подольскій,—отвѣчалъ онъ.

У Александра опять немного сердце сжалось конфузомъ.

Но по мосткамъ шелъ еще новый франтъ, также шегельска одѣтый; но только онъ шелъ гораздо

развязнѣе и, заботливо оглядываясь изъ стороны въ сторону, имѣлъ на глазахъ ринсе-нез.

Александръ Бога возблагодарилъ, что онъ не-взялъ своего ринсе-нез.

— Ну, да, да!—говорилъ этотъ новый гость, входя въ гостиную, и потомъ прямо подошелъ къ генералу.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, накупилъ косъ, ремней, граблей!

— Такъ, такъ, прекрасно!—говорилъ покровительственно генералъ.

— Нельзя, ваше превосходительство, ни у отца, ни у матери моей, ни у дѣда не бывало, — а у меня овесъ самъ-пятнадцать пришелъ.

— Прекрасно! прекрасно! военный человѣкъ на все, выходить, способенъ!

— На все, ваше превосходительство!—подхватилъ весело вошедшій господинъ.

Въ душѣ Александра невольно шевельнулась зависть.

«Въ самомъ дѣлѣ, военный человѣкъ не способенъ ли на все?» подумалъ онъ.

Вошла Спинова, въ чепцѣ съ бантами и шелковомъ платьѣ. Дама эта была хоть и худощава, но чрезвычайно, должно быть, полнокровна.

— Ухъ, какъ жарко въ церкви!—сказала она.

— Да,—подтвердилъ генералъ.

М-ме Спинова вынула батпстовый платокъ и стала имъ обмахиваться, произведя при этомъ сильный запахъ пачулей.

Александра и это удивило.

«Здѣсь и духи эти модные знаютъ?» спросилъ онъ себя мысленно.

Между тѣмъ господина въ ринсе-пез онъ опять уже увидѣлъ на площади, толкающагося посреди мужиковъ.

«Счастливецъ! а наше отвратительное университетское образованіе, къ чему оно готовить человѣка?» подумалъ Александръ.

Хозяйка, наконецъ переодѣвшись въ болѣе легкое платье, но, попрежнему, въ блондовомъ чепцѣ и букляхъ, появилась, въ сопровожденіи свекль приживалокъ.

— Что же вы, подавайте!—сказала она, винувъ привычно строгій взглядъ на стоящихъ у притолокъ лакеевъ.

Тѣ мгновенно схватили со Стола подносы и стали подносить небольшому числу гостей.

— Кушай, батюшка!—сказала старуха, садясь около генерала.

— Тѣмъ!—отвѣчалъ тотъ.

Онъ, дѣйствительно, не давъ еще унести подноса, взялъ и наложилъ себѣ на тарелку паштета.

— Кто это?—спросилъ онъ хозяйку полу-на-ухо, показывая на Александра.

— Аполлинарѣи Матвѣвны сынокъ! почти крикнула ему та. Генераль былъ сильно глуховатъ.

Александръ выходилъ изъ себя отъ такой нецеремонной рекомендаціи: опять и вездѣ упоминалась Аполлинарѣи Матвѣевна; но старый генераль, лично имъ заинтересовавшійся, больше еще ему нравился. Онъ рѣшился съ нимъ заговорить. Замѣтивъ, что

не вдалекѣ отъ него осталось свободное мѣсто, онъ подошелъ и сѣлъ.

— Вы не были у обѣдни?—спросилъ его довольно ласково старикъ.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ довольно поздно... ужъ къ великому таинству.

— Къ какому это великому таинству?—спросилъ генералъ, сдѣлавъ руками знакъ удивленія.

— Да въ обѣднѣ-съ!

— Въ обѣднѣ есть великій выходъ, а не таинство... Какъ же вы этого не знаете, молодой человекъ? а, а, а!—сказалъ, качая головой, старикъ.

Александръ, и самъ очень хорошо видѣвшій, что, по торопливости своей, совралъ, сначала было заспорилъ, что есть...

— Да нѣтъ же! Неужели васъ и этому не научили? а-а-а! произнесъ рѣшительно генералъ.

Александръ готовъ былъ провалиться сквозь землю, но, къ вѣщему еще страданію его, лакей раскрылъ зеленый столъ. Иона Мокеичъ разнесъ карты себѣ, хозяйкѣ, генералу и князю Подольскому. Они сейчасъ же сѣли, оставивъ Александра съ дамами.

Разговаривать со Спировой и двумя приживалками Александръ рѣшительно не хотѣлъ, но тѣ, впрочемъ, и сами скоро ушли во внутреннія комнаты, такъ что онъ остался совершенно одинъ.

Онъ ходилъ, глядѣлъ въ окно, сидѣлъ на мѣстѣ, подходилъ къ игрокамъ, и все это такъ было глупо, что онъ готовъ былъ этого проклятаго Іону прибить за то, что онъ привезъ его къ подобнымъ скотамъ. Наконецъ, судьба какъ бы сжаллась надъ нимъ;

къ крыльцу подѣхалъ экипажъ съ дамами, съ которыми Александръ непремѣнно рѣшился познакомиться и даже начать за ними ухаживать. Онѣ вскорѣ вошли въ гостиную: мать какъ-то изподлобья и злобно посматривала на всѣхъ, а дочери, сначала одна, а потомъ другая, вернули хвостомъ передъ хозяйкой и затѣмъ скрылись вмѣстѣ съ маменькой.

Къ крыльцу подѣхалъ еще экипажъ. Генераль, вытянувъ свой взглядъ на окно, проговорилъ:

— Это, должно-быть, гг. офицеры!

Изъ тарантаса, въ самомъ дѣлѣ, вышли три офицера. Одинъ изъ нихъ, и собой очень невзрачный, и далеко ужъ не умнаго лица, шумно вошелъ въ гостиную, расцѣловалъ у хозяйки ручку, сѣлъ около нея и сталъ учить ее играть въ карты, а двое другихъ, тоже очень развязно поклонившись хозяйкѣ, черезъ пять же минутъ, какъ видѣлъ Александръ, разговаривали съ барышнями, на секунду вернувшими хвостами въ гостиной.

Видимо между всѣми этими людьми были общіе интересы и протекала общая жизнь; одинъ только герой мой былъ тутъ какъ отрѣзанный ломоть.

За обѣдомъ всѣ усѣлись по приличнымъ имъ мѣстамъ — даже Иона затесался чуть-ли не рядомъ съ хозяйкой, а Александръ очутился въ самомъ заднемъ концѣ, между попами. Въ продолженіе всего обѣда онъ былъ мраченъ до неприличія.

Когда встали наконецъ изъ-за стола, и въ лакейской заиграли полковые музыканты, привезенные офицерами, Александръ сейчасъ же взялъ шляпу и пошелъ въ хозяйкѣ.

— Что-й-то, батюшка, куда это? спросила та его.

— Матушка не такъ здорова.

— А!—произнесла старушка, какъ видно, совершенно принявъ въ уваженіе подобную причину.

Александръ сѣлъ въ коляску.

Кучеръ Тома и гайдукъ Петруша были мрачны.

Они никакъ не ожидали, что баринъ такъ скоро уѣдетъ съ праздника, а потому не успѣли еще обойдти деревню и закатить хорошенько.

— Когда жь на посѣдки-то? крикнулъ Александру съ балкона Иона Мокенчъ.

— Послѣ какъ-нибудь, отвѣчалъ тотъ, и велѣлъ скорѣе ѣхать.

«Что жь это такое?» разсуждалъ онъ самъ съ собою, проѣзжая довольно темнымъ лѣсомъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что былъ въ самомъ аристократическомъ деревенскомъ кругу.

«Или они глупы, или я!» рѣшалъ онъ мысленно.

«Они!» позволяемъ мы себѣ успокоить молодого человѣка.

XI.

Иона Мокенчъ дома.

Александръ, не зная чѣмъ себя занять, началъ безпрестанно думать о красной женщинѣ, видѣнной имъ на базарѣ въ Дубнахъ. Разъ, послѣ обѣда, онъ вдругъ надѣлъ на себя полный охотничій кос-

тюме, велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь и поѣхалъ къ Ionъ Мокеичу.

Циникъ жилъ отъ нихъ верстахъ въ десяти.

Въѣхавъ въ перелѣсокъ и подѣзжая къ одному изъ овражковъ, Александръ сталъ попридерживать своего довольно сердитаго коня. Тотъ отъ этого еще больше и красивѣе сталъ раскидывать свои переднія ноги. Когда надобно было подниматься изъ оврага, Александръ вдругъ опустилъ поводья, нагнулся надъ сѣдломъ и, крикнувъ, выхватилъ свой охотничій ножъ и понесся маршъ-маршъ! Потомъ вдругъ опять оставивъ лошадь съ-разу и снова несся. Въ эти минуты онъ воображалъ себя черкесомъ — доказательство, что еще былъ молодъ душою.

Дмитровка — жилище Ionъ Мокеича, находилась въ сельцѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ домовъ бѣдныхъ дворянъ. Его же собственно усадьба отдѣлялась отъ прочихъ высокимъ тыномъ и отличалась довольно большимъ садомъ, въ которомъ прятался хоть и низенькій, но довольно широкій домъ, и своею оттого нѣсколько таинственною наружностью какъ бы говорилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ хоть и стараго, но великаго грѣшника.

Ionъ Мокеичъ увидалъ Александра еще изъ овна.

— А, солнышко красное! — сказалъ онъ, отворяя ему двери.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ какихъ-то турецкихъ шароварахъ, въ туфляхъ и въ ермолкѣ.

Александръ былъ въ первый еще разъ у него въ домѣ.

— Это вотъ моя гостинная, а это моя пустынь-

ическая спальня,—говорилъ Иона, вводя гостя въ свое довольно уютное помѣщеніе.

— А тамъ,—продолжалъ онъ совершенно тѣмъ же тономъ, показывая на заднюю половину дома:— тамъ мой сераль.

— Сколько же жечь у васъ?—спросилъ его Александръ.

— Три всего... по состоянію, братецъ!.. Чтѣ дѣлать, больше не могу,—отвѣчалъ Иона, пожимая плечами.

— Это что такое!—продолжалъ Александръ, останавливаясь передъ довольно большою, маслянами красками написанною картиною, изображающею нагую женщину.

— Подареніе твоего отца!—отвѣчалъ Иона Мокеичъ. — Этакое, говоритъ, сраму нигдѣ, какъ у Ионы въ комнатахъ, и держать нельзя! Но это, братъ, что! а вотъ гдѣ штука-то!—прибавилъ онъ и, взявъ Александра за руку, ввелъ въ спальню и тамъ показалъ ему уже закрытую занавѣскою картину.

Александръ сейчасъ же отвернулся.

— Что за мерзость!—произнесъ онъ:—хоть бы вы рисовать-то велѣли получше, покрасивѣе, а то чудовища какія-то!

— По состоянію! отвѣчалъ и на это Иона: — но чтѣ тутъ, другъ сердечный, рисованье! продолжалъ онъ: — одно только напоминаніе, а тамъ ужъ, какъ это по-вашему, по-ученому сказать, добавлять надо своими фантазеріями!

— А что жъ мы на посѣднѣ вдемъ? — спросилъ Александръ.

— Непремѣнно. Марѳуша!—крикнулъ Иона Моке-

ичъ, пріотворивъ маленькую дверь въ сосѣдную комнату:—дай-ка намъ наливочки!

— Что! къ чему это послѣ обѣда!

— Наливки-то? Да, вѣдь, ее всегда можно; это не водка,—успокоилъ его Иона Мокеичъ.

Марѳа, лѣтъ двадцати дѣвка, съ толстыми губами и грудями, пранесла на подносѣ бутылку наливки и двѣ рюмки, и все это поставила на столъ.

— Честь имѣю рекомендовать: это главная моя султанша!—объяснилъ о ней Иона Мокеичъ.

Марѳа при этомъ хоть бы бровью повела. Она, видно, совершенно привыкла къ подобной рекомендаціи, и съ такимъ же лицомъ, съ какимъ пришла, съ такимъ и ушла.

— Какая женщина, у!—дополнилъ о ней еще Иона Мокеичъ.

— Вѣроятно!—подтвердилъ Александръ.

— У!..—повторилъ Иона, и заставилъ Александра выпить рюмку наливки.

Тотъ выпилъ и чуть не выплюнулъ назадъ, говоря:

— Она совсѣмъ неподслащена!

— Совершенно!—подтвердилъ и Иона.—Сахаръ вѣдь искусственная вещь.. букету ужъ при немъ такого нѣтъ, а тутъ сама натура, какъ есть.

— Какой тутъ, чортъ, букетъ.

— Нѣтъ, ты попробуй, выпей-ка еще одну, такъ и увидишь, что такъ надо.

Александръ отиѣкивался было.

— Да полно, чтó-й-то, выпей!..—произнесъ Иона, какъ бы нѣсколько обидѣвшись.

Александръ выпилъ и, въ самомъ дѣлѣ, не съ такимъ отвращеніемъ.

— А что, мы скоро поѣдемъ на посѣдки? — сказалъ онъ.

Въ головѣ у него начинало пошумливать.

— Все надо, другъ милый, по порядку, чинно, неторопясь, — отвѣчалъ Іона Мокеичъ; самъ онъ пилъ уже четвертую рюмку. — Гаврюха, Гаврюха! — подвликнулъ онъ, стуча въ окно, проходившаго мимо высокаго мужика.

Тотъ вошелъ въ комнату. Это былъ его собственный ткачъ Гаврила, сначала, по наружности, смотрѣвшій очень обыкновеннымъ человѣкомъ.

— Во-первыхъ, скажи ты мнѣ, милый человѣкъ, — спросилъ его баринъ: — что, въ Кузмищевѣ начались посѣдки?

— Начались бы словно, — отвѣтилъ тотъ довольно громко.

— Тсъ!.. тише! — крикнулъ ему шепотомъ Іона Мокеичъ и отнесся къ Александру: — не любить у меня этого моя главная-то барыня. «Дома, говорить, что хошь дѣлай, — по чужимъ мѣстамъ, по крайности, не срамись!»

— Ну, другъ милый, — обратился онъ снова къ Гаврилѣ: — вотъ тебѣ мои ключи драгоцѣнные, поди ты потихохоньку отъ Марѳуши... я ее вызову сюда, будто одѣвать себя... возьми ты тамъ въ чуланѣ четыре бутылочки наливки, пряничковъ, изюму, орѣшковъ; положи все это въ корзиночку, поставь ты ее подъ бесѣдку, въ мою, знаешь, тележку, запряги ты мнѣ ворона коня и выѣзжай къ намъ къ крыльцу.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Гаврила, видимо съ полною готовностью, и вышелъ.

— Безцѣнный насчетъ этого человѣкъ! хоть три ночи простоятъ, гдѣ ужъ скажешь, — не тронется! — объяснилъ и объ немъ Иона Мокеичъ, а затѣмъ вышелъ, позвалъ Марѳу и сильно, какъ было слышно черезъ перегородку, старался занять ее самыми разнообразными разговорами.

Черезъ полчаса, они уже сидѣли: Александръ верхомъ на своемъ конѣ, а Иона Мокеичъ и Гаврила въ тележкѣ. Марѳа провожала ихъ на крыльцо.

— Когда ждатель-то прикажете? Куда это поѣхали? — спрашивала она.

— Да вотъ къ нему, погостить ненадолго! — отвѣчалъ Иона Мокеичъ смиренно.

Несмотря на вольнодумный характеръ, онъ, кажется, находился въ сильныхъ лапахъ у своей главной султанши.

Когда два наши рыцаря, съ своимъ могучимъ оруженосцемъ, тронулись на свои романическія приключенія, Марѳа проговорила, зѣвая во весь ротъ:

— Какой тотъ молоденькій-то баринъ смазливый, не то, что нашъ плѣшивый чортъ!

ХІІ.

Посѣдки.

Кузмищево, казенная деревня, расположенная по большой дорогѣ, тянулась въ длину версты на двѣ. Во всѣхъ окнахъ избъ мелькали огоньки, и въ одной изъ нихъ, довольно большой, свѣтъ былъ какъ-то по-ярче. На улицѣ была совершенная тишина: изрѣдка провдуть запоздалые извощики, или выведеть

кто-нибудь изъ мужиковъ лошадь попоить къ колодцу, или, наконецъ, быстро промелькнетъ какая-нибудь женская тѣнь съ пряслицей и устремится къ этой именно избѣ. Александръ и Иона Мокеичъ, выѣхавъ откуда-то съ задовъ, тоже подѣхали къ ней.

— Прежде всего, другъ сердечный, надо подкрѣпиться!—сказалъ, кряхтя и выѣзая изъ своей повозки Иона и вытаскивая изъ корзинки бутылку, изъ которой заставилъ Александра выпить цѣлый стаканъ, а самъ выпилъ два. Потомъ они вошли въ сѣни, оставивъ Гаврилу у лошадей. Въ довольно большой избѣ, по всѣмъ переднимъ лавкамъ, сидѣли молодыя женщины и дѣвушки, по большей части все недурныя собой.

Подъ полатями стояли молодые парни, а нѣкоторые изъ нихъ, попреимуществу, имѣвшіе въ рукахъ гармоникки, сидѣли и промежъ дѣвушекъ; но тѣ всегда при этомъ старались ихъ выпихнуть и выжить отъ себя.

— Не примете ли странниковъ, идемъ изъ далекихъ мѣстъ: обносились, обовшивѣли!—сказалъ, входя, Иона Мокеичъ. Корзинку онъ захватилъ съ собой.

Хозяйка избы, довольно еще молодая женщина, сейчасъ же его узнала.

— Милости просимъ!—сказала она смѣясь, и согнавъ съ одной скамейки ребятишекъ, предложила ее гостямъ.

— Чей такой — молодой-то баринъ?—сказала она Ионѣ, указывая на Александра.

— Дворянинъ Нищинъ, изъ усадьбы Огородова, подъ прясломъ родился, на тычинкѣ выросъ, и те-

перь на колѣ верхомъ изволить русскую землю объ-
взжать!..—отрекомендовалъ его Иона Мокеичъ.

— Да полноте, лѣшіе, это изъ Лопуховъ баринь-
то; я видала его... ягоды носила! толковала другая
баба въ толпѣ.

— Какой нарядный! военный, знать! —замѣчали
иныя.

Александръ, не безъ удовольствія, видѣлъ, что
онъ составляетъ предметъ общаго вниманія. Но,
впрочемъ, взглянувъ въ одинъ изъ болѣе темныхъ
и многолюдныхъ угловъ, онъ увидѣлъ свою краса-
вицу-крестьянку.

— Здравствуй! мы съ тобой нѣсколько знакомы,
сказалъ онъ.

— Вы мнѣ, что ль, это говорите? —сказала она
пріятнымъ голосомъ.

— Тебѣ... Я тебя видѣлъ и восхищался тобой
въ Дубнахъ.

— Гмъ!—усмѣхнулась на это женщина.

Александръ взялъ небольшой деревянный стулъ
и сѣлъ противъ нея.

— Ты замужемъ?

— Али нѣтъ!—отвѣчала красавица, кидая на него
лукавый взглядъ.

— Гдѣ же у тебя мужъ, въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ, чтобъ бока повытерли!—отвѣчали
за нее другія бабы и засмѣялись.

Одинъ изъ стоявшихъ подъ полатями парней и
какъ-то мрачно на все это смотрѣвшій, подошелъ и
зажегъ освѣщавшую лучину посвѣтлѣе. Красавица
Александра еще больше выглянула передъ нимъ во
всей своей красотѣ.

— О, ты дивно хороша!—воскликнулъ онъ, ероша свои курчавые волосы.

— Ну, вотъ чтó! Какой онъ!— говорила смѣясь та.

Иона Мокеичъ, между тѣмъ, ходилъ и угощалъ наливкой.

— Выпей, душенька,—говорилъ онъ, подходя въ Александру.

Тотъ въ сильномъ волненіи и не видя самъ, что дѣлаетъ, выпилъ стаканъ залпомъ, а потомъ другой.

— А, краля писаная! —воскликнулъ Иона Мокеичъ, увидавъ бабу-красавицу. — Ну, выпей!.. Бѣло-грудая, бѣлозубая, пей!—говорилъ онъ ей.

Та отпила немного изъ стакана.

— Ой, не люблю я этого: крѣпкое какое, песь!

— Да что вы орѣхи-то бережете?.. давай орѣхъ-то,—сказали другія бабы, отъ глаза которыхъ не усволись лежащія въ корзинѣ сласти.

— О, сейчасъ!—воскликнулъ Александръ, вскакивая, и схвативъ оттуда цѣлый тюрикъ орѣховъ, поднесъ ихъ и сталъ передъ своею красавицей на колѣни.

— Все тебѣ, царица души моей! все!

— Ой, дѣвоньки, какой онъ!—смѣялись бабы.

Иона Мокеичъ въ это время суетился около другихъ дѣвушекъ и женщинъ.

— Пейте, мои голубушки, пейте!—говорилъ онъ имъ, угощая ихъ пряниками и наливкой. Послѣдняя, впрочемъ, больше за нимъ самимъ оставалась.

«Калинушка съ малинушкой», затянули наконецъ посидѣльщицы.

«Лазоревый цвѣтъ», подхватилъ за ними Иона, довольно чистымъ теноромъ.

«Веселая беспѣдушка», пѣли тѣ.

«Гдѣ милый мой пьетъ!» ухъ! — допѣвалъ Іона, и затѣмъ такъ расчувствовался, что сѣлъ промежь двѣхъ и двухъ, ближайшихъ къ себѣ, обнялъ и сталъ прижимать ихъ къ бокамъ своимъ. Одна изъ нихъ колотила его при этомъ легонько кулакомъ въ голову, а другая подносила къ лицу зажженную куделю. Онъ только отфыркивался и повертывался отъ одной къ другой.

Александръ тоже не отставалъ отъ пріятеля. Онъ декламировалъ передъ своей красавицей:

„Все въ ней гармонія, все диво.
 Все выше міра и страстей:
 Она покоится стыдливо
 Въ красѣ торжественной своей.“

Дѣвушки и женщины смѣялись, а парни, напротивъ, все что-то между собой переглядывались, а нѣкоторые даже и перешептывались...

Іона Мокеичъ дошелъ, наконецъ, до полнѣйшаго неистовства: онъ обнималъ, хоть и не старуху, но безобразнѣйшую бабу, и припавъ къ ея плечу головой, началъ для чего-то слегка проставывать. — Охъ, охъ, говорилъ онъ, а потомъ вдругъ вскочилъ и, выхвативъ лучину изъ свѣтца, бросилъ ее на полъ.

Тотъ же мрачный малый быстро подошелъ, поднялъ ее, разжегъ и вставилъ въ свѣтецъ.

— Пошто вы бадуете? почти крикнулъ онъ на Іону Мокеича.

— Оставь, погаси ее... погаси ее... — крикнулъ

тотъ на него, и опять было потянулся, чтобы погасить лучину.

— Не трожьте ее! Али въ самотко и здѣсь эту срамоту завести хотите? Срамника! проговорилъ парень и оттолкнулъ Іону.

Тотъ наскочилъ и ударилъ его по лицу; парень тоже не остался въ долгу: какъ хватилъ на-отмашь кулакомъ, такъ баринъ и растянулся на полу.

— Что такое?—вскрикнулъ Александръ, приподнимаясь и обертываясь, но все-таки еще оберегая рукой свою красавицу.

Въ это время въ избѣ затрещала рама.

— Барина бьютъ!—раздался голосъ, и въ избу влѣзалъ Гаврила.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Ты что, чортъ, дѣлаешь? обратился онъ прямо къ молодому парню, и оба потомъ, не говоря ни слова, схватились, какъ два дикіе звѣря, и начали возиться по избѣ, издавая повременамъ злобные звуки и ругательства.

— Хорошенько его, хорошенько! — кричалъ съ полу Іона.

— Роба, бьютъ! — произнесъ наконецъ парень, почти съ трескомъ костей упавая на полъ подъ желѣзнымъ натискомъ Гаврилы. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему на помощь; но Гаврила такъ съ ними распорядился, что какъ толкнетъ огромнымъ сапожищемъ своимъ кого въ рыло, кого въ грудь, кого въ брюхо, — такъ тотъ въ углу избы очутится. Оббитые такимъ образомъ, они нагнулись на поднимавшагося Іону и начали его тузить и даже драть за волосы.

— О-о-ой! о-о-ой! кричалъ онъ, повертывая имъ то тотъ бокъ, то другой и хватаясь за голову.

— Перестаньте, перестаньте! кричалъ Александръ. Но суматоха сдѣлалась всеобщая. Дѣвки и бабы, подъ поднятыми кулаками мужиковъ, убѣгали изъ избы. Красавица его тоже юркнула вонъ.

— Прочь! закричалъ наконецъ Александръ, продаваясь сквозь толпу, чтобы спасти какъ-нибудь Иону, и при этомъ выхватилъ свой охотничій винжалъ.

— Коли такъ, робя, берись въ колья! раздалось снова, и въ ту же минуту, Богъ знаетъ откуда, появились въ воздухѣ полѣнья и палки. Александръ чувствовалъ, что вся кровь прилила ему въ голову. Онъ выхватилъ свой маленькій охотничій пистолетъ.

— Если кто хоть съ мѣста пошевелится, я сейчасъ пуцу пулю, и въ тебя... и въ тебя... и въ тебя...—говорилъ онъ, переводя пистолетъ съ рожи одного мужика на другаго, на третьяго.

Тѣ сейчасъ же начали отступать.

— Онъ, паря, и въ самъ-дѣлъ стрѣльнетъ.

— Если кто слово произнесетъ! кричалъ Александръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и, съ помощью Гаврилы, который своего врага вышвырнулъ въ сѣни и даже за лѣстницу, вытащилъ охающаго и все-таки продолжающаго ругаться Иону Мокенча изъ избы и сталъ его укладывать въ тележку.

При этомъ одинъ изъ бившихъ его парней даже подсоблялъ имъ это дѣлать.

Александръ, сѣвъ на лошадь и выѣхавъ изъ селеня, былъ какъ сумасшедшій.

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ онъ, хватая себя за голову.

— Такой буянъ народъ, пояснялъ ему и Гаврила, впрочемъ совершенно спокойно сѣвшій на облучокъ: — каждый праздникъ, что немножко, сейчасъ же въ колья. Ну тоже и въ намъ когда попадутъ, такъ угощаемъ тоже.

— Тоже? спросилъ Александръ, съ удовольствіемъ.

— Тоже. У насъ изъ бѣдныхъ этихъ дворянчиковъ, пожалуй, такіе есть лоботрясы, что и чорта уберутъ.

Александръ беспокоился объ Іонъ Мокенчѣ.

— Чтобъ онъ не умеръ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, вонъ онъ, чу, спить ужь! отвѣчалъ Гаврила. — Не въ первый вѣдь разъ: завтра въ баню сходить, все и пройдетъ.

— Ну, такъ я поѣду домой?

— Повъзжайте, — успокоилъ его Гаврила.

ХІІІ.

Побѣгъ отъ своей собственной совѣсти.

На другой день Баклановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ; голова у него трещала; ему представлялось, что, вѣроятно, теперь узнается по всей губерніи, какъ они пріѣзжали на посѣдки пьяные, произвели тамъ драку; наконецъ сами мужики могутъ на него жаловаться, потому что онъ обнажалъ оружіе. Словомъ, его мучили тѣ разнообразныя страхи,

которые обыкновенно бывают у человека съ разстроеннымъ пищевареніемъ, такъ что, когда къ нему въ комнату зашелъ гайдукъ Петруша и проговорилъ какимъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ голосомъ: «пожалуйте на минуточку сюда-съ!» онъ даже задрожалъ.

— Что такое?—спросилъ онъ вставая.

— Маша тамъ васъ спрашиваетъ-съ, поговорить ей нужно съ вами-съ.

Баклановъ глядѣлъ въ лицо гайдука.

— Гдѣ же она?—спросилъ онъ.

— Въ овинѣ, на гумнѣ дожидается-съ.

Александръ пошелъ. Ему не совсѣмъ пріятно было это объясненіе: «Пожалуй, еще чувствительность выражать будетъ! На что глупа, а это ужъ понимать начинается!» думалъ онъ.

Въ овинѣ, совсѣмъ почти темною, Маша сидѣла на кучкѣ дровъ и плакала.

— Что это такое? о чемъ? — спросилъ Баклановъ.

— Маменька ваша-съ,—отвѣчала Маша:—призывала меня вчера къ себѣ-съ.

— Н-ну?

— По щекамъ прибила-съ... «Мерзкая, говорить ты...»—замужъ приказываетъ идти-съ за Антипова сына.

— Но, вѣдь, ты не хочешь?

— Нѣтъ-съ, что хотѣть-то-съ!.. Я къ крестьянству, помилуйте, совсѣмъ тоже, какъ есть, не прилучена... домъ тоже бѣдный...

— Ну; и не ходи, если не хочешь!

— Выхлестать хочеть, коли, говорить, не пой-

дешь; а я, помилуйте, чѣмъ виновата? Не своей охотой тоже шла-съ.

— Вздоръ!... Не ходи!... Я не позволяю тебѣ этого! — говорилъ Баклановъ и пошелъ къ матери.

Но какъ было заговорить о подобномъ предметѣ?

— Вы тамъ, маменька!... дѣвушка у насъ Марья есть... Вы хотите ее насильно замужъ выдать?...

— Непремѣнно... неперемѣнно... — проговорила вспыхнувъ Аполлинарія Матвѣевна, и махнула при этомъ какъ-то рѣшительно рукой.

— Не неперемѣнно-съ! вскричалъ Александръ: — нельзя такъ вамъ вашимъ подлымъ крѣпостнымъ правомъ пользоваться.

Аполлинарія Матвѣевна ужъ задрожала.

— Нѣту, нѣту, я ужъ рѣшилась!—говорила она.

— Въ такомъ случаѣ и я рѣшусь, продолжалъ Баклановъ: — и завтра же уѣду въ Петербургъ.

Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не могъ налугать мать, какъ своимъ намѣреніемъ уѣхать въ Петербургъ. Аполлинарія Матвѣевна больше всего на свѣтѣ хотѣла, чтобы сынъ остался при ней, получилъ бы у нихъ въ губерніи какое-нибудь выгодное мѣсто, женился бы на богатой невѣстѣ, и оба бы, онъ и невѣстка, ужасно къ ней были почтительны.

— Вы ни звука, ни вѣсточки не будете получать обо мнѣ! говорилъ онъ.

— Ну Богъ съ тобой! Богъ съ тобой! говорила Аполлинарія Матвѣевна, и затѣмъ заревѣла.

Этого Баклановъ рѣшительно не могъ вынести.

— Это чортъ знаетъ что такое, говорилъ онъ, уходя изъ комнаты и хлопая дверьми.

Онъ опять прошелъ въ овинъ къ Машѣ.

— Ну, я говорилъ матери: не выдадутъ...—сказалъ онъ, полагая, что угроза его подѣйствуетъ на Аполлинарію Матвѣевну.

— Нѣтъ, баринъ, какъ не выдадутъ?... выдадутъ!...—сказала Маша и еще больше расплакалась.

Бакланова окончательно это взбѣсило.

— Это не жизнь, а каторга, — произнесъ онъ, уходя изъ овина.

Напуганная словами сына, Аполлинарія Матвѣевна не отложила своего намѣренія, а послала за Юной Мокеичемъ.

«Онъ этакой говорунъ, — разговорить, можетъ быть, его!» думала она.

Александръ, больной и разстроенный, только было прилежъ послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ, какъ двери открылись и вошелъ Іона Мокеичъ, чистенькій, примазанный, какъ бы ничего съ нимъ передъ тѣмъ и не случилось.

— Что, дяденька, а? — говорилъ онъ входя.

Баклановъ поднялся на диванѣ.

— Вотъ кто! ну что, какъ ваше здоровье? — произнесъ онъ.

— Да, ничего! отвѣчалъ Іона, садясь противъ него:—поотошелъ маненько... Что у васъ-то такое натворилось?

Александръ развелъ руками.

— Чортъ знаетъ, что такое тутъ просходитъ!—сказалъ онъ.

Іона усмѣхнулся.

— Вы слышали? — спросилъ его Баклановъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ только пріѣхалъ!

— Я тутъ жилъ съ одною дѣвушкой нашей...

Иона, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— И вдругъ моей матушкѣ вздумалось выдавать ее замужь.

Иона опять усмѣхнулся.

— Что это такъ?... — произнесъ онъ.

— Да, подите, вотъ!

— Отъ зависти, надо полагать, старухи это дѣлаютъ! объяснилъ Иона Мокеичъ.

— Вѣроятно! подхватилъ Баклановъ.

— Зачѣмъ-то нарочнаго присылала за мной... Думаетъ, можетъ, что я это похаю! продолжалъ Дядовхинъ.

— Вы ей скажите, началъ Александръ рѣшительнымъ тономъ: — что если она это сдѣлаетъ, я сейчасъ же уѣду и чтобы сыномъ своимъ меня не смѣла потомъ считать.

— Эхма! сказалъ Иона съ грустью и ушелъ къ Аполлинаруи Матвѣевнѣ.

Баклановъ насупившись сѣлъ у окна.

Иона Мокеичъ совѣщался съ своею сосѣдкой по крайней мѣрѣ часа два и возвратился отъ нея съ пѣтомъ на лбу.

— Совсѣмъ баба съ ума спятила,—началъ онъ, входя въ Бакланову.

— Что же? спросилъ тотъ.

— Бойтса, что ты женишь ся на дѣвчонкѣ-то этой.

Александръ ужъ захохоталъ.

— Да что же, я дуракъ, али сумасшедшій, что ли?

— Эти соколы вонъ, вѣроятно, все насплетничали! сказалъ Иона, видая злобный взглядъ на гай-

дука Петрушку, который въ это время былъ у барина въ кабинетъ и прибиралъ его платье.

— Никогда мы думать даже не смѣемъ, чтобы говорить что-нибудь про господина, — отвѣчалъ ему тоже съ злобнымъ взглядомъ Петруша: — а что прикащикъ точно что докладывалъ госпожѣ, такъ какъ Марья не стала слушаться и на работу ходить...

— Сама дѣвчонка, чу! хвасталась, что ты женишься на ней.

— Да, я точно что говорилъ ей, — отвѣчалъ Александръ. — Вообразите: дѣвушку къ вамъ приводятъ почти силой... надобно же было чѣмъ-нибудь утѣшить ее: ну, я и говорю: «я женюсь на тебѣ!»

При этихъ словахъ Петруша вздохнулъ: устыдился ли онъ содѣяннаго имъ поступка, или находилъ, что къ нему мало благодарности чувствуютъ.

Иона Мокеичъ не переставалъ лукаво усмѣхаться.

— Цѣпки онѣ, проклятыя, за эти слова-то!

— Да вы говорили матери, что я уѣду въ Петербургъ? — спросилъ его Александръ.

— Говорилъ! Поди, вонъ, реветъ на весь домъ, какъ по покойникѣ.

— А намѣренія своего не отмѣняетъ?

— Нѣтъ! «У насъ и то, говоритъ, въ роду дѣдушка былъ женатъ на дѣвѣѣ, — такъ та, говоритъ, мерзавка била меня.» Все теперь и имѣетъ это въ своемъ воображеніи.

— Да что же мнѣ дѣдушка за примѣръ! — воскликнулъ Баклановъ.

— Необразование! — объяснилъ Иона Мокеичъ. — «Пусть, говоритъ, съ замужней женщиной съ какой

хочетъ гуляеть, не мое дѣло; а съ дѣвкой не позволю.»

Баклановъ пожалъ плечами.

Въ это время по двору прошла цѣлая толпа женщинъ, и между ними Александръ сейчасъ же замѣтилъ Марью, идущую съ потупленною головой.

— Что это, куда идутъ?—спросилъ онъ безпкойно Петрушу.

Тотъ мрачно посмотрѣлъ въ окно.

— Невѣсту, надо быть, обрывать ведутъ.

— Куда, зачѣмъ? — спросилъ Александръ, съ вспыхнувшимъ лицомъ.

— Немножко пообчистить и пообгладить! отвѣчалъ Иона Мокеечъ. — Сегодня, что ли, вѣнчанье-то? — спросилъ онъ Петрушу.

— Сегодня, сказываютъ!—отвѣчалъ тотъ, грустно потупляя глаза.

— Какъ сегодня! — воскликнулъ Александръ: — вѣдь это ужъ прямо, значить, надругаться!

— Небольшіе тоже, видно, парады-то хотятъ справлять, — сказалъ Иона Мокеечъ.

— О-то, скотство какое! произнесъ Баклановъ съ бѣшенствомъ въ голосъ.

Петруша, какъ бы не въ состояніи будучи видѣть страданій барина, ушелъ изъ кабинета.

— Не сокрушайся, другъ сердечный!— принялся его утѣшать Иона.

— Да, вѣдь, поймите же всю мерзость моего положенія!—говорилъ Александръ, колотя себя въ грудь: — во-первыхъ, я ее люблю немножко, во-вторыхъ, мнѣ ее жаль, совѣтно, стыдно противъ нея, и въ то же время я ничего не могу сдѣлать... Ну, что я

сдѣлаю?... Словами — матери не внушишь, она не пойметъ ихъ. Не бить же мнѣ ее.

— Какъ можно мать бить!—сказалъ на это Иона.— Ты ужь лучше потѣшь ее въ этомъ случаѣ,—прибавилъ онъ какимъ-то заискивающимъ голосомъ. — Машка-то къ тебѣ станетъ и бабой бѣгать...

— О-то, скотство какое! — повторилъ еще разъ Баклановъ, сжимая кулаки и устремляя взоръ на потолокъ.

Черезъ часъ времени Иона Мокеичъ, будто такъ, случайно, вышелъ на дворъ и пошелъ прогуляться по усадьбѣ.

Александръ остался одинъ и продолжалъ сидѣть у окна. Вдругъ онъ услышалъ по дорогѣ стукъ колесъ: сначала проѣхала одна телега съ мужиками, потомъ другая съ мужиками и женщинами; наконецъ третья съ однѣми женщинами, изъ которыхъ сидѣвшая посрединѣ была вся покрыта бѣлымъ.

Сердце замерло у Бакланова.

Вскорѣ послѣ того къ нему возвратился Иона.

— Что это, свадьба ужь проѣхала? спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ Иона протяжно и съ улыбкой.

— Что жь она? скажите!—спросилъ съ чувствомъ Баклановъ.

— Побрыкалась маленько! Ну, да я тоже сказалъ ей: «баринъ, говорю, тебя и хлѣбомъ и деньгами—ничѣмъ не оставитъ».

— Я готовъ дать все, что хотите!

— Дадутъ всего!... Старуха сама того желаетъ: «Я ихъ домъ, говоритъ, подниму.»

— Скоты мы, подлецы, мерзавцы!—сказалъ Александръ Ионѣ Мокеичу.

— Въ мірѣ, что въ морѣ: всего бываетъ! — объяснилъ ему тотъ.

Іона Мокеичъ вообще въ этотъ разъ былъ въ какомъ-то тихомъ, философскомъ настроеніи, что всегда съ нимъ случалось послѣ, какъ самъ онъ выражался, сильной пересыпки.

По просьбѣ Аполлинаріи Матвѣевны и самого Александра, онъ остался у нихъ ночевать, и на этотъ разъ, спавъ по обыкновенію, съ хозяиномъ въ одной комнатѣ, завелъ съ нимъ совѣщъ другаго рода разговоръ и рассказывалъ даже, какъ былъ, въ молодости, влюбленъ.

— Въ кого же это? — спросилъ Баклановъ

— Да тутъ одна дворяночка у насъ бѣдненькая была.

— Что жъ, она хороша собой была?

— Нѣтъ, не то, чтобы красавица: а помадой хорошей помадилась... Пречія-то маслицемъ мажутся, такъ воняетъ отъ головищъ-то, ну, а она, этакъ, помадкой, — такъ тѣмъ больше плѣнила.

Баклановъ былъ, впрочемъ, грустенъ и почти не слушалъ его.

На другой день онъ объявилъ рѣшительно, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, и какъ его Іона Мокеичъ ни отговаривалъ и ни упрашивалъ, онъ уперся на своемъ: велѣлъ своему человѣку нисколько не медля укладывать вещи, а кучеру готовить лошадей. Съ матерью Александръ не хотѣлъ ни видѣться, ни даже проститься, и только ужъ случайно зайдя въ гостиную за какой-то своей вещью, засталъ тамъ Аполлинарію Матвѣевну, съ лицомъ распухшимъ отъ слезъ. При видѣ сына, она очень сконфузилась.

Передъ ней стояли обвѣнчанные вчера молодые, которые пришли къ ней на поклонъ.

У Бакланова едва достало присутствія духа не вернуться назадъ.

Маша стояла съ потупленнымъ лицомъ, а мужъ ея, молодой малый, глупо на все посматривалъ: онъ еще въ первый разъ въ жизнь свою былъ въ барскихъ горницахъ.

Маша показала ему что-то глазами, и оба они сейчасъ же подошли къ рукъ Бакланова.

— Поздравляю васъ, поздравляю,—говорилъ тотъ и поспѣшилъ уйти.

— Ты сегодня уѣзжаешь, другъ мой! — сказала ему вслѣдъ Аполлинарія Матвѣевна.

— Сегодня-съ! — отвѣчалъ онъ ей грубо.

У Марьи при этомъ лицо замѣтно вспыхнуло, а у Аполлинарія Матвѣевны сначала задергало обѣ щеки, потомъ и слезы потекли.

— Подите,—могла она только проговорить молодымъ.

Тѣ ушли.

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, Иона Мокелчъ опять сталъ уговаривать Бакланова.

— Поди, простишь съ матерью-то!

Александръ ничего ему не отвѣчалъ и молча сѣлъ въ коляску.

Тутъ, было, подошелъ къ нему проститься мрачный Семень.

— Прочь, мерзавецъ!—закричалъ на него Баклановъ; заскрежетавъ зубами.

Тотъ мрачно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Съ Петрушей, напротивъ, Баклановъ расцѣловался.

Поѣхали.

Стоявшая у курятной избы пожилая женщина была на всю усадьбу:

— Жиль-то нашъ батюшка промежъ насъ и никого-то не обидѣлъ ни словомъ, ни яснымъ взглядомъ своимъ.

Когда отъѣхали отъ усадьбы довольно далеко, молодой лакей, опять поѣхавшій съ Александромъ, обернулся назадъ и проговорилъ:

— Маша бѣжитъ-съ!

Баклановъ сдѣлалъ недовольную мину.

— Стойте! — сказалъ онъ.

Кучеръ остановился.

Маша, нагнавъ ихъ, вскочила на подножку коляски, обняла барина и стала цѣловать его.

— Прощай, Марья, прощай!—говорилъ онъ торопливо. — На, вотъ, тебѣ!—прибавилъ онъ, и подалъ ей сторублевую.

Но Маша и деньгамъ, кажется, была не рада! какъ-то небрежно засунувъ ихъ за пазуху, она нехотя слѣзла съ подножки и долго, долго провожала глазами удаляющійся отъ нея экипажъ.

Въ усадьбу она возвратилась, объѣжавъ кругомъ все поле. Отъ мужа своего потомъ, какъ ночь придетъ, такъ и пропадетъ куда-нибудь, такъ что онъ никакъ ее не найдетъ.

Аполлинарія Матвѣевна, по отъѣздѣ сына, сдѣлалась серьезно больна.

Иона Мокеичъ остался у нея и все ее утѣшалъ.

— Онъ теперь не проститъ меня!—говорила она, рыдая и лежа на постели.

— Проститъ,—успокоивалъ ее Іона Мокеечъ.

XIV.

У Палкина—ужь, видно, не въ Британіи.

Мелкій осенній петербургскій дождикъ, какъ сѣвось частое сито, сѣялъ на тротуары Невскаго проспекта. Въ старомъ Палкинскомъ трактирѣ начинали засвѣчать огни. У одного изъ столиковъ сидѣлъ молодой человѣкъ, въ скромномъ черномъ фракѣ. Передъ нимъ стояли три накрытыхъ прибора.

— Что за чортъ, еще нѣтъ досихъ поръ!—говорилъ онъ, съ нетерпѣніемъ поглядывая на часы; наконецъ въ трактиръ вошелъ другой молодой человѣкъ.

— Вы здѣсь, Варегинъ!—проговорилъ онъ.

Вошедшій былъ Баклановъ. Онъ сильно постарѣлъ и похудѣлъ.

— Долго вы!—сказалъ ему пріятель.

— Задержали,—отвѣчалъ Баклановъ и сказалъ неправду. Онъ хотѣлъ совсѣмъ не придти обѣдать, чувствуя въ Варегину, составившему себѣ ученую карьеру и ѣхавшему теперь за-границу, невыносимую зависть.

— Ну что, скажите, нѣтъ ли кого-нибудь еще изъ нашихъ здѣсь?... Венявина, напримѣръ?—продолжалъ тотъ добродушно.

Пріятели въ тотъ день только поутру сошлись на Невскомъ случайно.

— Нѣтъ; Венявинъ служить въ губерніи, помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, совершенно доволенъ своимъ мѣстомъ: губернатора считаетъ за идеаль чести, а правителя канцеляріи за идеаль ума,—отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ слегка усмѣхнулся.

— Да, — произнесъ онъ, — у него сердце маленькое, но чистое золото, и онъ съумѣетъ имъ позолотить всю жизнь свою.

— А вы скоро ѣдете за границу?

— Дня черезъ два, — вонъ чистоганомъ изъ казны выдали! — отвѣчалъ Варегинъ и звякнулъ передъ глазами Бакланова червонцами.

Тотъ даже отвернулся, не потому, что это были деньги, а потому что онѣ были даны человѣку за труды и способности.

— Куда жъ вы прежде поѣдете?

— Сначала въ Берлинъ; поразспрошу тамъ, гдѣ, по моимъ предметамъ, профессора получше, и стану потомъ колесить по Германіи.

Бакланову самому ужасно хотѣлось за границу, и онъ бы даже могъ это сдѣлать, но зачѣмъ? Въ чемъ ему и въ какихъ наукахъ было усовершенствоваться? и онъ разспрашивалъ Верегина, какъ бы зачѣмъ, чтобъ еще болѣе себя намучить.

— А на магистра вы когда будете держать?

— Я ужъ выдержалъ, — отвѣчалъ спокойно Варегинъ.

«И это говоритъ сынъ мѣшанина», думалъ Баклановъ. «начавшій съ пятнадцати лѣтъ учиться грамотѣ, а онъ — дворянинъ, обставленный всѣми средствами къ образованію, и что сдѣлалъ?

Въ это время къ Варегину подошелъ лакей и спросилъ:

— Прикажете подавать-съ?

— Нѣтъ еще, погоди!... Проскриптскаго я жду,— прибавилъ онъ Бакланову.

— А... а онъ развѣ здѣсь? спросилъ тотъ.

— Здѣсь, и хотѣлъ придти.

Баклановъ сдѣлалъ гримасу.

— Что, вы все еще, попрежнему, не любите его? продолжалъ съ улыбкою Варегинъ.

— Да, — отвѣчалъ Александръ.

— Нѣтъ, онъ человекъ не дурной, — продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ: — но, разумѣется, какъ и вся ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашивай... Мистификаторы, по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются.

— Вы думаете?—спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.

— Идетъ!—остновилъ его Баклановъ.

Варегинъ повернулъ голову. Въ комнату, въ самомъ дѣлѣ, входилъ, своею вкрадчивою походкой, Проскриптскій.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ прежде всего Варегину. — Здравствуйте-съ! прибавилъ потомъ и Бакланову, не смотря, впрочемъ, на него глазами.

— Какъ васъ дождемъ замочило! — замѣтилъ ему тотъ.

— Благодарю, я и не замѣтилъ, — отвѣчалъ Проскриптскій, близоруко ища стула и садясь на него.

— Какъ же не замѣтили? Васъ всего пробило? — спросилъ захохотавъ Варегинъ.

— Я никогда не замѣчаю, что въ воздухѣ: дождь или ясно, — отвѣчалъ Проскриптскій.

— Даже и самого, я думаю, воздуха.

— Какъ это-съ? что такое?

— А такъ: хорошъ воздухъ или нѣтъ?.. разницу, напримѣръ, между городскимъ воздухомъ и деревенскимъ?

— Для меня все равно-съ, — отвѣчалъ Проскриптскій.

— Все равно! — повторилъ Варегинъ, переглянувшись съ Баклановымъ.

— Можетъ быть, — продолжалъ Проскриптскій своимъ настойчивымъ тономъ: — человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ.

— Все можетъ быть, отвѣчалъ Варегинъ.

— Рѣшительно все, и я такъ полагаю, — сказалъ Проскриптскій, взявъ газету, сталъ ее внимательно пробѣгать.

Человѣкъ подалъ горячее.

— Какого же намъ вина спросить? — сказалъ Варегинъ.

— Я никакого не пью, произнесъ тоненькимъ голоскомъ, Проскриптскій.

— А я мало! — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ дай намъ одну бутылку краснаго! — сказалъ Варегинъ человѣку. — Такъ ли бывало въ Британіи? — прибавилъ онъ полшутя.

— О! Британія!—произнесъ съ восторгомъ, Баклановъ.

Проскриптскій, между тѣмъ, какъ-то торопливо ѣлъ, не переставая читать. Обѣдъ прошелъ совершенно молча, только и всего, что Варегинъ, обратясь къ Бакланову, спросилъ его негромко:

— А что вы намѣрены здѣсь дѣлать?

— Самъ еще не знаю... Вы знаете, что я больше всего люблю искусства, отвѣчалъ тотъ не совсемъ рѣшительно.

Варегинъ нѣсколько минутъ размышлялъ.

— Но все-таки надобно же взять что-нибудь опредѣленное! — проговорилъ онъ.

Проскриптскій, все еще неперестававшій читать, при этомъ улыбнулся. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы служите, что ли, здѣсь?—спросилъ его Баклановъ.

— Да-съ, служу-съ. Мы отъ жизни не много требуемъ: отъ чего намъ не служить!

— Что жь, это все такъ и пойдеть? — замѣтилъ ему Баклановъ.

— Нѣтъ-съ! когда можно будетъ, такъ мы потребуемъ; только не того, что вы!

Проговоря это, онъ пожалъ руку у пріятелей и вышелъ.

— Хорошо видѣть, когда добрый человѣкъ сердится; но когда злецъ злится — гадко! — произнесъ Варегинъ.

— Вы замѣтили, что онъ въ пищу вкуса не понимаетъ: ѣсть какъ ни попало!—проговорилъ Баклановъ.

Варегинъ ничего ему не отвѣчалъ и, какъ кажется, былъ занятъ собственными мыслями.

— Все-таки это хоть какая-нибудь да сила, а не распущенность, — проговорилъ онъ наконецъ, потупляя свои умные глаза..

Баклановъ этотъ намекъ принялъ нѣсколько на свой счетъ.

— Ну, мнѣ къ дядѣ еще надо, — проговорилъ онъ.

— Прощайте, другъ мой милый, — сказалъ, цѣлуясь съ нимъ, Варегинъ. — А такъ ли бы мы разошлись изъ «Британіи»? — повторилъ онъ еще разъ.

— Да, — произнесъ и Баклановъ въ томъ же тонѣ.

«Не такъ бы разошлись!» повторяемъ и мы за нимъ.

Молодые люди еще только вступали въ жизнь, а она уже, видимо, наложила на нихъ свою лапку.

XV.

Масонъ.

Баклановъ шелъ быстро. Онъ не останавливался ни передъ однимъ магазиномъ, не заглянулъ ни подъ одну изъ нерѣдко попадавшихся шляпокъ. Выраженіе лица его было почти сурово. Онъ не любилъ и побаивался бывать у дяди своего Евсевія Осиповича Ливанова, тайнаго совѣтника и любимца многихъ вельможъ.

По темнымъ семейнымъ рассказамъ, Евсей Осиповичъ слылъ масономъ: бывъ еще очень молодымъ человекомъ, онъ погибалъ было въ развратъ; но его

полюбила одна вдовица и, какъ скудную лепту евангельскую, принесла ко Христу.

Евсевій Осиповичъ воспрянулъ, и внослѣдствіи до такой степени успѣлъ развить въ себѣ мистическій духъ, что врядъ ли не имѣлъ степени *каменьщика*, и былъ наконецъ, что важнѣе всего, другомъ того, чьей рукой было писано завѣщаніе о наслѣдствѣ Россіи. Въ его передней, нѣкогда, толпились графы и министры; теперь, со смертію этого лица, все ужь, разумѣется, кончилось; но Ливановъ все-таки, силою ума и характера, сумѣлъ удержать за собою одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ кругу петербургской бюрократіи. Благодарствовать роднымъ онъ любилъ, только требовалъ, чтобъ они при этомъ, какъ собаки, ползали у его ногъ. Онъ-то покойнаго Бакланова (тоже отчасти масона) женилъ на своей родственницѣ Аполлиаріи Матвѣевнѣ, ублаживъ его тѣмъ, что дѣвица сія благоухаетъ простотой сердца, и все время потомъ благодушествовалъ ихъ браку, но птенца ихъ, нашего героя, не совсѣмъ прилюбивалъ, или, по крайней мѣрѣ, тотъ возмущалъ его и своими мыслями, и своими манерами.

Въ Почтамтской, подходя къ дому дяди, Баклановъ пріостановился, чтобы перевести дыханіе и овладѣть нѣсколько собой, а потомъ, не совсѣмъ смѣлою рукой, отворилъ дверь.

— У себя его превосходительство?—спросилъ онъ тихо и нетвердымъ голосомъ.

— Господинъ Баклановъ?—спросилъ его, въ свою очередь, тоже тихо швейцарь, съ какимъ-то совсѣмъ идіотски-кроткимъ взглядомъ.

— Да!—отвѣчалъ Александръ.

— Пожалуйте-съ.

Александръ сталъ взбираться по мозаиковой лѣстницѣ. Въ довольно большой залѣ, онъ невольно кинулъ взглядъ на висѣвшій въ углу образъ Спасителя, который былъ нарисованъ съ треугольникомъ въ рукѣ, а голова была пронзена двумя стрѣлами.

Въ гостиной, передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа съ абажуромъ, сидѣлъ старикъ съ владимирскимъ крестомъ на шеѣ, въ сѣромъ широкомъ сюртукѣ, съ прищипленною на немъ анненскою звѣздой. Все это онъ носилъ, кажется, не столько изъ чехвальства, сколько изъ желанія внушить къ себѣ болѣе страха. Въ его, съ строгими чертами, лицѣ было что-то хищническое, что-то напоминающее лица инъвизиторовъ. Противъ него сидѣлъ другой старикъ въ чемъ-то въ родѣ подрясника, подпоясанномъ кожаными ремнемъ. Густые волосы его, совершенно нечесанные, были не стрижены, но, отъ полнѣйшаго пренебреженія къ нимъ, сами обсыпались и были коротки. Борода его начала расти почти отъ самыхъ глазъ. Теперь онъ, пуская сквозь бороду густѣйшій дымъ, курилъ очень дорогой табакъ, не сознавая ни достоинства, ни цѣны его. Лицо его, впрочемъ, было добродушно и походило на тѣ лица, которыя встрѣчаются у здоровыхъ, но заботливыхъ и думчивыхъ мужиковъ.

Передъ ними, на столѣ стояла бутылка малаги.

Увидѣвъ племянника, Евсеій Осиповичъ проговорилъ: «здравствуйте!» и протянулъ къ нему, не вставая съ мѣста, руку.

Тотъ принялъ ее и сильно, какъ видно, старался при этомъ избѣгнуть подобострастной позы.

Другой старикъ, напротивъ, сейчасъ же всталъ и отвѣсилъ Бакланову, въ-полспины, добродушнѣйшій поклонъ.

Тотъ успѣшилъ ему отвѣтить тѣмъ же.

Всѣ наконецъ усѣлись.

— Вы долго ли тамъ жили?—заговорилъ Евсей Осиповичъ, продолжая начатый еще прежде имъ разговоръ съ его собесѣдникомъ.

— Пять лѣтъ!—отвѣчалъ тотъ какимъ-то необыкновенно искреннимъ голосомъ. — Первые-то два года на цѣпи, было, держался; ну да тоже тѣломъ-то, что ли, хлибокъ, ажно раны по всему пошли!.. Народу ко мнѣ много ходило; стали уговаривать: «батюшка, говорятъ, что ты такъ мучаешься-то!.. спусти себя съ цѣпи-то»... однакоче я не слушался!

— Не слушался!..—повторилъ Евсей Осиповичъ въ одно и то же время съ благоговѣніемъ и удивленіемъ.

— Да... только другой ужъ странникъ, сибирякъ тоже нашъ, приходитъ ко мнѣ... поговорилъ я съ нимъ... Вижу, наставникомъ мнѣ можетъ быть... открылся я ему... «Что же, говорить: видно, Богъ не приѣмлетъ этой жертвы! Аще не имали силы творити, да отгнешися! Можетъ, теперь ты и въ міру станешь жить крѣпко». Однакоче, братъ, какъ вышелъ, такъ и искусила.

— Чѣмъ же? — спросилъ Евсей Осиповичъ съ строгимъ лицомъ

— Да всего и есть, что въ лѣсъ потулять вышелъ; а лѣсища тамъ, и Господи! какіе райскіе! эта лиственица... береза наша сладкосочная... трава густая, пахучая, сладкогласныя птицы поютъ...

Я соблазнился, грѣшнымъ дѣломъ, да грибокъ и понабралъ, — молоденькихъ все такихъ, и пришелъ въ сосѣднее селенье; тамъ насъ хорошо, ласково принимаютъ!...

— Хорошо? — спросилъ Евсеvій Осиповичъ.

— Да, все равно за отцовъ родныхъ... Попросилъ я одну старушку... «зажарь», говорю. «Ай, отче, говоритъ, повели только!» и нажарила мнѣ, братецъ, большущую сковороду, все на маслецѣ, я и съѣлъ, и такъ послѣ того моторить меня стало. «Нѣтъ, думаю, баста! шалишь, не гожусь еще въ мiръ жить» и въ келью опять...

— Это онъ въ землянкахъ и въ дебряхъ сибирскихъ жилъ, — обратился Евсеvій Осиповичъ къ Бакланову, и нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, какъ бы желая извѣдать, что такое онъ думаетъ о томъ, что теперь слышитъ и видитъ передъ собой.

Александръ, съ своей стороны, не находилъ ничего дѣлать, какъ глядѣтъ себѣ на ногти.

— Въ челоvѣкѣ два Адама: одинъ ветхій, грѣховный, а другой—новый, во Христѣ обновленный, Если теперь тѣлеса наши, этого Адама грѣховнаго, не бичевать, они сейчасъ возымутъ...

— Нѣсколько ужъ видѣннй имѣлъ, — объяснилъ, совершенно серьезнымъ образомъ, Евсеvій Осиповичъ о своемъ гостѣ.

— Табакъ я нюхать люблю, — продолжалъ и тотъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ: — сидишь этакъ—вдругъ подходитъ къ тебѣ дѣвка или баба —красивая такая: «Отче, говоритъ, на-ка, табачку понюхай!» Ну, перекрестился и видишь, что навожденіе одно!..

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ, распутивъ отъ умиленія руки.

— А я-те сказывалъ, какъ гора мнѣ сказала: «аминь?»—спросилъ старикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ, какъ бы очнувшись.

— Иду я, братецъ, въ Пермской губерніи, и такъ приусталъ, Боже ты мой! — ноги обтеръ... спинущу разломило, хоть ложись да умирай тутъ,— шабашъ! Только я, братецъ, и взмолился: «Господи! говорю, въ скорбяхъ, недугахъ и печаляхъ воію къ Тебѣ», такъ, знаешь, молитву отъ себя свою проговорилъ... Только, братецъ ты мой, гора-то... большущая такая была, на которую я перъ-то: «аминь!» говоритъ.

— Да почему же ты знаешь, что это гора сказала?..—спросилъ даже Евсевій Осиповичъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да никого, друже мое, никого, окромя ее, не было... такъ-таки твердымъ мужскимъ голосомъ и говорить: «аминь!» говорить. Ну ужъ я и взмолился, всплакалъ тутъ...

Баклановъ все это слушалъ, какъ ошеломленный, и думалъ: «Что, эти два человѣка — помѣшаны или только плуты?» Но дядя былъ замѣчательнаго ума человѣкъ, а странникъ казался такимъ добрымъ и откровеннымъ. Невольно мелькавшая въ это время улыбка на губахъ Бакланова не скрылась отъ блестящаго и холоднаго, какъ сталь, взгляда дяди.

Собесѣдникъ его, наконецъ, началъ вставать и прощаться.

— Выпей на дорожку посошокъ-то! —сказалъ ему Евсеvй Осиповичъ.

— Ты вотъ меня сладкимъ винцомъ угощаешь, отвѣчалъ старикъ, выпивая рюмку:—а я больше водку мужицкую, простую люблю, да не пью!

— И не пей, гадость! подтвердилъ Евсеvй Осиповичъ.

— «Не упивайтесь виномъ: въ немъ же есть блудъ», а она, наша матушка росcійская, такая насчетъ этого разбористая...—говорилъ старикъ, ища свой посохъ и клубокъ.

— Ну, прощайте, —сказалъ онъ.

— Прощайте, отче!

— Князь Василью Петровичу скажи, что какъ назадъ пойду, такъ къ нему жить зайду, безпремѣнно, не кучился бы!

— Скажу!

— А у графини Вареньки я посошокъ свой желѣзный оставилъ: скажи, чтобъ она владѣла имъ на здорovie да во спасенье.

— Скажу, скажу,—повторялъ Евсеvй Осиповичъ, и проводивъ странника и возвратившись въ гостиную, сѣлъ и погрузился въ глубокую задумчивость!

XVI.

Протекцiя.

Дядя и племянникъ по крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣли, не говоря другъ съ другомъ ни

слова. Евсевій Осиповичъ былъ сердитъ на Александра за его насмѣшливый видъ въ продолженіе всей предъидущей сцены.

— Что же вы, поговорить о чемъ-то со мной хотѣли?—спросилъ онъ его, наконецъ, суровымъ голосомъ.

— Да, я, дядюшка, насчетъ того... — началъ тотъ:—теперь я пріѣхалъ въ Петербургъ... что мнѣ дѣлать съ собой?

Евсевій Осиповичъ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Что же вы служить, что-ли, намѣрены здѣсь?—спросилъ онъ.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Главная моя любовь и склонность,—отвѣчалъ онъ:—это искусства!

Евсевій Осиповичъ снова уставилъ на племянника пронизательный взглядъ.

— И теперь, помилуйте, — продолжалъ тотъ замѣтно начинающимъ робѣть голосомъ: — я вотъ былъ въ Эрмитажѣ: каталога тамъ порядочнаго нѣтъ!

Лицо Евсевія Осиповича начало принимать какъ бы нѣсколько бессмысленное выраженіе.

— Или теперь,—говорилъ Александръ, хотя въ горлѣ его и слышалась хрипота:—за границей тоже нѣтъ русскаго гида ни для галлерей, ни для музеевъ... Чтобы стоило правительству кого-нибудь послать для этого... и, наконецъ, и здѣсь я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, служить при театрѣ!

Далѣе у Александра не достало и воздуха въ груди говорить.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ молчать и не измѣнялъ своего положенія; потомъ, какъ бы все еще подъ вліяніемъ одолѣвающихъ его недоразумѣній, началъ съ разстановкой:

— Ничего я не понимаю, что вы такое говорите: здѣсь гда нѣтъ... за границей указателя... служить наконецъ при театрѣ... Богъ знаетъ, что такое!

— Я, можетъ быть, дядюшка, неясно выражаюсь— произнесъ окончательно растерявшійся Баклановъ.

— Совершенно неясно-съ!—повторилъ за нимъ Евсевій Осиповичъ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія

— Вонъ, если хотите, — началъ Ливановъ, — у меня есть тутъ одинъ господинъ... на побѣгушкахъ у меня прежде былъ, а теперь совѣтникомъ служить, любимецъ, говорятъ, министра. Я напишу ему. Вы вѣдь не кандидатъ?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Баклановъ конфуясь.

— Значить, вамъ надо въ губернскомъ вѣдомствѣ начинать. Я напишу ему, онъ возьметъ васъ.

Александръ, на первыхъ порахъ, обидѣлся этимъ предложеніемъ.

— Я бы желалъ, по крайней мѣрѣ, дядюшка, у васъ, подъ вашимъ начальствомъ служить

— Да мнѣ-то куда дѣвать васъ?—возразилъ ему Евсевій Осиповичъ:—я и безъ того слишкомъ взысканъ милостями Государя Императора моего, да какъ еще всю родню-то валить на него, такъ густо будетъ!

— Я, дядюшка, не о томъ прошу, а чтобы вы дали мнѣ хоть маленькій ходъ.

— Нѣтъ, вы больше того просите. У меня ва-

кансій нѣтъ! Значить, вы хотите, чтобъ я для васъ выгналъ какого-нибудь честнаго труженика и, въ виду всѣхъ, на позоръ себѣ, посадилъ на его мѣсто васъ, моего племянника, — вотъ вы чего хотите.

— Я этого не говорилъ-сь! — сказалъ Баклановъ, окончателно обидѣвшись.

— Дать ходъ, — продолжалъ Евсеvй Осиповичъ: — вамъ даютъ его — ступайте! Въ васъ есть *нѣкоторый* умъ, *нѣкоторое* образованіе, *нѣкоторыя* способности.

На словахъ *нѣкоторые* Евсеvй Осиповичъ дѣлалъ замѣтное удареніе.

— Все это, разумѣется, въ васъ забыто и загажено полувоспитаніемъ (настоящимъ воспитаніемъ Евсеvй Осиповичъ считалъ только ихнее, сектантское); но исправляйтесь, трудитесь!..

— Я трудиться готовъ! — произнесъ Баклановъ и потомъ, замолчавъ, прибавилъ: — Позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть къ этому господину письмо!

— Подайте мнѣ перо и листъ бумаги... тамъ въ кабинетѣ, на шифоньеркѣ... — сказалъ Евсеvй Осиповичъ.

Александръ пошелъ въ кабинетъ.

— Не разбейте тамъ и не уроните чего-нибудь!.. У меня вещи все хорошія!.. — крикнулъ ему Ливановъ.

«Вотъ скоть то!» съ бѣшенствомъ думалъ Баклановъ.

Записку Евсеvй Осиповичъ написалъ не длинную.

«Емелюшка проваженный! прими сего юнца къ себѣ на службу, — это мой племянникъ!»

Запечатавъ ее, онъ отдалъ Бакланову.

— Слова: *Емешка прокаженный* были Ливановымъ употреблено въ видѣ ласки, такъ какъ Нетопоренко, тоже нѣсколько принадлежавшій къ ихъ толку, рассказывалъ, что въ молодости онъ сидѣлъ съ сведенными руками и ногами и исцѣлился отъ этого чудомъ.

— Заходите, когда будете имѣть время!—проговорилъ Ливановъ, вставая и зѣвая.

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ Баклановъ; а самъ съ собой думалъ: «только бы мѣсто найти, нога моя у тебя, чорта, не будетъ!»

Евсевій Осиповичъ тоже, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ отдалъ племяннику прощальный поклонъ.

XVII.

Совѣтничешко палатскій.

Не знаю, существуютъ ли до сихъ поръ въ російской государственной службѣ Нетопоренки; но въ то время, какъ начиналъ ее герой мой, ихъ было достаточное количество.

Въ юности, обыкновенно совѣтничество для нихъ такая недосыгаемая мечта, на которую они едва осмѣливаются поднять свои лукавые и подслѣповатые взоры; но съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени видятъ, что все больше и больше могутъ прилагать свои способности.

У каждаго изъ нихъ обыкновенно есть благодѣтель въ Петербургѣ, котораго маленькія слабости они

знаютъ до тонкости: любить ли онъ женщинъ молоденькихъ, или поѣсть хорошо, или только охотникъ деньгу хапнуть, — для всего этого они сейчасъ ему каналъ открываютъ.

Большая часть крестовъ, украшающихъ ихъ грудь, даны имъ за подобные подвиги!

Для ума и сердца вашего не ждите отъ этихъ людей ничего; но для тѣлесъ и всей слѣдующей къ онымъ обстановки они безцѣнны.

Еслибъ авторъ былъ хоть сколько-нибудь значительное лицо, то, по слабости человѣческой, онъ не ручается, чтобы не покровительствовалъ какому-нибудь подобному каналю.

Точно такъ и Евсеій Осиповичъ разумѣлъ и понималъ Нетопоренка, и чтобы не держать его очень близко около себя онъ сыскалъ ему мѣсто по другому вѣдомству, асессора въ палатѣ, а затѣмъ на мѣсто совѣтника — Нетопоренко самъ уже перешагнулъ, и такъ тамъ укрѣпился, что, говорятъ, считался за образцоваго чиновника.

Но онъ былъ не глупъ: по какому-то чутью, въ воздухѣ или даже изъ-подъ земли вынюхивая, онъ предчувствовалъ, что недолгъ кругомъ его будетъ происходить совсѣмъ не то, что теперь происходитъ, и что звѣзда его померкнетъ окончательно и навсегда.

Чтобъ обезнечить себя на этотъ случай, онъ жилъ скопидомомъ и сколачивалъ копѣйку на черный день.

Баклановъ чуть не задохнулся, входя къ нему по вонючей лѣстницѣ. Ободранная, грязная дверь, которую точно двадцать собакъ рвали, была незаперта. Нетопоренко только сейчасъ проснулся, и

брившись, пильма-пилилъ парня, котораго онъ взялъ къ себѣ будто бы затѣмъ, чтобы приучить его въ письменной части, а въ самомъ дѣлѣ заставлялъ даже бѣлье себѣ мыть.

— Эка шельма!.. неумоя!.. рыло поганое!.. — говорилъ онъ.

Малый не обращалъ никакого вниманія на эти слова и молча обмахивалъ съ грязной мебели пыль метелкой.

— Къ вамъ пришли-сь, — обернулся онъ, наконецъ, и сказалъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ было Нетопоренко сердито; но, увидѣвъ, что входитъ хорошо одѣтый господинъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Извините меня, пожалуста! — говорилъ онъ, запахивая свой грязный халатъ. — А дверь у тебя была опять не заперта! — прибавилъ онъ, почти съ судорогами въ лицѣ, парню. Но тотъ и этимъ нисколько не сконфузился: его упорно спокойное лицо какъ бы говорило: «да и завтра не запру и добьюсь того, что ты меня прогонишь».

— Ну, я же тебя! — прошипѣлъ Нетопоренко, поводитивъ пальцемъ по столу: онъ въ свою очередь тоже, видно, рѣшился переупрямить парня.

— Что вамъ угодно? — обратился онъ, наконецъ, къ Бакланову.

Тотъ подалъ ему письмо.

— Прошу покорнѣйше присѣсть! — сказалъ Нетопоренко, взглянувъ на почеркъ.

Александръ сѣлъ.

Нетопоренко прочелъ и какъ бы нѣкоторое время оставался въ недоумѣніи.

— Служить вамъ угодно у меня? — проговорилъ онъ, склоняя голову на бокъ.

— Да, я желалъ-бы.

— Конечно, я для его высокопревосходительства долженъ и стремлюсь всей душой сдѣлать все!.. — сказалъ Нетопоренко, модничая и не безъ важности.

Изъ письма Ливанова онъ очень хорошо увидѣлъ, что тотъ не слишкомъ близко къ сердцу держалъ племянника.

— Ваша прежняя служба? — прибавилъ онъ.

— Я изъ университета.

— А, да! Но тамъ вѣдь есть разные факультеты?

— Я юристъ.

— А, да!

Важность Нетопоренка все больше и больше увеличивалась.

— Это, впрочемъ, для службы все равно. Почеркъ вашъ позвольте видѣть.

— Я писать умѣю — отвѣчалъ Баклановъ съ улыбкою, и не снимая перчатки, на первомъ же попавшемся ему клочкѣ началъ писать: *Милостивый Государь!*

— Нѣтъ, ужъ вы потрудитесь дома тамъ, что-ли, на акуратномъ этакомъ листикѣ бумажки написать... Я генералу долженъ показать.

Генераломъ Нетопоренко называлъ своего управляющаго.

— Я это могу и здѣсь сдѣлать, — отвѣчалъ Баклановъ и, взявъ со стола совѣтника листъ бумаги, написалъ на немъ отчетливо нѣсколько строчекъ. Почеркъ, впрочемъ, у него былъ очень хорошій, но смѣлость, съ которой онъ это сдѣлалъ, не понрави-

дась Нетопоренкѣ: стоя за спиной Бакланова въ то время, какъ тотъ писалъ, онъ поначивалъ на него головой; потомъ, посмотрѣвъ съ серьезнымъ видомъ на написанное и положивъ молча бумагу на столъ, онъ явно хотѣлъ поговорить передъ своимъ будущимъ подчиненнымъ и дать ему нѣкоторое понятіе о своемъ взглядѣ на вещи.

— Ученіе?.. Образованіе?.. — началъ онъ какъ бы вопросительно и разваливаясь въ креслахъ: — но надобно смотрѣть, согласно ли оно съ религіей, съ нравственностью и, наконецъ, какъ вліяетъ оно на самое поведеніе человѣка.

— Образованіе, я думаю, не портитъ ничего этого, — проговорилъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! Не скажите! — воскликнулъ Нетопоренко. — Изъ наукъ, конечно — исторія вотъ... Я самъ любилъ ее въ молодости... описывается жизнь монарховъ и другихъ великихъ особъ — все это, разумѣется, въ нравственномъ духѣ! Или математика — учить тамъ разнымъ вычисленіямъ, объясняетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ.

Бакланову даже совѣстно было слушать всю эту чепуху.

— Но ваша философія, господа, — продолжалъ Нетопоренко, нѣсколько даже взвизгивая и возвышая голосъ почти до совершенной фистулы: — она прямехонько подкапываетъ основы государства... Я бы запретилъ ими ея упоминать для молодыхъ людей.

Баклановъ мрачно молчалъ.

— Вѣдь, ученіе — это еще одни разсужденія, а служба ужъ дѣло!.. настоящее!.. — продолжалъ Нето-

поренко, приходя въ паюсъ разговора... Вонъ предсѣдатель нашъ... Я всегда это, безъ лести, про него говорилъ... Онъ, какъ прочтетъ дѣло, такъ и начнетъ его разбирать, какъ ленты: эту прядку—сюда, эту—туда... Смотришь, оно ужь у него и поетъ! Это умъ! соображеніе!.. А ваши всѣ эти финтифлюшки — все это еще буки!

«Вотъ мерзавецъ-то», — думалъ Баклановъ. — Когда же и могу получить отвѣтъ, и могу ли я надѣяться имѣть хоть какое-нибудь классное мѣсто? — проговорилъ онъ вслухъ вставая.

— Ничего еще не могу сказать; во-первыхъ, первоначально повидаясь съ вашимъ дядюшкой, желаю отъ него слышать нѣсколько болѣе опредѣленную рекомендацію объ васъ; потомъ доложу генералу... Я человекъ маленькій: мнѣ что прикажутъ, то я и дѣлаю...

— Я постараюсь заслужить ваше довѣріе, — проговорилъ Александръ и самъ не зная, зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Вѣрю-съ! — отвѣчалъ ему, не безъ ядовитости, Нетопоренко. — Хотя въ то же время, прямо долженъ вамъ сказать, — продолжалъ онъ: — что вы, гг. университетскіе, мало годитесь для нашей службы: слишкомъ поверхностны... слишкомъ любите высшіе взгляды видать, а что нужно для дѣла, то пропускаете.

Баклановъ ничего не возразилъ и раскланялся.

Главное, его удивляло то: какимъ образомъ этотъ человекъ масонъ, значить, все-таки принадлежитъ къ кружку людей честныхъ и образованныхъ? По своей молодости и неопытности онъ не зналъ еще, что ко всѣмъ

добрымъ начинаніямъ, когда они войдутъ въ силу и моду, какъ къ памятникамъ въ губернскихъ городахъ, всего больше напристанеть грязи и навозу.

Нетопоренки и теперь занимаются не менѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко!

XVIII.

Мѣсто, гдѣ Нетопоренко—божокъ.

Не безъ робости, черезъ четыре дня, Баклановъ вошелъ въ палату. Въ передней онъ увидалъ сторожа и нѣсколькихъ мужиковъ съ печальными лицами. Въ слѣдующей комнатѣ молоденькій чиновникъ печаталъ конверты; а другой, совсѣмъ старый, съ глубокомысленнымъ видомъ, записывалъ ихъ въ книгу и выставлялъ на нихъ нумера.

Баклановъ подошелъ къ нимъ.

— Я желалъ бы видѣть г-на Нетопоренко!—сказалъ онъ.

— А зачѣмъ вамъ?—спросилъ его съ любопытствомъ молодой чиновникъ.

— Я на службу здѣсь поступаю,—отвѣчалъ откровенно Баклановъ.

— Да куда же? Здѣсь, вѣдь, нѣтъ вакансій!—проговорилъ молодой чиновникъ.

— Какъ нѣтъ!—забрюзжалъ на него старикъ:—вчера помощнику во второмъ столѣ велѣли подавать въ отставку.

— За что же это такъ?—спросилъ, уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ, молодой человекъ.

— Нагрубилъ тамъ, что ли, совѣтнику! — отвѣчалъ старикъ равнодушно.

Бакланову сдѣлалось неловко: неужели это для него выгнали человѣка изъ службы? Однако онъ промолчалъ.

— Это, значитъ, вамъ въ хозяйственное отдѣленіе надо... туда ступайте! — сказалъ молодой чиновникъ, показывая ему на слѣдующую комнату.

Баклановъ вошелъ и увидѣлъ у средняго простѣнка столъ; по прочимъ двумъ стѣнамъ тоже стояли столы съ надписями: 1-й, 2-й, 3-й... У простѣночнаго стола сидѣлъ чиновникъ, съ Станиславомъ на шеѣ, съ лицомъ точно крапленнымъ сажей и въ очкахъ.

При входѣ Бакланова, онъ сейчасъ же обернулся и сталъ на него смотрѣть, но не въ очки, а черезъ нихъ, какъ будто бы онъ ихъ берегъ на разсматриваніе болѣе достойныхъ предметовъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ наконецъ.

— Я ожидаю г-на Нетопоренко, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну такъ подождите тамъ... Здѣсь не мѣсто! — проговорилъ чиновникъ.

Это былъ дѣлопроизводитель отдѣленія, тоже малороссъ и любимецъ Нетопоренки.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, всѣ націи, кромѣ русекой, имѣютъ свои партіи, и члены ихъ тянутъ другъ друга за уши на ступеняхъ житейской лѣстницы.

Баклановъ, дѣлать нечего, опять вышелъ въ прежнюю комнату.

— Что же вамъ тамъ сказали?—спросилъ его, съ любопытствомъ, молодой чиновникъ.

— Да тамъ не велятъ и стоять!—отвѣчалъ Баклановъ.

Молодой чиновникъ покачалъ головой.

Бакланову ужасно хотѣлось състь. Онъ началъ чувствовать усталость и какую-то невыносимую тоску, которую иначе нельзя назвать, какъ *тоской просителей* въ присутственныхъ мѣстахъ.

Будучи не въ состояннн долѣе стоять на ногахъ, онъ сѣлъ на окно. Чиновники, между тѣмъ, какъ шмели, безпрестанно шмыгали мимо его. Проходилъ иногда и правитель дѣлъ, съ озабоченнымъ лицомъ и съ перомъ за ухомъ. Всякій разъ онъ несорѣмъ дружелюбно посматривалъ на Бакланова и, наконецъ, проговорилъ ему:

— На окнахъ сидѣть нельзя-съ; они не для того сдѣланы.

— Гдѣ жь мнѣ сидѣть? я усталъ,—отвѣчалъ Баклановъ уже дерзко.

— Приемная комната у насъ вотъ гдѣ съ!—отвѣчалъ дѣлопроизводитель, указывая на темную переднюю, гдѣ стояли мужики.

Баклановъ, однако, туда не пошелъ и продолжалъ сидѣть на окнѣ. Тоска доходила въ немъ почти до отчаяннн. Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать все какъ-то засуетилось, и въ присутственной комнатѣ послышался звонокъ. Туда пробѣжалъ сторожъ. Стали потомъ проходить и выходить съ почтительными физіономіями столоначальники.

Баклановъ догадался, что это пріѣхалъ Нето-поренко.

«И такому скоту подобная честь!» подумалъ онъ, и въ то же время, не зная какъ добраться до таинственнаго святилища присутственной комнаты, онъ снова обратился къ молодому чиновнику, принимавшему въ немъ хоть маленькое участіе.

— Нельзя ли обо мнѣ доложить г-ну Нетопоренкѣ?—сказалъ онъ.

— Я не могу этого!.. Съ большимъ бы удовольствіемъ, но намъ не приказано: у насъ только сторожъ докладываетъ,—отвѣчалъ тотъ вѣжливо и пожимая плечами.

Баклановъ подошелъ къ сторожу.

— Доложи, пожалуйста, г. Нетопоренкѣ, что я пришелъ.

— Теперь занимаются, нельзя!—отвѣчалъ солдатъ рѣшительно.

— Но онъ, можетъ-быть, и все будетъ заниматься!—возразилъ Баклановъ.

— Ну, и все будутъ!—повторилъ солдатъ.

— Емельянъ Фомичъ самъ велѣлъ имъ придти!—вмѣшался въ разговоръ молодой чиновникъ.

— Велѣлъ... а кто его знаетъ?

— Да, вѣдь, тебѣ говорятъ, братецъ; какой ты, помилуй!—подтверждалъ чиновникъ.

— Велѣлъ?... кажинный разъ ругается,—бормоталъ солдатъ, однако пошелъ, и черезъ нѣсколько секундъ возвратился и прошелъ прямо въ свою переднюю.

— Что же?—спросилъ его съ нетерпѣніемъ Баклановъ.

— Докладывалъ.

— Что же?

— Ничего не сказалъ.

Баклановъ, съ бѣшенствомъ, отошелъ и сталъ жъ своему прежнему окну, готовый плюнуть на все: и на палату, и на дядю, и на Петербургъ.

Наконецъ изъ дверей присутствія раздался голосъ Нетопоренки: «Пожалуйте, г. Баклановъ!» Баклановъ вошелъ и увидѣлъ огромный столъ, покрытый отличнымъ краснымъ сукномъ, щегольское, рѣзное золотое зеркало, мягкія, эластичныя кресла, каминъ.

Лакейская фигура Нетопоренки ужасно не шла ко всему этому комфорту.

— Ну-съ,—встрѣтилъ онъ Бакланова: — я видѣлся съ вашимъ дядюшкой... мѣсто у насъ есть, если угодно, помощника столоначальника.

— О, помилуйте, я очень радъ!—проговорилъ Александръ, въ самомъ дѣлѣ обрадованный.

Вся фізіономія Нетопоренки какъ бы мгновенно измѣнилась въ его глазахъ.

— Я могу, значитъ, сейчасъ и прошеніе подать?—проговорилъ онъ.

Нетопоренко усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нельзя-съ! сегодня суббота — день неприсутственный... Какъ же вы этого не знаете? А еще юристъ!—проговорилъ онъ и покачалъ Бакланову головой.

Тотъ, впрочемъ, вышелъ отъ него, совершенно съ нимъ примиренный и довольный, и въ регистра-турѣ съ нѣкоторою уже важностью поклонился своему прежнему покровителю, молодому чиновнику!

XIX.

Канцелярское важничанье.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Баклановъ, съ просьбой въ карманѣ, по крайней мѣрѣ, ждалъ часа два. Къ сердцу его начинала опять подступать *просительская тоска*.

Управляющій, наконецъ, пріѣхалъ. Это былъ высокій мужчина, черноволосый, съ черными, густыми бакенбардами, въ мундирѣ и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Проходя въ присутствіе, онъ не отвѣтилъ никому изъ чиновниковъ на ихъ поклоны.

Бакланова сейчасъ же позвали.

Въ присутствіи онъ увидѣлъ, что управляющій сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ подалъ ему прошеніе. Управляющій, нахмуривъ брови, развернулъ его и, быстро прочтя, спросилъ:

— Отчего же оно не *по титуль*?

Нетопоренко заглянулъ въ бумагу и поблѣднѣлъ.

— Не сказано, кто просить; *дабы* пропущено...— говорилъ управляющій.

Нетопоренко качалъ укоризненно Бакланову головой.

— Рукоприкладство не по пунктамъ, и мѣста жительства нѣтъ...

— Зачѣмъ же мѣсто жительства? спросилъ сильно сконфуженный Баклановъ.

— Какъ зачѣмъ?—отвѣчалъ ему, въ свою очередь, вопросомъ управляющій.

— Позвольте, я ему поправлю-сь, говорилъ Неторопенко, и, взявъ просьбу, во мгновеніе ока, написалъ на ней на верху: *по титуль*, потомъ кто просить и наконецъ вставилъ, гдѣ слѣдуетъ *дабы*.

— Учатъ тоже у насъ, а спросили бы чему!—говорилъ онъ, возвращая Бакланову прошеніе.

— На-те, переписшите тамъ-сь, прибавилъ онъ почти съ пренебреженіемъ.

Баклановъ горѣлъ отъ стыда и досады; однако, выйдя въ регистратуру, переписалъ прошеніе, которое у него и приняли.

Нетопоренко самъ его потомъ повелъ въ отдѣленіе.

— Вотъ ваше мѣсто и вашъ начальникъ!—сказалъ онъ, подводя его ко второму столу.

Столоначальникъ Бакланова оказался очень еще молодой человѣкъ, высокій, стройный, съ поднятою вверхъ физиономіей и чрезвычайно, должно быть, самолюбивый. Онъ не опривѣтствовалъ своего новаго подчиненнаго не только какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, но даже хотъ сколько-нибудь внимательнымъ взглядомъ, и почти не глядя на него, проговорилъ, показывая ему на дѣлю связку дѣлъ:

— Вотъ дѣла къ *разрѣшенію-сь*.

Баклановъ взялъ. Онъ, собственно говоря, и фразы этой къ *разрѣшенію*, не понялъ. Пересмотрѣлъ одно дѣло, другое, третье; но спросить своего молодого столоначальника не хотѣлъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое!—повторялъ онъ больше про себя и шепотомъ.

Юный столоначальникъ наконецъ услыхалъ это.

— Надобно написать распоряженіе по послѣд-

ней бумагѣ, проговорилъ онъ неторопливо и нехотя.

— Благодарю!—сказалъ Баклановъ, и смекнувъ въ чемъ дѣло, принялся работать.

По слѣдняя бумага была донесеніе земскаго суда о томъ, что одно дѣло имъ некончено, но что при первой возможности къ нему будетъ приступлено.

Перелистывая бумаги, Баклановъ ввдѣлъ, что земскому суду разъ пять по этому дѣлу подтверждали, а потому, не думая долго, онъ распорядился: земскому суду сдѣлать выговоръ и объявить: если не кончитъ сего дѣла въ недѣльный срокъ, такъ на его счетъ будетъ посланъ нарочный.

Во второмъ дѣлѣ было отношеніе консисторіи о совращеніи въ расколъ крестьянской дѣвки Марьи Емельяновой, семидесяти лѣтъ и глухонѣмой отъ рожденія. Баклановъ еще въ деревнѣ слышалъ, какъ притѣсняють раскольниковъ, и при чтеніи этой бумаги, воспылавъ благороднымъ негодованіемъ, написалъ: «Такъ какъ крестьянкѣ Марьѣ Емельяновой семьдесятъ лѣтъ и она глухонѣмая, то къ какому бы она толку ни принадлежала — все равно, и подвергать ее изслѣдованіямъ жестоко и безчеловѣчно!» Покончивъ это, онъ пріостановился, зѣвнулъ, и имъ овладѣла другаго рода тоска, которую можно назвать канцелярской и которою страдаютъ сами члн овники. Спину у него ломило, но болѣе всего ему былъ непріятенъ этотъ запахъ бумаги и какое-то повсемѣстное чувство песку, а между тѣмъ и вѣсть начинало хотѣться.

— Что мы въ которомъ часу выходимъ изъ

присутствія?—спросилъ онъ столоначальника, но тотъ не отвѣтилъ ему на это, а объяснилъ одинъ изъ писцовъ:

— Въ пять-съ!

Баклановъ съ ужасомъ взглянулъ на часы, на которыхъ всего было три часа. Чтобы какъ-нибудь спастись отъ скуки, онъ снова принялся заниматься, но уже настольнымъ реестромъ.

— Тутъ вписывается содержаніе дѣла, —сказалъ, увидѣвъ это, столоначальникъ, по прежнему не глядя на самого Бакланова.

— Знаю-съ, —отвѣчалъ тотъ, и началъ вписывать одно дѣло въ листахъ на двухъ, другое на трехъ, третье на четырехъ, — такимъ образомъ дѣлъ десять до самыхъ пяти часовъ.

— Ухъ! —проговорилъ онъ самодовольно и едва разгибая спину.

Съ столоначальникомъ передъ выходомъ онъ опять было порывался проститься по-дружески; но тотъ едва протянулъ ему конецъ руки.

Молодой человѣкъ этотъ былъ побочный сынъ побочнаго сына министра, что, можетъ быть, и развило въ немъ такъ самолюбіе.

XX.

Надругательство надъ моимъ героемъ.

Когда на другой день Баклановъ пришелъ на службу, столоначальникъ его былъ ужь тамъ.

По свойственной всемъ людямъ слабости—слѣдить за своими умственными дѣтищами, Баклановъ

сейчасъ же замѣтилъ, что рѣшенныя имъ вчера дѣла лежали на столѣ; но всѣ резолюціи его сверху до низу зачеркнуты и вмѣсто ихъ написаны другія.

— Что жь, развѣ то, что я написалъ, не годится?—спросилъ онъ несовсѣмъ спокойно столоначальника.

— Да-съ!—отвѣчалъ тотъ, съ своею, по обыкновению, гордо поднятою физиономіей, и какъ бы сказавъ самую обыкновенную вещь, отошелъ и сталъ разговаривать съ дѣлопроизводителемъ.

Баклановъ однако не хотѣлъ съ-разу отказаться отъ своего труда.

— Почему же нельзя ужь земскій судъ припугнуть?—спросилъ онъ насмѣшливо, когда столоначальникъ снова возвратился на свое мѣсто.

— Потому, что на него мы можемъ представлять только въ губернское правленіе, отвѣчалъ тотъ, и преспокойно взявъ листъ бумаги, началъ на немъ писать.

Баклановъ закусилъ губы. Онъ видѣлъ, что молодой начальникъ его былъ правъ и не изъ пустаго каприза перемаралъ резолюціи.

— Но почему же объ раскольникахъ не прошла резолюція?—спросилъ онъ не такимъ ужь рѣшительнымъ голосомъ.

— То какая-то бессмыслица,—отвѣчалъ столоначальникъ и, сверхъ обыкновенія, даже улыбнулся.

— Но, вѣдь, это еще доказать надо!—проговорилъ Баклановъ.

— Консисторія намъ сообщаетъ, чтобы командировать депутата—только!—отвѣчалъ столоначаль-

никъ, и, какъ бы не желая больше разсуждать о подобныхъ пустякахъ, снова принялся писать.

— Но позвольте-съ! — воскликнулъ Баклановъ, и самъ видѣлъ на мѣстѣ въ жизни, какъ несправедливо притѣсняють раскольниковъ.

— Что жъ изъ того? — спросилъ столоначальникъ.

— А то, что мы, какъ защитники крестьянъ, должны же за нихъ заступаться.

— Депутата для того и командируютъ; наконецъ это дѣло будетъ въ судебномъ мѣстѣ, рѣшеніе пришлютъ намъ на заключеніе.

Баклановъ опять видѣлъ, что молодой столоначальникъ правъ. Будь это старикъ, Баклановъ перенесъ бы терпѣливо, но такой молокососъ и такъ славно знаетъ дѣло. «Какъ у него, каналы, все это ясно и просто въ головѣ», думалъ онъ и, робѣя взяться за резолюціи, сталъ заниматься настольнымъ. Исписавъ въ одномъ дѣлѣ всю бумагу, онъ обратился къ столоначальнику.

— Что тутъ, пришить надо? У меня больше нѣтъ мѣста! — спросилъ онъ его совершенно спокойно.

— Какъ мѣста нѣтъ! — спросилъ столоначальникъ и даже покраснѣлъ; но, взявъ реэстръ въ руки, рѣшительно пришелъ въ ужасъ.

— Что вы такое тутъ надѣлали? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Баклановъ тоже струсилъ.

— Что такое? — спросилъ онъ въ свою очередь.

— Вы всю книгу испортили: она выдана нагодъ, а вы по двадцати дѣламъ всю бумагу исписали — это сумасшествіе наконецъ!

— Но, вѣдь, какъ же, иначе нельзя...—говорилъ заикаясь Баклановъ.

— Какъ нельзя-съ!... Вы чортъ знаетъ какихъ выраженій тутъ насовали: «странныя распоряженія уѣзднаго суда, «возмутительная медленность» гражданской палаты, тогда какъ она выжидаетъ апелляціонные сроки.

Столоначальникъ взялъ книгу и пошелъ въ секретарю. Оба они нѣсколько времени, какъ-бы совершенно потерявшись, разговаривали между собой. Наконецъ, секретарь обратился къ Бакланову.

— Вы, видно, не служить сюда поступили, а портить только; коли сами не понимаете — спросили бы...

Стыду и оскорбленію моего героя въ эти минуты предѣловъ не было. Онъ не въ состояніи даже былъ ничего отвѣчать.

— Объяснить надо Емельяну Ѳомичу; докладъ особый придется писать... —толковали, между тѣмъ, его начальники.

«И къ Емельяну Ѳомичу еще пойдутъ, къ скоту этому!» думалъ Баклановъ, совсѣмъ поникнувъ головой.

Столоначальникъ пришелъ въ присутствіе.

Баклановъ, стыдно сказать, дрожалъ, какъ школьникъ.

— Г-нъ Баклановъ!— крикнулъ, наконецъ, изъ присутствія голосъ Емельяна Ѳомича.

Считай Баклановъ хоть сколько-нибудь себя правымъ, онъ всѣмъ бы имъ наговорилъ дерзостей; но онъ ясно понималъ, что тутъ навралъ и былъ глупъ: вотъ что собственно его уничтожало.

— Васъ опредѣлили, а вы не хотите ни у кого спросить? Вѣдь это не стихи писать! Нѣтъ, не стихи, — повторилъ нѣсколько разъ Нетопоренко и съ такимъ выраженіемъ, что какъ бы презрѣннѣ стиховъ ничего и на свѣтѣ не было.

— Ученые, тоже: ахъ, вы! Вотъ вамъ примѣръ молодой человѣкъ!

При этомъ онъ указалъ на стоявшаго гордо у стола столоначальника:

— Съ перваго разу въ службу вникнулъ какъ слѣдуетъ; а отчего? оттого что умъ есть, а у васъ вѣтеръ! Ступайте!

Баклановъ, и тутъ ни слова не отвѣтивъ, вышелъ. «Подать въ отставку!» подумалось ему; но это значило бы явно показать, что онъ струсиль службы и не можетъ ее понимать.

Домой онъ возвратился въ совершеномъ отчаяніи.

«На что я способенъ и чему меня учили?» думалъ онъ съ бѣшенствомъ.

Бѣдному молодому человѣку и въ голову не приходило, что въ своемъ посрамленіи онъ былъ живой человѣкъ, а унижающіе его люди — трупы. Что какъ ни нелѣпы на видъ были его распоряженія, но въ нихъ онъ шелъ все-таки къ смыслу ихъ мертваго безсмысленнаго дѣла!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I.

Наперсница.

Отъ Новоспасскаго кладбища по шоссе, обсаженному пирамидалными тополями, въ городъ К*** ѣхала быстро щегольская парная карета. На набережной, передъ небольшимъ, но красивымъ домикомъ, экипажъ остановился, и изъ него вышла молодая женщина въ траурѣ. Рѣшительно не замѣчая—кто ей отворилъ дверь, какъ все мило было въ бѣлой свѣтлой залѣ, какъ въ палевой гостиной, въ простѣночныхъ зеркалахъ отразился ея стройный станъ, она прошла, и въ слѣдующей комнатѣ, имѣвшей видъ будуара, снявъ съ себя шляпку, сѣла на табуретъ передъ богатымъ туалетомъ. Это была наша Софья Петровна Ленева.

Костюмъ ея, по наружности, былъ довольно простъ: черное, шелковое платье, черныя бусы съ довольно большимъ крестомъ, черныя браслеты: но чего все это стоило, понялъ бы самый неопытный глазъ: изящество дышало въ каждой вещицкѣ на ней, въ каждой складкѣ ея платья.

По стройности и правильности своего стана и выразительной красотѣ лица, Софи какъ-будто бы и на русскую даму не походила. Скорѣй это была итальянка, но только итальянка свѣтская, аристократическая.

Въ ея будуарѣ было богато и съ большимъ вкусомъ убрано.

Софья Петровна, по крайней мѣрѣ, съ часъ сидѣла, полузакрывъ лицо и погруженная въ глубокую задумчивость. Лицо ея выражало печаль и озабоченность.

Маленькая, почти потаенная, подъ пунцовыми обоями, дверь отворилась, и въ комнату, по мягкому, шелковистому ковру, неслышно вошла тоже знакомая намъ дѣвушка, Иродіада, и тоже въ траурѣ, съ изящнымъ бѣлымъ воротничкомъ и съ вышитыми рукавчиками. Она очень похорошѣла, сдѣлалась еще стройнѣе, и даже ноги у ней стали маленькія, изящныя и обутыя въ пятирублевая, прюнелевая ботинки.

Исторія ея, съ тѣхъ поръ какъ мы ее оставили, очень проста: смиреніемъ своимъ она до того умлила Биби, что та сама ей разъ сказала :

— Не хочешь ли, Иродіада, въ монастырь?... Я вижу, что тебя ничто въ мірѣ не влечетъ!

— Да, сударыня, если бы милость ваша была.— отвѣчала Иродіада.

— Ахъ, пожалуйста! Я за грѣхъ себѣ считаю удерживать тебя,—отвѣчала Биби, и въ первую же поѣздку въ городъ дала Иродіадѣ вольную.

Та сначала объявила ей, что поѣдетъ къ Ми-

трофанію на богомолье, а вмѣсто того проѣхала въ ту губернію, гдѣ жила Софи съ мужемъ.

— Возьмите меня, Софья Петровна; я буду служить вамъ, какъ и тетенькѣ вашей служила!..— объявила она; и въ этотъ разъ въ голосъ ея слышно было что-то особенное, такъ что Софи, не задумавшись, взяла ее и, по своей страсти видѣть около себя все красивое, сейчасъ же одѣла ее какъ буколку.

Бывшей печальницѣ и смиренницѣ, кажется, это было весьма не непріятно, и затѣмъ госпожа и служанка очень скоро и очень тѣсно сошлись между собою.

— Эммануилъ Захарычъ прислали-съ! — начала наконецъ Иродіада, негромко и неторопливо.

Софи взмахнула на нее глазами, и какое-то утомительное чувство промелькнуло у ней въ лицѣ.

— Что же? — спросила она.

— Спрашиваютъ, могутъ ли они пріѣхать къ вамъ.

— Нѣтъ!—сказала было сначала Софи рѣзко; но потомъ, обдумавъ, прибавила:—скажи, что я только-что сейчасъ пріѣхала съ могилы моего мужа, мнѣ не до гостей.

Иродіада неторопливо вышла.

Въ своей комнатѣ, тоже очень чистенькой и красиво прибранной, она нашла черноватаго, курчаваго молодого господина, съ явно-еврейскою фizioноміей, большаго, должно быть, франта, съ толстою золотою цѣпочкой на часахъ и въ брилліантовыхъ перстняхъ.

— Сто-зе-съ?—спросилъ онъ, модно помахивая шляпой.

— Онъ больны.. не могутъ принять, — отвѣчала Иродіада.

— Ахъ ты, Бозе мой, Бозе мой! — произнесъ посланный: — такъ господинъ убивается... такъ!

— Онъ очень нездоровы! — отвѣчала Иродіада прежнимъ ровнымъ тономъ.

Посланный не уходилъ и продолжалъ смотрѣть себѣ на руки и на сапоги.

— Могу ли я съ вами переговорить два злова? — сказала онъ наконецъ.

— Что? — спросила Иродіада.

— Два злова! — повторилъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ началъ что-то такое скороговоркой объяснять Иродіадѣ. Она его слушала какъ-то насмѣшливо холодно.

— Такъ? — заключилъ онъ.

— Такъ! — отвѣчала она.

Молодой человѣкъ торопливо засунулъ руку въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ, вынулъ изъ него сторублевую бумажку и подалъ ее Иродіадѣ. Та равнодушно приняла ее. Молодой человѣкъ протянулъ къ ней руку; она хлопнула по ней своею рукой, которую онъ и поцѣловалъ съ чувствомъ, а затѣмъ, надѣвъ еще кофта на шляпу на бекрень, модно расшаркался и вышелъ. Иродіада какъ-то мрачно посмотрѣла ему вслѣдъ.

Софи, между тѣмъ, все еще продолжала сидѣть въ задумчивости. Вдругъ раздался звонокъ. Софи даже вздрогнула.

— Иродіада! Иродіада! — крикнула она.

Та проворно вошла.

— Скажи, что я не могу принять, что я спать легла, — говорила Софи и начала торопливо развязы-

вать шнуры у платья, какъ бы затѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣться и лечь.

Иродіада вышла въ переднюю.

Софи напрягла весь слухъ, чтобы услышать, что тамъ будетъ говориться; она закусила свои красивыя губки, лицо ея поблѣднѣло.

Иродіада наконецъ возвратилась.

— Что ты такъ долго?... — сказала, почти съ тоской, Софи.

— Это не Эммануэль Захарычъ!.. — отвѣчала та.

— Какъ? — спросила Софи, и взялась ужь рукой за бьющееся сердце.

— Это Александръ Николаевичъ Баклановъ! — договорила Иродіада.

— Ахъ! — вскричала Софи, и вскочивъ, побѣжала на встрѣчу.

Передъ ней, въ самомъ дѣлѣ, стоялъ Баклановъ.

Первое время они ничего не въ состояніи были говорить, а взяли другъ друга за руки и смотрѣли одинъ другому въ глаза.

Иродіада, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, тоже смотрѣла на нихъ.

II.

Спать поѣзія.

— Хорошо ли у меня здѣсь? — было первое слово Софи, когда они усѣлись съ Александромъ въ будуаръ.

— Да! — отвѣчалъ тотъ, сіяя весь радостью.

— Ахъ! Боже мой! погоди, стой!— воскликнула вдругъ Софи, закрываясь рукой.

У ней неволью текли слезы.

— Ну вотъ и ничего, прошло!.. Иродіада, дай воды!—прибавила она, снова открывая свое прелестное лицо, хотя щечки ея еще дрожали.

Иродіада, съ нѣскольکو лукавымъ видомъ, подала ей воду: она еще въ Ковригинѣ, когда Баклановъ и Софи бывали тамъ, догадывалась о чувствахъ, которыя молодые люди питали другъ къ другу.

— Ну, такъ какъ же?—заговорила Софи.

— А также!..— отвѣчалъ ей Баклановъ, смотря на нее съ мѣжностью.

— Какъ же ты пріѣхалъ сюда?

— А такъ!.. Какъ ты мнѣ написала, что мужъ твой померъ и другое-прочее, такъ я сейчасъ къ дядѣ Ливанову... знаешь, я думаю, его?

— Да! Когда мы, въ первый годъ моего замужества, ѣздили съ Яковомъ Назарычемъ въ Петербургъ, такъ часто бывали у него...

— Онъ не ухаживалъ за тобой?

— Было немножко! Стой, какъ онъ называлъ тогда меня!.. Да!.. Прекрасной Юдифью, и все пророчествовалъ, что я не одному Олоферну, а сотнѣ такимъ посшибаю головы.

— Чтожь, это правда?—спросилъ Баклановъ.

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала Софи вѣкетливо. — Ну-съ, отправились къ дядѣ?

— Отправился къ дядѣ и говорю: такъ и такъ, грудью страдаю: а около этого времени я прочиталъ, что здѣсь мѣсто уголовныхъ дѣлъ стряпчаго стеры-

лось. «Похлопочите, говорю, чтобы перевели меня.»
Онъ самъ поѣхалъ къ министру.

— Какой, однако же, добрый, — замѣтила Софи.

— Какое, къ чорту, добрый! Я денегъ у него около этого времени попросилъ въ займы, такъ боялся, что это часто повторяться будетъ.

Софи засмѣялась.

— Поѣхалъ я наконецъ, — продолжалъ Баклановъ: — и что я чувствовалъ, подѣзжая сюда, и сказать того не могу: вдругъ, думаю, она уѣхала куда-нибудь, или умерла, — что тогда со мной будетъ?.. Приѣзжаю въ гостиницу, и спросить не смѣю; наконецъ почти шепотомъ говорю: «Здѣсь табая-то госпожа живетъ?» — «Здѣсь», говорятъ.... Я и ожилъ.

— О, какой ты милый! — воскликнула Софи.

И молодые люди, сами не отдавая себѣ отчета, поцѣловались.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Баклановъ: — что по случайному, можетъ быть, стеченію обстоятельствъ, но ты одна только была и осталась *poэзіей* въ моей жизни; а то — эта глупая студенческая жизнь, въ которой происходилъ или голый развратъ, или ломанье въ родѣ Печорина передъ какою-нибудь влюбленною госпожей.

— А была же такая? — произнесла весело-ревниво Софи.

— Была! — отвѣчалъ Баклановъ. — Потомъ этотъ Петербургъ, въ которомъ, если у дѣвушки нѣтъ состоянія, такъ ее никто не возьметъ, и онъ, какъ тигрицы, выдаются тамъ на васъ, чтобы выйдти замужъ, а потомъ и притащутъ къ вамъ жить па-

пеньку, маменьку, свояченицъ, родятъ вамъ въ первый же годъ тройниковъ.

Софи покачала, съ улыбкою, головой.

— Ты такой же все насмѣшникъ, какъ и прежде былъ!—сказала она, глядя съ любовью на Бакланова: — впрочемъ и здѣсь все то же, если еще не хуже!— прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Но здѣсь у меня ты есть! Пойми ты, совро-вище мое! — воскликнулъ Баклановъ: — здѣсь я для тебя одной буду жить, тобой одною дышать.

— О, да!—воскликнула Софи съ полнымъ увлече-ніемъ.

— Ты свободна; я свободенъ! — говорилъ Алек-сандръ.

— А мать у тебя умерла?—спросила Софи.

— Да!—отвѣчалъ онъ, почти съ удовольствіемъ: — что же съ?—продолжалъ онъ, вставая и расклани-ваясь передъ Софи: — когда вы прикажете мнѣ явиться къ вамъ и сказать: Софья Петровна, поз-вольте мнѣ имѣть честь просить вашей руки, и что вы мнѣ на это скажете?

— Я скажу: да, да и да!—отвѣчала Соня.

— Софья Петровна!—продолжалъ Александръ, въ томъ же комическомъ тонѣ (отъ полноты счастья онъ хотѣлъ дурачиться и дурачиться). — Будете ли вы мнѣ женой вѣрной и покорной?

— Буду, вѣрной и покорной, но только небереж-ливой, потому что мотовка ужасная.

Баклановъ вдругъ всталъ передъ ней на колѣни.

— «Божественное совершенство женщины, поз-воль мнѣ передъ тобой преклониться!»—проговорилъ онъ монологомъ Ричарда. — А ты отвѣчай мнѣ: про-

должалъ онъ, хватая ея ручку и колотя ею себя по лицу: «Гнусное несовершенство мужчины, поди прочь.

— О, ибть, милый, чудный!—отвѣчала та, обхвативъ и цѣлуя его голову; а потомъ Баклановъ поднялъ лицо свое, и они слились въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ.

Обоимъ имъ тогда было — Софѣ двадцать три года, а Бакланову двадцать шесть лѣтъ.

III.

Выставляющіеся углы дѣйствительности.

На другой день майское утро свѣтило въ будурѣ Софи сквозь спущенныя бѣлыя шторы. Въ комнатѣ было полусвѣтло и прохладно.

Софи, въ спальной блузѣ, въ изящныхъ туфляхъ съ толстою распушенной косой, сидѣла передъ своимъ туалетомъ. Она сама представляла собою не менѣе полную свѣжести и силы весну.

Иродіада, тоже въ стройномъ, и по случаю праздника, бѣломъ платьѣ, засучивъ кокетливо рукава, убрала госпожѣ волосы.

Софи, впрочемъ, на этотъ разъ не съ обычнымъ вниманіемъ занималась своимъ туалетомъ, неприкладывала и не примѣривала свои волосы, какъ имъ лежать слѣдовало, а все предоставила Иродіадѣ, и сама сидѣла въ задумчивости.

— Александръ Николаичъ надолго сюда пріѣхались? —спросила вдругъ та.

— Надолго... Онъ служить здѣсь будетъ,—отвѣчала Софи.

Что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки пробѣжало по лицу Иродіады.

— Я, можетъ быть, замужъ за него выйду, — прибавила Софи улыбаясь.

Иродіада молчала.

— Нравится онъ тебѣ? — прибавила Софи.

— Баринъ молодой-съ! — отвѣчала Иродіада.

Нѣкоторое время между госпожей и служанкою продолжалось молчаніе.

— Александръ рѣшительно меня спасетъ... — проговорила Софи, какъ бы больше сама съ собою.

Иродіада въ это время убирала щетку, гребенку, помаду.

— Денегъ у васъ, Софья Петровна, ничего нѣтъ! — проговорила она кажимъ-то холоднымъ голосомъ.

— Ну, заложитъ тамъ что-нибудь! — отвѣчала Софи безпечно.

— Что, барыня, закладывать-то? Серебро ужъ все заложено, вещи тоже; не платье же нести, — отвѣчала Иродіада.

На лицѣ Софи изобразилась тоска.

— У Эммануила Захарыча можно взять-съ! — произнесла съ нѣкоторою разстановкой, Иродіада.

Софи взглянула на нее съ испугомъ.

— Они ничего, дадутъ-съ. Только и желаютъ, чтобы хоть на часъ, на минуту васъ видѣть.

Софи сидѣла и терла себѣ лобъ.

— Ну, хорошо, поди возьми!.. Скажи, чтобы приписалъ тамъ къ прежнему счету, проговорила она торопливо.

Иродіада, однако, не уходила.

— Когда жъ имъ пріѣхать-то прикажете?

Выраженіе лица Софи сдѣлалось совсѣмъ мрачно.

— Завтра что ли-съ?—продолжала Иродіада.

— Нѣтъ, завтра у меня Александръ будетъ!—воскликнула Софи, какъ бы испугавшисьъ.

— Ну, послѣ завтра-съ.

Софи ничего на это не возразила.

IV.

Чувствительный еврей.

Иродіада, въ новенькомъ бурнусѣ, съ зонтикомъ и въ прелестной шляпкѣ, которую подарила ей Софи, всего два раза сама ее надѣвавшая, проворно шла по тротуару.

Ни въ походкѣ, ни въ наружности Иродіады ничего не было, чтобы напоминало горничную, такъ что одинъ приказный, только было передъ ея проходомъ выбравшійся изъ погребка:

— Ай, батюшки, совѣтница наша, совѣтница! — проговорилъ онъ, стыдливо закрываясь рукой и сейчасъ же снова себя погребая въ погребкѣ.

По темнымъ извѣстіямъ, Иродіада сама принадлежала къ дворянскому роду и чуть ли не была дочерью Евсевія Осипыча, который какъ-то разъ приѣзжалъ къ секундъ-маіору погостить, и все шутилъ съ одною замужнею женщиной, которая послѣ того и родила дочь, совершенно непохожую на мужа. Софи даже теперь иногда съ удивленіемъ всматривалась въ свою горничную и замѣчала, что она ужасно похожа на нее, особенно съ глазъ.

Передъ огромнымъ каменнымъ домомъ, съ колон-

нами и съ цѣльными стеклами въ окнахъ всего бель-этажа, Иродіада остановилась и вошла въ рѣзную, краснаго дерева, дверь. Что тутъ живетъ не владѣтельный какой-нибудь принцъ, — можно было догадаться по тому только, что на правомъ флигелѣ, выкрашенномъ такою же краской, какъ и домъ, была прибита голубая доска съ надписью: *контора питейно-акцизнаго откупа*.

Войдя, Иродіада увидала швейцара съ золотою булавой и во фракѣ, обложенномъ позументомъ.

— Здравствуйте-съ, — сказала она, дружески мотнувъ ему головой.

— Вы къ Іосифу Яковличу или къ Эммануилу Захарычу? — спросилъ ее тотъ нѣсколько таинственно.

— Къ Эммануилу Захарычу, — отвѣчала Иродіада.

— Онъ тамъ у себя, въ кабинетѣ теперь, — сказалъ швейцарь, вѣжливо отворяя ей дверь.

Иродіада, какъ вступила туда, такъ и пошла по превосходному англійскому ковру. Мебель въ первой комнатѣ была зеленая, кожаная. Въ углахъ стояли мраморныя статуи въ своей безцеремонной наготѣ, отъ чего Иродіада, проходя мимо ихъ, всякій разъ тупилась.

Далѣе, въ самомъ кабинетѣ — шли орѣховыя пѣлки по стѣнамъ, съ рѣзными, поддерживающими ихъ, львиными рожами и лапами. Окна полузакрывались толстою ковровою драпировкой.

Но что собственно въ этой комнатѣ составляло предметъ всеобщаго вниманія и зависти, такъ это невзломаемый и несгораемый шкафъ со скудными лещами откупа, около котораго, сверхъ его соб-

ственной крѣпости, клались еще на ночь спать два, нарочно нанимаемые для того, мужика.

Самъ Эммануилъ Захарычъ, въ ермолкѣ, въ шелковомъ сюртукѣ, въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, сидѣлъ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ масляными, приподнятыми вверхъ глазами, отчасти кривошей и сутуловатый—признакъ несовѣмъ здороваго позвоночнаго столба, и вообще всею своею физіономіей онъ напоминалъ тѣхъ судей, которые соблазняли Сусанну.

— Ахъ, бонъ зурь!—проговорилъ онъ, увидѣвъ входящую Иродіаду, и даже взялъ и пожалъ ея руку.

Быва з у него, также какъ и у повѣреннаго его, сильно слышалась въ пропзношеніи.

— Софья Петровна приказала вамъ кланяться, —начала та:—и велѣла вамъ сазать, что вчера онъ не могли васъ принять, такъ какъ не очень здоровы были.—Сегодня докторъ тоже велѣлъ имъ ванну взять, а завтра—что-бы вы пожаловали.

— Ну сто-зъ... хоть и завтра, — произнесъ съ грустію Эммануилъ Захарычъ.

— Еще Софья Петровна приказали,—продолжала Иродіада тѣмъ же бойвимъ тономъ:—такъ какъ имъ теперича денегъ очень долго не высылаютъ изъ деревни,—чтобы вы денегъ пожаловали... Пусть тамъ ужъ, говорятъ, къ общему счету и припишетъ.

— Денегъ,—произнесъ Эмануилъ Захаровичъ съ тѣмъ неувимымъ выраженіемъ, которое появляется у человѣка, когда его тронуть за самую чувствительную струну:—я все дѣлаю!.. все!..—прибавилъ онъ.

— Онъ очень хорошо это и чувствуютъ съ,—отвѣчала Иродіада.

— Гдѣ же чувствуютъ, гдѣ? не визу я того...

— Молоды еще, сударь, онъ очень! — отвѣчала Иродіада.

— Ты-зе любись Іосифа, любись?

Иродіада улыбкулась и грустно потупилась.

— И меня-то Богъ не помилуетъ за то...—сказала она.

— Не Бога-зе она боится!

— Бога не Бога, а что въ свое еще спокойствіе и удовольствіе жить желаютъ.

— Въ свое удовольствіе! — повторилъ досадливо Эммануиль Захарычъ и, вставъ, подошелъ къ за-вѣтному шкафу.

— Сколько-зе тебѣ?—прибавилъ онъ, вынимая оттуда несомнѣнною спокойною рукой тысячную пачку денегъ.

— Всю ужъ пожалуйте,—отвѣчала, проворно под-ходя къ нему, Иродіада и почти выхватывая у него изъ рукъ пачку и опуская ее въ карманъ.

На лицѣ Эммануила Захаровича опять промелькнуло какое-то неуловимое выраженіе.

— Я приѣду!—сказалъ онъ какимъ-то, точно угрожающимъ голосомъ.

— Приѣзжайте-съ!—сказала Иродіада и пошла.

Но Эммануиль Захарычъ опять прикликнулъ ее.

— Ты изъ насихъ?—спросилъ онъ ее.

— Чего-съ?

— Изъ евреевъ?

— Нѣтъ-съ!

— А я думалъ, что изъ евреевъ!...—продолжалъ

онъ, устремляя на нее недовѣрчивый взглядъ; а потомъ перенесъ его на висѣвшую на стѣнѣ картину, изображающую жертвоприношеніе Авраамомъ сына. Какъ тому для Бога, такъ ему для своей любви ничего, видно, было не жаль!

Въ сѣняхъ Иродіаду опять остановилъ швейцаръ.

— Иосифъ Яковличъ просилъ васъ зайти къ нему на минуточку, — сказалъ онъ.

— Можетъ и самъ къ намъ придти; мнѣ еще некогда! — отвѣчала она бойко и, выйдя на улицу, сейчасъ же взяла извозчика и поѣхала домой.

— Привезла, барыня, — сказала она съ восторгомъ, входя и подавая Софи пачку ассигнацій.

Софи только усмѣхнулась.

— Чтò же онъ говорилъ? — спросила она.

— Пріѣдутъ послѣ-завтра вечеромъ.

Софи сдѣлала недовольную мину.

— Вы ужь полюбезничайте съ нимъ, — сказала Иродіада.

— Какъ же, сейчасъ! — отвѣчала Софи, и когда Иродіада вышла, она всплеснула почти въ отчаяніи руками:

— Господи, когда меня Богъ развяжетъ съ этимъ человѣкомъ! — произнесла она.

V.

Воркованье голубковъ.

Вечера на югъ наступаютъ ранѣе и быстрѣе.

Софи сидѣла съ Баклановымъ въ кабинетѣ ея покойнаго мужа, послѣ смерти котораго она сейчасъ

ведѣла вынести всё хоть сколько-нибудь напоминающія его вещи и оставила одинъ портретъ его, и то потому, что онъ былъ превосходно написанъ и вставленъ въ щегольскую золотую раму. На изображеніи этомъ покойный Ленева былъ представленъ въ совершенно ему несвойственной величественной позѣ, и какъ бы съ презрѣніемъ смотрѣвшимъ на оставленный имъ теперь міръ.

Большое, створчатое окно, выходившее въ садъ, было растворено.

Молодые люди сидѣли— одинъ по одну его сторону, а другая по другую.

Съ густыхъ и далеко разросшихся деревьевъ пахивало вечернею свѣжестью.

— «Ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!» — продекламировалъ Баклановъ, навѣвая на себя рукою въ самомъ дѣлѣ благоухающій воздухъ.

— А ты все также любишь стихи? — спросила Софи, лаская его по плечу.

— Ужасно!! а тутъ, пожалуй, и самъ поэтось сдѣлаешься... Посмотри въ эту сторону! — воскликнулъ онъ, показывая ей на западъ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, облака натворили, Богъ знаетъ, какихъ чудесъ: то понадѣлали они изъ себя какъ-бы людей-великановъ въ шлемахъ, съ щитами, то колесницы, то звѣрей съ открытыми пастьями, и все это было съ позлащенными краями.

— А здѣсь еще! — обернула его Софи въ другую сторону.

Тамъ, невѣдомо отчего, шла цѣлая полоса свѣта и вообще въ небѣ былъ тотъ общій беспорядокъ, когда догорающій день борется съ напорающими на

него со всѣхъ сторонъ тучамп. Вдали уже погромливало.

— Ты любишь громъ?—спросила Софи.

— Люблю... Въ громъ любить сильнѣй можно.

— Отчего?

— Оттого что сама любовь есть не что иное, какъ электричество.

— Вотъ какъ!—сказала Софи, и выставилась въ окно подальше, чтобы посмотрѣть, гдѣ именно гремитъ. При этомъ грудь ея очутилась на рукѣ Бакланова.

— А у тебя, однакъ, сердшко порядочно бьется! — сказалъ онъ, дотрогиваясь до того мѣста, гдѣ должно было быть у нея сердце.

— Еще бы!—отвѣчала Софи, отодвигая его руку и вообще садясь попрямѣй. — А помнишь ли, ты меня все царицей Тамарой называлъ? — прибавила она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Да: «Прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла!»—воскликнулъ Баклановъ.

— А, можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ такая,—подхватила Софи лукаво.

— Ничего! Я готовъ хоть сейчасъ же купить цѣною жизни ночь твою... Вотъ пусть въ это же окно и вышвырнуть.

Софи отрицательно покачала головой.

— Я не хочу того,— отвѣчала она.

— А я хочу.

— Ни!—возразила Софи по-малороссійски.

Баклановъ схватилъ себя за голову.

— Ну что: ни!—возразилъ онъ: — Неужели же

тебѣ нужно это вѣнчаніе, чтобы тамъ пѣли, вѣнцы надѣвали. Богъ и здѣсь насъ благословить.

— Это не Богъ, а лукавый бѣсенокъ!—говорила Софи:— я хочу за тебя выйти чистою и непорочною, какъ дѣвушка. Вѣдь я почти что дѣвушка!

— Не нужно мнѣ этого, не надо! — воскликнулъ Баглановъ и, вскочивъ, схватилъ Софи въ объятія, и въ то время какъ она слабо сопротивлялась, онъ цѣловалъ ее въ лицо, въ шею.

— Постой, погоди! два слова!— проговорила, наконецъ, она.

Александръ нѣсколько поотпустилъ ее.

Софи сейчасъ же дернула за сонетку, и сейчасъ же затѣмъ вошла въ комнату Иродіада.

— Дай мнѣ капель,— сказала Софи.

— Какихъ-съ?—спросила та въ удивленіи.

— Ну, какихъ-нибудь?

Сметливая горничная поняла наконецъ, что госпожа приказала ей, чтобы что-нибудь приказать; а потому, наливъ въ рюмку простой воды, принесла ее вмѣстѣ со свѣчей.

— Вамъ минутъ черезъ десять прикажете подавать-съ?—спросила она съ улыбкой.

— Нѣтъ, черезъ пять,— отвѣчала Софи.

Иродіада ушла.

Портретъ Ленева отъ принесеннаго огня выглянулъ изъ рамы.

Баглановъ стоялъ взволнованный, сконфуженный и растерянный.

Софи подошла къ нему.

— Смотрите, вонъ онъ сойдетъ и убьетъ васъ!— сказала она, показывая на мужа.

Баклановъ не могъ удержаться и взглянулъ на нее. О, какъ она была прелестна.

— Прощайте!— сказалъ онъ.

— Прощай,— сказала ему и Софи, цѣдуя его по крайней мѣрѣ въ сотый разъ.

На дворѣ была настоящая ужь буря: гремѣлъ громъ и шелъ проливной дождь.

VI.

Простота провинціальныхъ нравовъ.

Настоящій прокуроръ былъ боленъ. Бакланову, съ самыхъ первыхъ шаговъ, пришлось исправлять его должность: въ это время, разумѣется, ссылались люди на каторгу, присуждались тысячныя имѣнія отъ одного лица къ другому, и все это нашъ молодой юристъ долженъ былъ повѣрять и контролировать, — но увы! кромѣ совершеннаго незнанія всѣхъ этихъ обязанностей, у него въ воображеніи безпрестанно мелькали хорошенькое личико Софи, ея ручка, ножка... Въ одно изъ присутствій, когда онъ сидѣлъ и держалъ глаза болѣе механически устремленными на бумаги, вошелъ сторожъ-солдатъ.

— Мозеръ, ваше высокоблагородіе, васъ спрашиваетъ,— сказалъ онъ.

— Что?—переспросилъ его Баклановъ.

— Мозеръ, вашевысокородіе!—повторилъ солдатъ.

— Я ничего не понимаю,—сказалъ Баклановъ, обращаясь ужь къ прокурорскому письмоводителю, сидѣвшему тутъ же за столомъ.

— Это вѣрно управляющій здѣшнимъ откупомъ, объяснилъ тотъ.

— Спрашиваетъ васъ, ваше высокородіе, — повторилъ еще разъ солдатъ.

— Такъ пускай войдетъ сюда!... Чтожь мнѣ идти къ нему? — сказалъ Баклановъ.

— Позови сюда, какой ты глупый! — сказалъ солдату и письмоводитель.

Сторожъ повернулся и пошелъ какъ-то нерѣшительно: онъ, кажется, сильно удивлялся, что какъ это такъ мало оказываютъ вниманія господину, у котораго столько водки.

Тотчасъ же послѣ его ухода, вошелъ знакомый намъ Іосифъ Яковлевичъ.

Сначала онъ съ нѣжностью пожалъ руку у письмоводителя, а потомъ подошелъ къ Бакланову.

— Такъ какъ, ваше высокородіе, Эммануилъ Захарычъ не такъ, значить, здоровы теперь: «Поди, говоритъ, и праси гаспадина зтрянцаго кусать коня».

— Кто такой? что такое? — спрашиваетъ Баклановъ, приветзвая и въ самомъ дѣлѣ рѣшительно ничего не понимая.

— Откупщикъ, ваше высокородіе, проситъ васъ, — объяснилъ точнѣе Мозерь.

Баклановъ немножко вспыхнулъ и разсердился.

— Извините меня, я ѣзжу на обѣды только къ знакомымъ мнѣ лицамъ, — отвѣчалъ онъ.

— Эммануилу Захарычу очень зовѣстно, — началъ опять Іосифъ, нѣсколько, по обыкновенію, модничая: — они теперь не выѣзжаютъ... «Праси, говоритъ, господина зтрянцаго. У меня, говоритъ, будутъ г.

вице-губернаторъ, г. председатель... г. губернаторъ. Сдѣлайте бозескую милость, ваше высокородіе, откусать у насъ, — заключилъ Мозеръ.

— Ей-богу, не знаю... если буду имѣть время, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте милость! — повторилъ еще разъ Мозеръ и, модно раскланявшись, вышелъ.

Ему собственно ничего не было приказано отъ Эммануила Захарыча, который былъ, какъ мы знаемъ, здоровешенежъ, но сметливый агентъ, придя случайно въ прокурорскую и услышавъ о прїѣздѣ новаго стряпчаго, счелъ не лишнимъ завербовать его на первыхъ же шагахъ въ свой кругъ, такъ какъ по многимъ опытамъ было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обѣдовъ никто!

— Что за господинъ? — спросилъ Баклановъ опять письмоводителя.

— Къ нимъ точно что всѣ ѣздить, — отвѣчалъ тотъ

— Всѣ?

— Всѣ-съ! Обѣды ужь очень отличные... Сто рублей въ мѣсяцъ одному повару-французу-съ платятъ.

— Съѣздить развѣ? — проговорилъ, подумавъ, Баклановъ.

— Поѣзжайте-съ! — одобрилъ его письмоводитель.

VII.

Неблагодарныя дѣти.

Баклановъ проѣхалъ на обѣдъ прямо изъ присутствія. Тотъ же швейцарь, съ булавой и только

въ совершенно новомъ ливрейномъ фракѣ, и даже въ шелковыхъ чулкахъ и съ болѣе обыкновеннаго важною фазіономіей, распахнулъ передъ нимъ дверь.

— Вы къ Эммануилу Захарычу, или къ Іосифу Яковлевичу?—спросилъ онъ его.

Баклановъ рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать.

— Я къ откупщику,—отвѣчалъ онъ.

— Да вы обѣдать, что ли, пріѣхали?—продолжалъ его допрашивать швейцарь.

Баклановъ совершенно сконфузился.

— Да,—отвѣчалъ онъ.

— Ступайте на верхъ-съ. Тамъ барчики есть,—сказалъ швейцарь, указавъ головой на великолѣпнѣйшую лѣстницу, уставленную мраморными статуями и цвѣтами.—Ваша фамилія-съ?—добавилъ онъ какъ-бы вспомнивъ, что ему собственно надо было дѣлать.

— Баклановъ.

— Баклановъ!—крикнулъ швейцарь, ударивъ въ звоночекъ.

— Баклановъ! Баклановъ!—раздалось два, три голоса.

Подобнаго соединенія барства и хамства Баклановъ никогда еще въ жизнь свою не видывалъ. Онъ пошелъ.

Онъ роскошь попиралъ ногами, опирался рукой на роскошь, роскошь падала на него со стѣнъ, съ потолокъ и наконецъ, торчала въ видѣ по крайней мѣрѣ цѣлаго десятка лакеевъ, стоявшихъ въ первой же пріемной комнатѣ.

— Пожалуйте-съ!—проговорили они почти всѣ въ

одинъ голосъ, показывая ему руками на виднѣвшуюся вдали залу и на раскинутый по ней длинный обѣденный столъ.

Баклановъ вошелъ, и первое, что кинулось ему въ глаза, былъ какъ-то странно расписанный потолокъ. По нѣкоторомъ разсмотрѣніи оказалось, что это ода Державина была изображена въ лицахъ: «Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами, рассыпала по нимъ и злато, и серебро; принеси кошницу Тавръ; вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала». Видимо, что хозяинъ, въ этомъ случаѣ, хотѣлъ выразить, что онъ патріотъ и свой обѣденный храмъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ украсить, какъ рисунками изъ великаго поэта. Впрочемъ, Эммануилъ Захарычъ и вообще старался показать, что онъ русскій, за исключеніемъ нѣсколько-иноземнаго начала въ имени; онъ и фамилію имѣлъ совершенно народную: Галкинъ. Нѣкоторые смѣялись, что будто бы это прозвище онъ получилъ въ молодости оттого, что въ Вильно, для забавы гусарскихъ офицеровъ, въ ихъ присутствіи, за 50 рублей сер. съѣлъ, непоморщась, мертвую и сырую галку, — и эта скудная лепта послужила потомъ основаніемъ его теперешняго милліоннаго богатства.

На другой сторонѣ стола, Баклановъ увидѣлъ двухъ молодыхъ людей, въ гимназическихъ сюртукахъ: одинъ очень стройненькій и прямой, а другой ужасно хромой, такъ что когда шелъ, такъ весь опускался на одну изъ ногъ. Типъ Израиля ярко просвѣчивалъ въ обоихъ мальчишкахъ. Увидѣвъ входящаго гостя, они сейчасъ же подошли къ нему.

— Папенька сейчасъ будетъ, — сказалъ развязно,

и даже нѣсколько небрежно, старшій изъ нихъ и прямой на ногахъ.

— Я не зналъ здѣшнихъ обычаевъ, и пріѣхалъ, кажется, рано,—сказалъ Баклановъ.

— Ничего-съ!—ободрилъ его старшій Галкинъ.— Вы изъ училища правовѣдѣнія, вѣроятно?— прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, я изъ университета.

— Изъ московскаго?

— Да.

— Мы и сами, я думаю, поступимъ въ университетъ. Здѣсь вотъ и училище есть, да профессора все скоты такіе.

— Отчего же?—спросилъ Баклановъ.

— Это ужъ ихъ спросить надо! — отвѣчалъ насмѣшливо старшій Галкинъ.

— Ужасные скоты-съ! — подтвердилъ за братомъ хромоногіи, совершенно опрокидываясь на свою сведенную ногу.

Баклановъ сталъ было осматривать комнату и виднѣвшуюся изъ нея окрестность. Молодые люди не оставляли его и шли за нимъ.

— Домъ очень дорого стоитъ,—началъ опять старшій:—но ужасно какъ глупо сдѣланъ: вотъ, посмотрите,—продолжалъ онъ, пріотворяя дверь и показывая комнату, сдѣланную подъ арабскій стиль съ куполомъ, съ диванами и, вѣроятно, назначенную для куренія.—Вѣдь,—пряникъ!...—продолжалъ юный Галкинъ:—все это зусальное золото! Посмотрите! — И въ самомъ дѣлѣ пальцемъ стеръ позолоту.— Ужъ если золото, такъ оно можетъ быть терпимо только настоящее.

— У папеньки никакого нѣтъ вкуса!—подтвердилъ хромоногій, едва успѣвая ковылять за идущими братьями и Баклановымъ въ слѣдующія комнаты.

— Эта комната помпейская,—продолжалъ старшій Галкинъ:—тутъ одинъ нашъ знакомый Зальцманъ прѣзжалъ, онъ учился въ германскомъ университетѣ и просто разругалъ папа. Помпея хороша, когда она настоящая, а то Помпея изъ папье-маше! Это все папье-маше!..—говорилъ онъ ударяя пальцемъ по вазѣ съ виду какъ этрусской.

Бакланова начали, наконецъ, занимать молодые люди.

— Это тоже вздоръ!—продолжалъ Галкинъ, проводя его по комнатѣ, убранной à la Louis XV. — Все поддѣльное; даже здѣшніе столяры все идѣлали,—ужасное скотство!

— Тутъ всякаго жита по лопатѣ!—замѣтилъ Баклановъ.

— Да!—отвѣчалъ съ гримасой пренебреженія его юный вожатый.—Знаете, какъ всегда у разбогатѣвшаго жида: все, чтобы сдѣлать для виду, на показъ; а ничего настоящаго.

— Какъ умѣщанина въ дворянствѣ!—подтвердилъ меньшей.

«Ну, мальчики же!» думалъ Баклановъ.

Изъ комнаты à la Louis XV они проходили корридоромъ.

— Папа, вѣроятно, ужъ дома,—произнесъ Галкинъ.—Papa, sind Zie su pause?—проговорилъ онъ, съ полужидовскимъ акцентомъ.

— Ja!—отвѣчалъ ему голосъ изнутри.

— Онъ сейчасъ выйдетъ; пойдите въ приемныя

комнаты, — сказали въ одинъ голосъ оба молодые Галкины и провели Бакланова въ великолѣпную гостиную.

— Къ папа такая все дрянъ ѣздить, — началъ опять старшій: — разные генералишки, у которыхъ песокъ сыплется, чиновники — разные плуты и взяточники.

— Благодарю покорно! И я, значить, въ томъ числѣ, — сказалъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! отчего жь, — возразилъ покровительственнымъ тономъ юный Зоилъ: — вы молодой человекъ, вонъ какъ и правовѣды же. Мы очень любимъ правовѣдовъ. Они славно пробираютъ этихъ старыхъ канальевъ-взяточниковъ.

У Бакланова начала, наконецъ, кружиться голова отъ всей этой болтовни. Онъ самъ, въ первую молодость свою, многое отрицалъ въ родителяхъ, но такъ, чтобы рубить все съ плеча и кричать объ этомъ-только что не на площади, — это чортъзнаетъ что такое!

VIII.

Мрачный синкелить.

На часахъ, наконецъ, пробило четыре. Въ гостиную, изъ заднихъ комнатъ, вошелъ Эммануилъ Захарычъ. Дѣти сейчасъ же посвѣщили отрекомендовать ему гостя.

— Г. Баклановъ! — сказали они ему.

Самъ Эммануилъ Захарычъ, кажется, совершенно и не зналъ, кто и какой это господинъ.

— Очень радъ... Душевно обязанъ... — говорилъ онъ, какъ котъ, закрывая глаза и обѣими руками

пожимая, съ чувствомъ, руку Александра, а потомъ услышалъ тонкимъ слухомъ своимъ дальніе шаги.

— Вице-губернаторъ пріѣхалъ! — сказалъ онъ и, согнувшись, пошелъ въ залъ.

Тамъ дѣйствительно входилъ вице-губернаторъ, мужчина вершковъ 12-ти росту, изъ духовнаго званія и съ басомъ.

— Ровно четыре; не опоздалъ, какъ въ тотъ разъ, — говорилъ онъ, вынимая часы и показывая ихъ хозяину.

Тотъ, по-прежнему, склонилъ голову и, простирая обѣ руки, провелъ его въ гостиную.

— Иванъ Карлычъ! — проговорилъ онъ самъ съ собою и, снова повернувшись, вышелъ опять въ залъ...

Въ залъ входилъ подбористый генералъ.

— Жарко! Не правда ли, да? — сказалъ онъ хозяину.

— О, зарь! зарь! — произнесъ Эммануилъ Захарычъ, какъ бы даже съ грустью.

Вошелъ третій гость, косою и кривою, котораго хозяинъ ужъ не встрѣчалъ..

— Ха, ха, ха! — хохоталъ онъ еще въ залѣ, — это ваши дрова-то? — обратился онъ прямо и совершенно безъ церемоніи къ Эммануилу Захарычу.

— Мои, что-зе-съ? — спросилъ тотъ его довольно сухо.

— Вотъ, батюшка, дрова-то!... вотъ... цѣлый кварталъ! — говорилъ тотъ, обращаясь къ вице-губернатору и къ генералу. — Ха, ха, ха! — заключилъ онъ все это снова: — ха, ха, ха!

Баклановъ удивился такому неудержимому потоку веселости, нисколько не подозрѣвая, что подъ всѣмъ этимъ скрывалось далеко не веселое сердце и нис-

олько не уступающее, по своему закалу, сердцу Эммануила Захаровича; но что дѣлать?... русскій былъ человѣкъ: счастья не было, да и на языкъ-то ужь былъ очень неостороженъ, — бритва! Только и достигнулъ въ жизни того, что плутовалъ теперь переторговывая старыми экипажами.

Въ гостиную вбѣжалъ впопыхахъ старшій вольнодумецъ Галкинъ.

— Папа, Петръ Александрычъ пріѣхалъ!

Эммануилъ Захаровичъ вскочилъ чуть не козломъ и на нижней ступенькѣ лѣстницы принялъ главу властей съ двумя адъютантами.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда! — сказалъ тотъ, пожимая ему руку и потомъ, входя, кивалъ издали всѣмъ головой. Въ дверяхъ, проходя мимо самого Бакланова, онъ побольше мотнулъ головой и проговорилъ: — гора съ горой только не сходится!

Въ гостиной Эммануилъ Захаровичъ подвелъ его къ настоящему Корреджіо.

Генералъ нѣсколько времени смотрѣлъ на картину сквозь кулакъ.

— Какъ эта пословица: не все то золото, что блеститъ, а про эту вещь надо говорить: хоть не блеститъ, а золото!

— О, это-зетоцно! — прознесъ съ чувствомъ Эммануилъ Захаровичъ.

Въ углубленіи комнаты, въ это время, кривой господинъ толковалъ двумъ братьямъ Галкинымъ.

— Чудная, я вамъ говорю, дѣвочка... Она на ту сторону, и я; она на эту, и я; она въ калитеву — ну, думаю, къ теплымъ ребятамъ попала.

Старшій Галкинъ хохоталъ, при этомъ во все

горло. Недовольное лицо Эммануила Захаровича какъ бы говорило: «Бозе мой! При такомъ начальствѣ и такъ себя ведутъ!»

Пріѣхалъ архіерей и посаженъ былъ рядомъ съ губернаторомъ.

— Это значитъ, что священники, по всей губерніи подали явку, что въ обѣднюотпираются кабаки!—объяснилъ вдругъ, ни съ того, не съ сего, кривой господинъ, повернувшись къ Бакланову.

— Столъ готовъ!—произнесъ метръ-д'отель, тоже съ курчавой головой. Архіерей и губернаторъ пошли впередъ.

Въ залѣ стояло еще много новыхъ лицъ, но до того, вѣроятно, малозначительныхъ, что при видѣ начальника края они даже поблѣднѣли.

Вошла также и хозяйка дома — съ чернымъ, заскорбленнымъ лицомъ, въ шелковомъ платьѣ и въ блондовомъ чепцѣ. Поклонившись всѣмъ гостямъ однимъ поклономъ, она стала около того мѣста, на которое должна была сѣсть и разливать горячее. Назначеніе этой женщины рѣшительно, кажется, состояло только въ томъ, чтобы разливать горячее, потому что весь остальной день она сидѣла въ своей комнатѣ, никто никогда съ ней ни слова не говорилъ, и даже сыновья, при встрѣчѣ съ ней, дѣлали гримасы и отворачивались. Отъ нея очень ужъ пахивало тѣмъ, что въ стихотвореніи Гейне такъ испугало герцогиню.

Пастырь церкви началъ молитвою: «Господи, благослови сіе яствіе и питіе...» и добончилъ ее шепотомъ, склонивъ голову,

Баклановъ не могъ удержаться и посмотрѣлъ, какъ

крестятся Эммануиль Захаровичъ и появившійся изъ низу Иосифъ Яковлевичъ. Оказалось, что они исполняли это въ совершенствѣ, хорошо, видно, понявъ свое прежнее религіозное заблужденіе.

Съли.

Супъ подали такой, что Баклановъ, проглотивъ ложку, долженъ былъ сознаться, что подобнаго совершенства онъ еще не ѣдалъ.

Подчиненные Эммануила Захаровича тоже, видно, очень довольные, послѣ обычнаго своего блюда изъ щуки съ лукомъ, чавкали и чавкали на весь столъ.

Косой господинъ не переставая хохоталъ и говорилъ.

— Вы отсюда въ клубъ? — обратился онъ опять прямо безъ всякой церемоніи къ Бакланову.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчалъ ему тотъ сухо.

— Поѣдемте! Здѣсь нечего оставаться... сегодня суббота... они шабашъ свой, вѣроятно, будутъ править!...—прибавилъ онъ громко, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что рядомъ съ нимъ сидѣли вольнодумный и хроменькій Галкины, которые на это даже сами усмѣхнулись.

— Вѣдь даромъ, что этокое рыло,—продолжалъ онъ, показывая рукой на хозяина: — а вѣдь какую чудную женщину имѣеть на содержаніи — прелесть что такое! Я когда-нибудь покажу вамъ ее...

— Чего жъ она и стоитъ! подхватилъ старшій Галвинъ.

— Ужасно дорого! — подтвердилъ хроменькій.

— Еще бы вамъ даромъ? — объяснилъ имъ откровенно кривой.

Молодые люди опять только улыбнулись. Они, должно быть, сильно трусили его злого языка.

Съ верхняго конца Бакланову безпрестанно слышалось весьма ласковое обращеніе начальника края къ хозяину: «Не красна изба углами, а красна пирогами» — «не по хорошему милъ, а по милому хорошъ», говорилъ генераль послѣ каждаго почти слова. Онъ любилъ, особенно когда былъ въ духѣ, обо всемъ выражаться русскими поговорками.

Вслѣдъ за божественными соусами, подаваемыми въ морскихъ раковинахъ, слѣдовало шампанское.

День какой-то былъ нѣсколько торжественный. Послѣ здоровья Государя Императора, всей царской фамиліи, начальствующихъ лицъ города, хоръ музыкантовъ грянулъ: «Боже, Царя храни!» Всѣ встали и первый началъ подпѣвать музыкантамъ косою господинъ, за нимъ затянули два адъютанта съ лицами очень похожими на лица, рисуемые плохими живописцами у архангеловъ. Не пѣлъ только мрачный вице-губернаторъ; но за то онъ пилъ безпрестанно съ менѣе торжественныхъ обѣдовъ Эммануила Захаровича его обыкновенно увозили всегда безъ чувствъ, и все-таки откупъ его одного только въ цѣлой губерніи и побаивался. За адъютантами своими началъ подтягивать самъ начальникъ края, а за нимъ грянула и вся остальная братія гостей. У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе господа — тѣ же лица, какъ и въ *Ябедѣ* Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло.

IX.

Капля яду, отравившая все.

Передъ домомъ Софи стояла карета. Въ окнахъ съвозъ занавѣси, были видѣны свѣтъ.

Баклановъ, съѣздивъ послѣ обѣда домой и отдохнувъ немного, поѣхалъ къ ней.

Ему, на звонокъ его, отворила Иродіада.

— Софи Петровны дома нѣтъ-съ!—сказала она.

— Отчего же огонь?—спросилъ Баклановъ.

— Это я сижу-съ,—отвѣчала Иродіада и, захлопнувъ у него передъ носомъ дверь, заперла ее.

Бакланову ужасно это было досадно; но дѣлать нечего: онъ поѣхалъ назадъ.

Проезжая мимо кареты, онъ, больше изъ пустаго любопытства, спросилъ кучера:

— Чья это карета?

— Коммерціи совѣтника Галкина, — отвѣчалъ тотъ, переважно лежа на козлахъ.

«Онъ ужь тутъ!.. у кого это онъ!..» подумалъ Баклановъ, и все это какъ-то смутно и странно сложилось въ его головѣ.

Онъ велѣлъ везти себя въ клубъ и, только подъѣхавъ къ подъѣзду, сообразилъ, что для входа надобно, чтобы кто-нибудь его записалъ. Онъ вспомнилъ о косомъ господинѣ.

— Скажите, пожалуйста, здѣсь такай косой, кривой господинъ?—спросилъ онъ у входныхъ лакеевъ.

Одинъ изъ нихъ только выпучилъ на него глаза.

— Это Никтополооновъ, надо быть! — отвѣчалъ другой, бывшій, видно, нѣсколько подогадливей.

— Здѣсь, недавно только пріѣхалъ, — добавилъ онъ.

Баклановъ попросилъ его вызвать, сказавъ, что его просить господинъ, съ вторымъ онъ сейчасъ обѣдалъ.

Никтополооновъ показалея на-верху лѣстницы.

— Входите, милости просимъ! — кричалъ онъ оттуда Бакланову.

— Записать меня, я думаю, надо! — говорилъ тотъ.

— Запишите! — крикнулъ Никтополооновъ лакею, сидѣвшему за книгою.

— Какъ прикажете-съ? — спросилъ тотъ, обращая къ нему несовсѣмъ смѣлый взглядъ.

— Ну, пиши хоть: Чортъ Иванычъ Мордохеаевъ. Лакей, кажется, такъ и написалъ.

— Простота, видно, у васъ... — говорилъ Баклановъ, входя на лѣстницу.

— Э! всякая дрянь, вѣдь, тутъ шляется... стоитъ церемониться! — говорилъ Никтополооновъ, идя бойко впередъ. — Это все грекондосы, выжига все народъ! — говорилъ онъ, показывая на цѣлую кучку, по большей части молодыхъ людей, сидѣвшихъ около столиковъ и прихлебывавшихъ изъ рюмочекъ шербетъ.

— А это, вотъ, чихирники! — прибавилъ онъ, махнувъ рукой на двухъ черноватыхъ господъ, игравшихъ, одинъ противъ другаго, къ карты.

— Какіе это чихирники? — невольно спросилъ Баклановъ.

— Армяне! — отвѣчалъ преспокойно Никтополооновъ: — дуютъ себѣ въ полтинникъ бочку чихиря,

да и баста... на грошъ, каналья, ладить пьянъ и сытъ быть... А это вотъ—все Эммануилы Захарыча!—заключилъ онъ, направляя взоръ Бакланова на цѣлую комнату, въ которой то тутъ, то тамъ видѣлись библейскія фізіономіи. — А каковъ обѣдецъ-то былъ? а? каковъ? — вскрикнулъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Баклановымъ, въ то время, когда тотъ садился въ билліардной на диванъ. — Каковъ... ась?.. вотъ вамъ и будьте добродѣтельны, и будьте! — говорилъ Никтополіоновъ, съ истинною досадою. — Въ 35 году онъ, ракалія, сидѣлъ за корчемство въ острогѣ. Я самъ ему, своими руками, далъ полтинникъ, когда его вели изъ острога въ уголовную палату, и онъ взялъ; а въ то время у него, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ въ порткахъ было зашито. Вотъ вамъ и добродѣтель... Храните ее на землѣ!

— За сегодняшній обѣдъ ему можно простить многое,—сказалъ Баклановъ, чтобы хоть нѣсколько смягчить подобные отзывы.

— Все ужъ и прощено ему давно,—отвѣчалъ Никтополіоновъ, махнувъ рукой. — Я вѣдь прямо всѣмъ здѣшнимъ властямъ говорю: «Ежели бы, говорю, я зналъ, что такой-то ночью, по такой-то улицѣ, пойдетъ господинъ, у котораго миллионъ въ карманѣ, я бы вышелъ и зарѣзалъ его, пятьсотъ-бы тысячъ взялъ себѣ, а пятьсотъ вамъ отдалъ, вышелъ бы у васъ чище солнца!..» Молчатъ, посмѣиваются только...

— Вы сейчасъ можете это сдѣлать,—началъ Баклановъ, опять чтобы обратить нѣсколько въ шутку

этотъ разговоръ.—У Галкина сколько денегъ? миллионъ есть?

— Десять, говорятъ,—отвѣчалъ Никтополионовъ съ неудержимою злобой.

— Въ такомъ случаѣ, я вотъ сейчасъ около одного дома видѣлъ его карету; вы ступайте, подойдите: онъ выйдетъ, вы и зарѣжьте его.

— Гдѣ это? На набережной вы видѣли?

— Да.

— А это онъ, значитъ, у любовницы своей, — произнесъ Никтополионовъ.

— У любовницы?—переспросилъ Баклановъ, соображая, гдѣ же эта любовница могла жить въ томъ домѣ, гдѣ жила Софи; онъ всего былъ одноэтажный.

— Да, — отвѣчалъ утвердительно Никтополионовъ. — Какъ ея фамилія-то проклятой!—прибавилъ онъ припоминая.

Бакланову вдругъ почему-то захотѣлось, чтобъ онъ не договаривалъ этой фамиліи.

— Ленева, да! да! такъ!—махнулъ вдругъ Никтополионовъ.

— Ленева! — повторилъ Баклановъ: — не можетъ быть!—сказалъ онъ и захохоталъ.

— Отчего жъ не можетъ быть? Онъ еще покойнаго мужа ея опуталъ. Привезъ сюда его, взялъ въ маленькую часть, выдавалъ ему денегъ больше чѣмъ слѣдовало, бралъ съ него векселя, ну а пожить-то тоже они любили широко... она, вонъ, этта при мнѣ, въ магазинѣ у Лямыля 500 цѣлковыхъ за разъ такъ и бросила.

— О, вздоръ какой!... Ленева и Эммануилъ Захарычъ!.. ха, ха, ха!—хохоталъ Баклановъ, между

тѣмъ какъ волосы у него становились дыбомъ отъ ужаса.

— Да вы развѣ знаете ее?—спросилъ Никтополіоновъ.

— Да! я ее знаю,—отвѣчалъ Баклановъ съ удивленіемъ.

— Ну, такъ извините: это я говорилъ не про нее!—отвѣчалъ съ нахальнымъ спокойствіемъ Никтополіоновъ, и отошелъ.

Баклановъ покачивался всѣмъ тѣломъ.

— Никтополіоновъ!—крикнулъ онъ.

Тотъ подошелъ.

— Послушайте!—началъ Баклановъ (голосъ его окончательно ему измѣнилъ): для меня это важно,—такъ, можетъ быть, важно, какъ вы и не предполагаете. Скажите, правду ли вы говорите, или это такъ — одна клевета, для краснаго словца?

— Про Леневу-то?

— Да.

— Да спросите, весь городъ вамъ, всякій мальчишка скажетъ. Да вотъ, постоитъ!.. Эй ты, Михайло!—крикнулъ онъ маркеру: — любовница у Галкина есть?

— Есть!—отвѣчалъ тотъ.

— Кто?

— Ленева, кажется, по фамиліи-то.

— Я его не училъ!—сказалъ Никтополіоновъ и опять отошелъ.

Баклановъ продолжалъ сидѣть, качаясь всѣмъ тѣломъ. «Софи, вѣроятно, теперь, находится въ объятіяхъ Галкина». Далѣе этого представленія онъ

не могъ выдержать и, взявъ шляпу, проворно вышелъ изъ клуба.

Никтополионовъ, начавшій играть на биллиардѣ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ насмѣшливою улыбкой. Онъ видѣлъ, что чѣмъ-то напакостилъ человѣку, и былъ совершенно этимъ доволенъ!

Х.

Дикій скнезъ просыпается въ моемъ героѣ.

На улицахъ была совершенная темнота, Тепловатый, удушливый вѣтеръ опахиваетъ со всѣхъ сторонъ. Баклановъ не шель, а бѣжалъ въ дому Софи. У дверей онъ сначала позвонилъ, а потомъ сталъ стучать кулакомъ что есть силы. Иродіада, испуганная, въ одномъ бѣльѣ, съ сальною свѣчкой въ рукахъ, отворила ему дверь.

— Пусти!—сказалъ онъ и, проворно отстранивъ ее рукой, пошелъ въ залъ, гостиную и спальню.

— Баринъ, что вы дѣдаете?—говорила она, идя за нимъ.

Въ спальнѣ, Софи, уже улегшаяся, при слабомъ освѣщеніи ночной лампадки, едва успѣла накинуть на себя кофту и привстать съ постели.

Баклановъ приостановился. Онъ видѣлъ только одно, что Софи была не съ любовникомъ.

Та, надѣвъ наскоро блузу и туфли, вышла къ нему.

— Почему вы меня не приняли, когда я былъ у васъ?—началъ онъ рѣзко.

Софи сконфузилась.

— Меня не было дома, сказала она.

— Но у васъ, однако, у подъезда была карета? Голосъ и губы Бакланова при этомъ дрожали.

— Это была карета ихъ знакомой-съ, дожидалась тоже ихъ!—вмѣшалась въ разговоръ Иродіада.

— Молчи!—рявкнулъ на нее Баклановъ, и Иродіада скрылась.

— Это была карета вашего любовника!—обратился онъ уже къ Софи.

— Александръ!...—проговорила было та.

— Безъ восклицаній!—остановилъ онъ ее движеніемъ руки: — я для васъ бросилъ все: службу... Петербургъ... Я васъ за ангела невиннаго считалъ, а вы, ха, ха, ха! любовница жиды!

— Я не любовница!... нѣтъ, Александръ, нѣтъ!..—говорила Софи, ломая съ отчаянія руки.

— Что жъ онъ такое для васъ? спросилъ Баклановъ.

— Онъ!... (Софи очень сконфузилась.) Онъ пріятель моего мужа... имѣлъ съ нимъ дѣла... давалъ намъ деньги въ займы... и больше ничего! ничего!

— Деньги въ займы! Шейлокъ будетъ давать деньги въ займы! Да знаешь ли ты, коварное существо, что вѣдь они мясомъ, кровью человѣческою требуютъ уплаты себѣ...

Софи отвернулася: она, видимо, не находила возможности оправдаться.

— Вчера вы,—продолжалъ Баклановъ, заскрежетавъ зубами: — хотѣли чистою сохраниться для меня!... Полно, такъ ли?... Не для любовника ли ва-

шего, скорѣй, вы сберегали себя, чтобы нѣжнѣе уладить его въ объятіяхъ вашихъ.

— Александръ, Александръ! Не могу я съ тобой говорить; ты напугалъ меня.

И Софи въ самомъ дѣлѣ только рыдала.

— А!—воскликнулъ Баклановъ:—у меня въ этихъ рукахъ только мало силы, чтобъ задушить тебя и себя!... Зачѣмъ вы меня требовали и выписывали сюда!... Чтобы насмѣяться, наругаться надо мной!

— Я люблю тебя!—произнесла Софи, ссылающаяся передъ нимъ руки.

— Нѣтъ! вы любите другаго!—отвѣчалъ Баклановъ съ пѣной у рта. — Оставьте хоть этимъ маленькое уваженіе къ себѣ; иначе что же васъ привело къ тому? Бѣдность ли, нищета ли? Вы, слава Богу, ходите въ шелкахъ, сидите на бархатѣ.

И онъ закрылъ лицо рукою и заплакалъ.

— Клянусь Богомъ, я невинна, — повторяла только Софи.

— Ты невинна? Отчего же вы давеча не приняли меня? Онъ вашъ знакомый — и я тоже!... Мало ли по двое знакомыхъ бываютъ въ одно время.

— Но его жъ не было у меня!!—вздумала было еще разъ утверждать Софи.

— А это что? это что?—говорилъ Баклановъ, показывая на окурокъ сигары, валявшійся на столѣ: губы его при этомъ посинѣли, лицо поблѣднѣло.

Софи тоже поблѣднѣла.

— Я, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, у него... въ домѣ... курилъ такую же сигару... въ такой же соломокѣ... онъ мнѣ самъ, изъ своего кармана подаль

ее... презрѣнная тварь!—заклучилъ Баклановъ и бросилъ сигаркою въ лицо Софи.

Та вскочила.

— Боже мой! Онъ бьетъ меня, наконецъ!—воскликнула она, и ушла къ себѣ въ комнату.

Иродіада поспѣшила за нею затворить дверь.

Баклановъ опустился на стулъ, потомъ вдругъ вскочилъ, ударилъ этотъ стулъ объ полъ и разбилъ его въ дребезги, схватилъ со стола шандаль и тоже врѣзалъ его въ полъ, толкнувъ ногой притворенную въ залу дверь, такъ что та слетѣла съ петель и грохнулась на окно, которое разбилося и зазвенѣло, и затѣмъ, распахнувъ настежь дверь въ сѣняхъ, онъ вышелъ на улицу.

Софи и Иродіада, стоявшія запершись въ спальнѣ, трепетали какъ осиновые листья.

Первое намѣреніе Бакланова было умертвить себя, и только придя въ свой номеръ, онъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни пистолета, ни даже бритвы. Не идти же въ трактиръ, просить ножа для этого!

Онъ въ изнеможеніи упалъ на постель, и такъ пролежалъ до самаго утра, не смыкая глазъ.

Къ утру озлобленіе въ немъ сдѣлалось нѣсколько поспокойнѣе; но за то оно стало какъ-то упорнѣе и безсердечнѣе, и на тотъ алтарь, на который онъ такъ еще недавно возлагалъ такія искреннія жертвы, онъ уже плевалъ!

— А что, правда ли, что Ленева любовница откупщика? спрашивалъ онъ грубо и цинически трактирныхъ слугъ.

— Да, говорятъ, что такъ-съ!...—отвѣчали ему тѣ.

XI.

Съ разчетомъ составленная коммисія.

Городъ, выбранный нами въ настоящемъ случаѣ, совершенно идеальный и несуществующій. Лица, въ немъ выведенныя, тоже совершенно вымышленныя, и мы только въ нихъ, по мѣрѣ нашего пониманія, старались выразить тѣ явленія, которыя не совсѣмъ же неприсущи нашей жизни, а теперь, сообразно нашему плану, намъ приходится выдумать и цѣлое уголовное дѣло. Положимъ, на примѣръ, хозяинъ дома Фокіевъ, 14 сентября, вышелъ изъ дома въ двѣнадцатомъ часу и увидѣлъ, что у жильца его, въ нижнемъ этажѣ, ставни были еще не отворены. Это его удивило, тѣмъ болѣе, что жилецъ жандармскій офицеръ, всегда рано встававшій и послѣднее время ужасно хлопотавшій по одному откупному дѣлу. Фокіевъ воротился и, войдя въ самую квартиру, увидѣлъ, что тамъ никого, кромѣ самого жандармскаго офицера, не было; но и онъ лежалъ на постели, съ перерѣзаннымъ на-отмашъ горломъ. Хозяинъ объявилъ полиціи, и тѣмъ же утромъ были на пароходѣ арестованы крѣпостные дворовые люди жандармскаго офицера, которые будто бы убили его за жестокое съ ними обращеніе, а потому ихъ, какъ бунтовщиковъ, предали военно-судной коммисіи.

Въ коммисіи этой предписали также засѣдать и Бакланову.

Задушивъ въ сердцѣ своемъ чувство любви, онъ

радъ былъ кинуться въ омутъ служебной дѣятельности.

Нервное и раздраженное состояніе въ немъ еще оставалось.

Презусомъ комиссіи назначенъ былъ командиръ гарнизоннаго батальона, полковникъ богомольный и задумчивый, особенно въ послѣднее время, такъ какъ у него ужасная происходила тяжба съ полиційместеромъ, также опытнымъ военнымъ человѣкомъ, за воздухъ, которымъ должны дышать гарнизонные солдаты. Полковникъ говорилъ, что будто, по казарменному положенію, имъ надо было, положимъ, 60.000 кубическихъ сажень, а злодѣй полиціймейстеръ увѣрялъ, что на практикѣ солдаты всего живутъ въ 30.000 кубическихъ сажняхъ, и, соразмѣрно съ этою суммой, требовалъ сносу квартирныхъ денегъ. Начальникъ края могъ рѣшить этотъ вопросъ такъ и иначе.

Въ военные ассесоры себѣ полковникъ выбралъ поручика Козлова, изъ сдаточныхъ.

— Онъ намъ своими простыми чувствами всегда скажетъ вѣрно!—говорилъ онъ, и обращался потомъ къ самому поручику:

— Ну, какъ вы, Козловъ, объ этомъ думаете? Поручилъ краснѣлъ и вставалъ.

— Я, ваше высококордіе, точно что... разумѣется... Коли не онъ или не она, такъ кто же другіе?

— Понимаю, понимаю,—перебивалъ его полковникъ. — Ну вотъ вамъ!—обращался онъ затѣмъ къ аудитору.

— Это что-съ! И сомнѣнія въ томъ никакого нѣтъ!—отвѣчалъ тотъ.

Членомъ гражданскимъ былъ провіантскій чиновникъ, который, можетъ быть, въ разныхъ сортахъ хлѣба и зналъ толкъ, но въ судебной части былъ совершенно равнодушенъ и получилъ настоящее назначеніе вѣроятно потому, что всегда и во всемъ сходилса въ мнѣніяхъ своихъ съ начальствомъ.

Другимъ членомъ былъ командированъ тотъ чиновникъ, который производилъ самое слѣдствіе, и конечно все, что имъ было сдѣлано, находилъ превосходнымъ и совершенно достаточнымъ.

Бакланова избрали болѣе по его молодости и неопытности.

XII.

Молодость не всегда бываетъ удобна!

Собираясь въ комиссію, герой мой нѣсколько разъ примѣрялся передъ зеркаломъ, какое ему сдѣлать серьезное лицо. Онъ снялъ съ руки золотое кольцо и оставилъ одно только чугунное, подаренное ему еще въ пансіонѣ Сонею; жилетъ надѣлъ черный, наглухо застегнутый. Все это онъ дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы больше придать себѣ монашескій видъ. Несмотря на эти нѣсколько внѣшніе приемы, Баклановъ шелъ на поприще судьи съ сердцемъ чистымъ и съ самымъ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать по самой крайней справедливости.

Дѣло, чтобы не было по немъ большой огласки, производилось на дому у презуса.

Когда Баклановъ вошелъ, члены комиссіи, сидѣвшіе за столомъ, на которомъ стояло зеркало, пили чай и курили. При этомъ, или даже вообще, когда кто-нибудь изъ членовъ начиналъ курить, презусъ обыкновенно незамѣтно мигалъ поручику Козлову, который сейчасъ же вставалъ, вынималъ изъ зеркала орла и клалъ его на шкафъ, а потомъ, когда куреніе прекращалось, то снова вкладывалъ его въ прежнее мѣсто, вѣроятно затѣмъ, чтобы сія эмблема благосостоянія и могущества Россійской Имперіи не видѣла ихъ маленькой чиновнической слабости.

Аудиторъ, при входѣ Бакланова, допрашивалъ уже главную преступницу, дѣвку лѣтъ двадцати семи, съ неумнымъ, истощеннымъ и распутнымъ лицомъ, въ платчишкѣ на головѣ и въ оборванномъ капотикѣ, съ кандалами на рукахъ и ногахъ. На всѣ вопросы, прежде чѣмъ отвѣчать, она моргала носомъ и обтирала его потомъ, звеня цѣпями. У печки, въ комнатѣ тоже стоялъ арестантъ, съ болѣе умнымъ и звѣрскимъ лицомъ, и тоже въ наручникахъ.

Все это непріятно и тяжело поразило Бакланова. Онъ сѣлъ. Ему подали чай; онъ отказался.

— Ну, такъ какъ же? Наканунѣ Воздвиженья?... — говорилъ хладнокровно аудиторъ, смотря однимъ глазомъ въ стаканъ чаю, изъ котораго повременамъ прихлебывалъ, а другимъ — въ лежавшіе передъ нимъ допросы.

— Да-съ! — отвѣчала дѣвка, моргнувъ носомъ.

— Ты сама-то что же дѣлала?

— Я, батюшка, на ножкахъ только у него посидѣла.

— Кто же за голову-то его держалъ? — продолжалъ аудиторъ.

— Николай-съ! — отвѣчала дѣвка, показавъ головой на мужчину-арестанта.

Тотъ при этомъ, сдѣлавъ что-то въ родѣ гримасы, и трудно было сказать, что она означала, — усмѣшку ли, или такъ его только подернуло.

— Онъ за волосы, чу! говорить, его держалъ, — прибавила дѣвка.

— Что жъ ты слышала при этомъ: оборонялся ли тотъ, бранился ли? Можетъ быть, не давался?

— Нѣтъ-съ, всхлипнулъ только, раза два, этакъ, горлышкомъ, — отвѣчала дѣвка.

У Бакланова начинали волосы становиться дыбомъ.

— Что это такое она рассказываетъ? — спросилъ онъ презуса, который съ грустнымъ видомъ прислушивался къ отвѣтамъ арестантки, и на вопросъ Бакланова даже не отвѣтилъ.

— Чѣмъ же, какимъ орудіемъ была нанесена ему смерть? — продолжалъ, между тѣмъ, спрашивать аудиторъ.

— Да я и не знаю, — отвѣчала дѣвка, въ самомъ дѣлѣ, кажется, не знавшая.

— Чѣмъ? — обратился аудиторъ къ мужчинѣ.

— Бритвой-съ, — отвѣчалъ тотъ и опустилъ глаза въ землю.

— Но что же за причина, заставившая ихъ убить? — вмѣшался опять Баклановъ и потомъ, не давъ

отвѣтить себѣ чиновнику, производившему слѣдствіе, онъ вдругъ обратился къ подсудимой: — Но что за причина, любезная, побудила тебя это сдѣлать?

— Господинъ, судырь, одинъ научилъ насъ и двѣ тысячи рублей денегъ далъ намъ за то.

— Гдѣ же и какой это господинъ?—заговорилъ торопливо Баклановъ. — Онъ содержится, вѣроятно, въ острогъ тоже?

— Вретъ все! отводы одни!—произнесъ, съ печальною усмѣшкой, презусъ.

— Я не видывала ихъ-съ, не знаю, кто такіе,—отвѣчала дѣвка.

— Стало-быть, они не за жестокое обращеніе, какъ сказано въ предписаніи, убили господина, а ихъ кто-то подучилъ къ тому?—не отставалъ Баклановъ.

— Такъ и есть, какъ сказано въ предписаніи-съ!.. Видятъ, что пишутъ... изъ всего дѣла соображаютъ,—объяснилъ было ему провіантскій чиновникъ.

— Но какъ же? нѣтъ, позвольте, господа!—воскликнулъ Баклановъ, начиная ужь горячиться. — Вы за жестокое обращеніе убили барина, или васъ научили?—обратился онъ къ арестанту-мужчинѣ.

— Было того и другаго,—отвѣчалъ тотъ, переступивъ съ ноги на ногу. — Извѣстно, если-бы господинъ былъ подходящій, не сдѣлали бы того.

Аудиторъ, однако, снова приступилъ къ допросамъ.

— Совершивъ преступленіе, что вы сдѣлали?

— На пароходъ пошли,—отвѣчала дѣвка.

— Тутъ, значитъ, васъ и взяли?

— Да-съ. Билеты намъ тотъ-же господинъ еще наканунѣ принесъ. Мы пошли, да хожалый насъ и встрѣтилъ... Онъ, какъ приходитъ въ кварталъ, тамъ и говорятъ: «Ковлевскаго убили». А онъ говоритъ: «Я лакея, говоритъ, его видѣлъ, на пароходъ идетъ»!

— Знаемъ это, знаемъ!..—перебилъ ее аудиторъ.

— Но гдѣ же этотъ господинъ, который ихъ научилъ? Вотъ кого надо отыскать!—повторилъ Баклановъ, продолжая двигаться на стулѣ. — Ты тоже не знаешь?—обратился онъ къ мужчинѣ-арестанту.

— Не знаю, ваше благородіе, какъ есть предъ Богомъ,—отвѣчалъ тотъ, пожавъ плечами.

— Какимъ же образомъ тебя уговорили?

— Недѣли двѣ, ваше благородіе, онъ къ намъ ходилъ, все уговаривалъ. Здѣсь тоже народу много-съ, городъ проѣзжий... Кто его знаетъ, кто такой?..

«Вотъ, говоритъ, вамъ двѣ тысячи цѣлковыхъ, поѣдете на Кавказъ, паспортовъ тамъ не спрашиваютъ».

— Все вздоръ... Изъ злости на барина только и сдѣлали, изъ дѣла-то это видно!—подтвердилъ опять провіантскій чиновникъ.

— Это что жъ? Не запираемся въ томъ, ваше благородіе,—отвѣчалъ арестантъ,—господинъ былъ, не тѣмъ будь помянутъ, воды другой разъ подашь, не утрафишь: холодна, либо тепла; дуютъ, дуютъ, ажъ кости всѣ трещать, помилуйте-съ!—прибавилъ арестантъ, обращаясь болѣе къ Бакланову, и даже съ небольшимъ признакомъ слезъ на глазахъ.

Но тому больше было жаль дѣвку; видимо, что она была только дура набитая.

— Какъ же она-то, зачѣмъ участвовала?—спросилъ онъ опять арестанта, указывая на дѣвку.

— Изъ-по любви ко мнѣ,—отвѣчалъ тотъ.

— А у тебя связь съ ней, а?

— Да-съ.

— Была?—спросилъ онъ самое дѣвку.

— Гуляла съ нимъ.

Баклановъ съ большимъ еще участіемъ взглянулъ на нихъ.

«О, любовь! кого ты не связуешь?» подумалъ онъ, глядя на эти два некрасивыя существа.

Презусъ, между тѣмъ, посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что засѣданіе кончилось.

Баклановъ уѣхалъ домой, возмущенный до глубины души: «вѣроятно, этотъ господинъ, ихъ научившій, и ихъ баринъ, были оба мерзавцы, — а наказаніе терпятъ только эти два полуйдіота; непременно надобно бы ихъ участь облегчить, а того злодѣя поймать».

Герой мой былъ очень еще неопытенъ въ судебной практикѣ.

XIII.

Завѣса нѣсколько приподнимается.

Чѣмъ далѣе происходилъ судъ, тѣмъ болѣе Баклановъ начиналъ видѣть, что тутъ что-то такое да

не такъ, и что засѣдавшіе съ нимъ судьи судили не-совсѣмъ безпристрастно!

По совершенной еще невыработкѣ житейскаго характера, онъ безпрестанно обдумывалъ, какъ ему себя вести и съ кѣмъ бы наконецъ посоветоваться. Видѣнный имъ у откупщика пьющій вице-губернаторъ показался ему, въ этомъ случаѣ, всѣхъ удобнѣе: по крайней мѣрѣ, когда за обѣдомъ всѣ пѣли, онъ одинъ не пѣлъ и даже какъ-будто бы стыдился этого!

Баклановъ похвалъ къ нему.

Въ темной и грязной передней онъ увидалъ, что на прилавкѣ дремалъ лакей. Онъ долженъ былъ разбудить его.

— Баринъ не такъ здоровы, — проговорилъ-было тотъ сначала; но потомъ, поразсудивъ, прибавилъ: — да вы изъ большихъ чиновниковъ, али изъ маленькихъ?

— Нѣтъ, не изъ большихъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ пожалуйста-съ, — сказалъ лакей.

Баклановъ вошелъ.

Вице-губернаторъ, въ халатѣ, грудь на распашку, сидѣлъ передъ закуской и имѣлъ какъ-то странно сжатые губы.

— А, прошу покорнѣйше! — произнесъ онъ, узнавъ, видно, Бакланова и не привставая, впрочемъ, самъ съ мѣста. Рукой онъ указалъ ему на стулъ.

Баклановъ сѣлъ.

— Я къ вамъ, Николай Григорьичъ, съ просьбой, — началъ онъ сейчасъ же.

— А! — произнесъ вице-губернаторъ, и вслѣдъ за-

тѣмъ длинною струей выпустилъ изъ рта воздухъ, какъ человѣкъ, которому дышать трудно.

— Я командированъ въ военно-судную комиссію надъ дворовыми людми по убійству Коклевскаго.

— А!—повторилъ еще разъ вице-губернаторъ и затѣмъ, какъ бы исполнившись какого-то грустнаго воспоминанія, порастянулъ глаза, вынулъ молча рюмку водки и сталъ лѣниво закусывать колбасой: болѣе нормальнымъ образомъ желудокъ его не принималъ уже пищи.

— Тутъ чортъ знаетъ чтò такое, — продолжалъ Баклановъ. — Они показываютъ, что ихъ научилъ какой-то господинъ, но кто онъ — не сказываютъ, тогда какъ онъ-то и есть главный преступникъ.

— Разъ, вечеромъ, — заговорилъ вдругъ вице-губернаторъ: — приводятъ ко мнѣ человѣка... мертво-пьянова.

«Хорошъ и ты-то теперь,» подумалъ Баклановъ.

— Человѣкъ этотъ былъ бухгалтеръ откупа. Онъ-съ! — продолжалъ вице-губернаторъ, снова потупляя голову: — съ слободскими дѣвками прогулялъ пять тысячъ цѣлковыхъ... ну и кончено? такъ ли?

Баклановъ не зналъ, что отвѣчать ему на это.

— Нѣтъ, не кончено!.. — отвѣчалъ самъ себѣ вице-губернаторъ: — человѣкъ этотъ умираетъ одно-часно въ острогѣ и документы свои передаетъ жандармскому офицеру... ну, и прахъ ихъ возьми, такъ ли? Нѣтъ, 14-го сентября, г. офицеръ убитъ своими дворовыми людми.

У Бакланова начиналъ дѣлаться въ головѣ совершенно какой-то туманъ.

— Какіе же это документы? — спросилъ онъ.

Вице-губернаторъ развелъ руками.

— Есть книга живота-съ,—почти запѣлъ онъ:— еже пишется въ ней вся: куму—рубль, кумѣ — два; а мы имя свое бережемъ, ухъ, какъ бережемъ!—заключилъ онъ, и затѣмъ обратилъ почти величественно свое лицо къ Бакланову:—и то бы ничего-съ!—заговорилъ онъ нѣсколько даже трагическимъ голосомъ: — но красными чернилами тутъ написанъ итогъ нашихъ канальскихъ барышей.

— Барышей?

— Д-д-а-съ! А мы имя свое бережемъ!.. Они — деньги, а мы имя!— повторилъ онъ.

— Но, ради Бога, скажите мнѣ откровеннѣе,— умолялъ его Баклановъ.

— Ничего больше не знаю-съ, ничего!—отвѣчалъ вице-губернаторъ:—молодой вы человекъ!! — прибавилъ онъ потомъ съ чувствомъ:—не видите лучше, и не знайте: мракъ спокойнѣе свѣта!

И какъ бы въ доказательство того онъ закрылъ глаза.

Баклановъ пробовалъ было еще его разспрашивать, но вице-губернаторъ только какъ-то бессмысленно смотрѣлъ на него и отвѣчалъ ему однимъ молчаливымъ киваніемъ головы: въ утро это онъ пилъ уже сороковую рюмку, а потому неволью лишился на нѣкоторое время молви.

Видя, что отъ него ничего болѣе не добьешься, Баклановъ всталъ.

— До пріятнаго свиданія, другъ мой...—едва выговорилъ вице-губернаторъ.

Баклановъ вышелъ.

— Что такое у васъ съ бариномъ? — спросилъ онъ человѣка.

— Въ загулъ, ваше благородіе, сильномъ.

— Чтожь, въ это время онъ не то ужъ и говоритъ?

— Да вретъ иной разъ такую околесную, что даже слушать страшно! — объяснилъ лакей.

XIV.

Муравейникъ сильно тронуть.

Наполеонъ III тѣмъ и великъ, что очень мало говоритъ, но потомъ вдругъ и сдѣлаетъ. Герой мой, напротивъ, тѣмъ и малъ, что пока въ жизни только и дѣлалъ, что говорилъ.

Выѣхавъ отъ вице-губернатора, онъ почувствовалъ неудержимую потребность излить передъ кѣмъ-нибудь волновавшія его чувствованія.

Въ карманѣ онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ дяди своего къ одной дамѣ, madame Базелейнъ, имѣвшей, говорятъ, огромное вліяніе на начальника края.

Евсейій Осиповичъ съ этой именно цѣлью и далъ племяннику письмо къ ней. Про самое же даму онъ выражался такъ, что она по уму вся — мечта, вся фантазія; по тѣлу — эфиръ, а тепла и жизненна только сердцемъ.

Какъ только подано было письмо, Бакланова сейчасъ же приняли.

Madame Базелейнъ имѣла привычку всѣхъ, даже молодыхъ людей, принимать у себя въ спальнѣ. На

этотъ разъ она была почти полуодѣта. Маленькая ножка ея, безъ чулка, обутая въ туфлю, была точно перламутровая. Фильдекосовое платье, совершенно безъ юпки, лежало безконечными складками на ея тоненькихъ ножкахъ. Одни только большіе глаза, которые она безпрестанно вскидывала и опускала, говорили, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, у нея сердце и горячее.

— Здравствуйте!—встрѣтила она очень просто Бакланова.—Что вашъ старикъ, все еще не остепенился? Миѣ такія нѣжности пишетъ, что ужасъ!

— Онъ воздаетъ только должное! — проговорилъ Баклановъ.

— А, а! Вы, видно, тоже въ дядюшку... Садитесь!

При видѣ такого милаго и простаго существа, Баклановъ почувствовалъ еще большее желаніе порисоваться.

— Ну, что вы пріѣхали сюда: веселиться, танцовать, жениться?—говорила madame Безелейнъ, роясь въ лежавшихъ около нея доскуткахъ и вскидывая, повременамъ, на Бакланова взгляды.

— Напротивъ, я здѣсь служу неутомимо.

— Служите?

— Здѣсь ужасъ что такое происходитъ: комплоты какіе-то чиновничьи составляются!—продолжалъ онъ.

Madame Безелейнъ, вдѣвавшая въ это время въ иглоку, даже оставила это дѣло.

— Здѣсь убили,—вы, я думаю, слышали,—нѣкого Коклевскаго его дворовые люди.

У madame Безелейнъ почему-то при этомъ покраснѣли уши.

— Они были подучены, потому что у этого гос-

подина хранились документы здѣшняго откупа, весьма щекотливые для нѣкоторыхъ господъ.

— Документы?—повторила хозяйка.

Бакланову и въ голову не приходило, что въ документахъ этихъ madame Базелейнъ была записана въ первой же строкѣ и сопровождалась самою значительною цифрой.

— Я подвигомъ себѣ поставилъ раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, — говорилъ онъ.

— Что же оно васъ-то такъ особенно тревожить?— неутерпѣла и замѣтила ему Базелейнъ.

— Тутъ кровь вопіетъ на небо, помилуйте!—воскликнулъ Баклановъ.—Захвачены одни только бессмысленныя орудія преступленія, а преступникъ главный скрытъ: я найду его на днѣ морскомъ, а черезъ него зацѣплю и другихъ.

Базелейнъ грустно усмѣхнулась.

— Знаете, что бы я вамъ посоветовала?—начала она и пріостановилась.

— Сдѣлайте одолженіе!—подхватилъ Баклановъ.

— Не горячиться такъ!—продолжала она съ удареніемъ: —вы еще здѣсь чловѣкъ новый; можете ошибиться; зачѣмъ вамъ столькожъ людей затрогивать?

— Еслибъ ихъ цѣлый легионъ стоялъ противъ меня, и тогда бы я пошелъ противъ нихъ.

— И проиграли бы!

— Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ нельзя такъ равнодушно относиться къ злу: вы вотъ теперь молоды, всѣ ваши помыслы, вѣроятно, чисты; а тутъ вдругъ вы видите, что цѣлое море злодѣяній плы-

веть около васъ... Неужели же вы не издадите крикъ ужаса?

— Я женщина...—сказала съ улыбкой madame Базелейнъ: —и даже хорошенько не знаю, что такое злодѣяніе и незлодѣяніе, и вообще ужасно не люблю этой прозы жизни, а сижу вотъ больше одна со своими думами. Вы говорите, вскрикнуть отъ ужаса, —ну и вскрикнете: что изъ того?.. васъ перекричатъ.

— Пускай перекричатъ, а все-таки кричать надо! и по этому дѣлу непременно буду писать министру, поѣду наконецъ самъ въ Петербургъ и добьюсь, чтобы прислали оттуда особую комиссію.

— За что же вы здѣшнія власти хотите такъ оскорбить?

— Потому, что здѣсь все мошенники.

— Merci! Поблагодарятъ же они васъ за подобное мнѣніе!—сказала madame Базелейнъ замѣтно у же еухо.

Баклановъ началъ наконецъ удивляться, что это эирное существо не прилипаетъ всею душой къ его благороднымъ стремленіямъ.

Прекративъ разговоръ о службѣ, онъ началъ говорить ей любезности и увѣрялъ ее, что онъ въ ней первой здѣсь встрѣтилъ петербургскій, а не провинціальныи тонъ.

Madame Базелейнъ на все это насмѣшливо только улыбнулась.

Баклановъ раскланялся.

Базелейнъ обратила вслѣдъ за нимъ почти свѣрѣпый взглядъ.

«Что это, пугать, что ли, онъ пріѣзжалъ?» проговорила она и задумалась.

Баклановъ, между тѣмъ выйдя на улицу и идя по тротуару, увидѣлъ, что впереди его шелъ подбористый генералъ, съ которымъ онъ обѣдалъ у Эммануила Захарыча.

Онъ нагналъ его.

— Скажите пожалуйста!—началъ онъ прямо: —не имѣете ли вы какой-нибудь власти надъ здѣшнимъ гарнизоннымъ полковникомъ?

— Я?—спросилъ генералъ, какъ-бы нѣсколько даже обидѣвшись: онъ былъ прямой и непосредственный начальникъ полковника.

— Прикажете или посовѣтуйте ему... мы имѣемъ съ нимъ одно общее дѣло по убійству Коклевскаго.

Генералъ шелъ, нисколько не убавляя шагу.

— Онъ, можетъ-быть, очень хорошій человекъ; но тутъ поступаетъ ужасно недобросовѣстно.

Генералъ замѣтно пошелъ скорѣй.

— Онъ имѣетъ дѣло о дровахъ и воздухъ съ полиціймейстеромъ и хочетъ его выиграть, кривя душой въ другомъ дѣлѣ.

Генералъ началъ ужъ тяжело дышать: съ дровами и съ воздухомъ окъ самъ былъ связанъ всѣми фибрами своего существованія.

— Тутъ убійство, помилуйте!—не отставалъ отъ него Баклановъ:—мы должны быть мудры, яко змии, и чисты сердцемъ, яко голуби...

Генералъ, наконецъ, обратился къ нему.

— Позвольте васъ спросить, къ чему вы мнѣ все это говорите на улицѣ, голословно?спросилъ онъ.

— Къ тому же!... —отвѣчалъ Баклановъ, и не зналъ, какъ докончить.

— Если вы встрѣтили какое-нибудь злоупотреб-

леніе по службѣ,—продолжалъ генераль пунктуально.
—неудобно ли вамъ отнестись ко мнѣ бумагой.

— Я отнесусь и бумагой, — сказалъ Баклановъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣчалъ генераль и повернулъ въ первый попавшійся переулокъ.

«Что это такъ ихъ всѣхъ противъ шерсти гладить», подумалъ Баклановъ, и вечеромъ, когда онъ пріѣхалъ въ клубъ, Никтополоновъ встрѣтилъ его первымъ словомъ:

— Что вы, батенька, тутъ творите?

— Дачто, сражаюсь, бьюсь!—отвѣчалъ Баклановъ самодовольно садясь.

— Хорошенько ихъ! —воскликнулъ одобрительно Никтополоновъ; а потомъ, наклонившись къ нему, на ухо прибавилъ:—въ Петербургъ-то, главное, напишите; этого они очень не любятъ: и къ своему-то, и къ внутреннимъ-то дѣлѣ вальните....

— Напишу все,—говорилъ Баклановъ громко, безъ всякой осторожности.

Нѣсколько армянъ, нѣсколько грековъ, а больше всего Эммануиловъ Захарычей такъ и наострили къ нему уши.

Никтополоновъ продолжалъ шепотомъ:

— Человѣка-то, котораго подозреваете, въ цѣловальникахъ, въ кабакахъ поищите!...

Баклановъ кивалъ ему, въ знакъ согласія, головой.

— Возьмите арестанта, да поѣзжайте съ нимъ здѣсь и въ уѣздахъ, по кабакамъ,—не признаетъ ли кого.

— Непремѣнно!—восклицалъ Баклановъ.

Въ тотъ же самый вечеръ, карета madame Базелейнъ подѣхала къ дому начальника края, а по

совершенно противоположной улицѣ быстро шель черноватый господинъ къ дому Эммануила Захарыча. Затѣмъ, отъ Эммануила Захарыча верховой скакалъ къ Іосифу Яковлевичу, который былъ у Иродіады. На той же самой лошади Іосифъ Яковлевичъ скакалъ домой и тотчасъ же поскакалъ въ уѣздъ на почтовыхъ. Въ ту же ночь, тоже на почтовыхъ, изъ деревни Шумли неизвѣстный человекъ былъ отправленъ, сначала въ степь, а потомъ и на Куру.

XVI.

Нелюбитель гласности.

Въ довольно большомъ и полутемномъ кабинетѣ происходила такого рода сцена.

— Ну-съ, слышу звонъ, да не знаю гдѣ онъ!..—говорилъ малорослый начальникъ края, стоя, съ сложенными накрестъ руками, у стола, передъ которымъ Баклановъ, какъ нарочно, весь облитый абажурнымъ свѣтомъ лампы и весь раскраснѣвшійся,—объяснялъ ему свое вчерашнее поведеніе.

Генераль все больше и больше блѣднѣлъ.

— Вы припутываете тутъ женщинъ: мерзавцевъ выгораживаете, а порядочныхъ людей хотите замазать,.. Меня, что ли, вы хотите обвинить въ томъ?

— Я, ваше превосходительство, не говорилъ этого,—отвѣчалъ Баклановъ, въ самомъ дѣлѣ этого неговорившій.

— У меня здѣсь служащій чиновникъ, — продолжалъ маленькій генераль, все болѣе и болѣе горя-

часъ: — долженъ быть весь мой! долженъ быть моимъ цвѣтомъ, тѣнью моею!

— Извините меня, ваше превосходительство, возражалъ Баклановъ, тоже начиная выходить изъ себя: — я служу обществу, а не лицамъ.

— Я васъ заставлю служить иначе! — кричалъ генераль, стуча пальцами по столу.

— Вы бы меня, ваше превосходительство, должны были презирать, еслибъ успѣли заставить меня служить иначе! кричалъ тоже и Баклановъ.

— Я подчиненнымъ моимъ, — кричалъ генераль, не слушая возраженій: — которымъ угодно быть не тѣмъ, чѣмъ я хочу, я имѣю привычку вотъ что изъ службы дѣлать!

И генераль показалъ, какимъ образомъ обыкновенно даютъ киселя.

— На подобныя движенія, ваше превосходительство, и я имѣю привычку отвѣчать тоже довольно рѣзко, — неуступалъ Баклановъ.

— Молчать! — крикнулъ вдругъ генераль совсѣмъ какъ на лакея.

Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Ваше превосходительство! молчите вы сами.. — произнесъ онъ въ свою очередь.

— Молчать! — повторилъ опять генераль, совершенно выпедши изъ себя. — Мальчишка! — прибавилъ онъ, и бросилъ Бакланову почти въ лицо сконканный конвертъ.

— Ваше превосходительство! — могъ только проговорить тотъ и отвѣтилъ начальнику тоже взмахомъ руки. Генераль едва успѣлъ попятиться нѣсколько назадъ.

Нѣсколько минутъ оба врага, какъ-бы опомнившись, стояли молча другъ противъ друга.

— Ваше превосходительство, — проговорилъ Баклановъ, — мы, вѣроятно, будемъ драться!

— Нѣтъ-съ! произнесъ генераль и рѣзко позвонилъ.

Вбѣжалъ опрометью адъютантъ.

— Арестуйте г-на Бакланова, сказалъ генераль.

— Подлецъ! — проговорилъ, почти вслухъ, Баклановъ.

— Арестуйте г-на Бакланова! — повторилъ генераль еще разъ стоявшему въ недоумѣннн адъютанту.

Тотъ сдѣлалъ движеніе рукой. Баклановъ, съ дерзкою усмѣшкой, пошелъ за нимъ.

«Ну что жъ: солдатъ, такъ солдатъ! Надоѣла эта подлая жизнь, — скорѣй убьютъ!» думалъ онъ самъ съ собой.

— Что такое у васъ вышло? — спросилъ его адъютантъ.

— Онъ себѣ много позволилъ и я, разумѣется, имѣлъ благоразуміе отвѣтить не совсѣмъ прилично, сказалъ откровенно Баклановъ.

«Безъ еуда все-таки не отдадутъ, а я въ отвѣтахъ все напишу, хоть тѣмъ удружу канальямъ», думалъ онъ, садясь съ адъютантомъ на извоищичьи дрожки; но, когда они поѣхали, ихъ нагналъ верховой казакъ и воротилъ обратно.

Баклановъ только усмѣхнулся. Онъ, впрочемъ, все это время былъ болѣе въ какомъ-то полусознательномъ состояннн. Его сейчасъ же опять пустили въ кабинетъ къ начальнику, и опять одного.

Тотъ, попрежнему, стоялъ у своего стола.

— Молодой человекъ, вы погорячились, и я... извинимся другъ передъ другомъ, — заговорилъ онъ, протягивая къ Бакланову руку.

У старика при этомъ были видны слезы на глазахъ.

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ Баклановъ, принимая руку, а дальше ничего и говорить не могъ. У него тоже навернулись на глазахъ слезы.

— Главное, — продолжалъ генералъ, видимо ужь успокоившись и опять переходя къ обычному своему способу выражаться поговорками, — главное чтобы сору изъ избы не выносить и чтобы все, что произошло между нами, осталось и умерло какъ въ могилѣ.

— Это ужь моя обязанность, ваше превосходительство, — какъ честнаго человека! — отвѣчалъ Баклановъ.

— Надѣюсь, — повторилъ старикъ, еще разъ пожимая руку Бакланова: — что ни отцу, ни матери, ни другу, ни даже во снѣ, ни звука объ этомъ.

— Ваше превосходительство?!.. могъ произнести только Баклановъ, и далѣе не счелъ за нужное и говорить.

— Понимаю васъ, — сказалъ генералъ, и они разстались.

На другой день Баклановъ былъ отозванъ изъ комисіи къ другимъ занятіямъ, болѣе подходящимъ, какъ сказано въ предписаніи, къ его образованному уму.

«Что это?... Не можетъ быть!» восклицаетъ, вѣроятно, и попреимуществу великосвѣтскій, читатель.

«Что дѣлать!...» смиренно отвѣчаю я: «очень ужь зафантазировался, написалъ то, чего никогда не бываетъ—извините!»

XVII.

Почти осуществившаяся мечта.

Ничто такъ дурно не скрывается, какъ то, что желаютъ скрыть.

Черезъ недѣлю весь почти городъ говорилъ объ описанной мною сценѣ, и она рѣшительно подняла молодаго человѣка на степень героя: въ Россіи любить, когда грубить начальству!

Баклановъ самъ своими ушами слышалъ, проходя по тѣнистому городскому саду, какъ одна дама, указывая на него другой дамѣ, проговорила торопливо:

— Посмотри, это Баклановъ!

— Какой? спросила та.

— Ахъ, Боже мой! Неужели не знаешь? Тотъ, что такъ славно проучилъ...

— Ахъ, да!—перебила ее подруга:—какой онъ, однако, молодецъ изъ себя.

Баклановъ при этомъ только выпрямлялся и шелъ грудью впередъ.

«Будетъ ужь! Добрагородничался чуть не до ка-торги!» разсуждалъ онъ самолюбиво самъ съ собой и каждый день ходилъ гулять въ садъ, съ одной стороны—ожидая, не услышитъ ли еще разъ подобнаго отзыва, а съ другой—ему стало представляться

что въ этомъ саду онъ непремѣнно встрѣтитъ какую-нибудь женщину, которая влюбится въ него и скажетъ ему: «я твоя!» Представленіе это до такой степени стало у него ясно, что онъ и самаго сада не могъ вообразить себѣ безъ этой любовной сцены, какъ будто бы садъ для этого только и сдѣланъ былъ. Столь увѣренно воображаемое будущее рѣдконе сбывается: разъ, Баклановъ увидѣлъ идущую впереди его, нѣсколько знакомою ему походкой, молодую даму. Онъ поспѣшилъ ее обогнать и сейчасъ же вскрикнулъ:

— Панна Казимира!

— Ахъ, Боже мой, Баклановъ!—проговорила та, сильно покраснѣвъ и скорѣй какъ бы испугавшись, чѣмъ удивившись.

— Да сядемте же здѣсь! Пойдите! говорилъ Баклановъ, беря ее за обѣ руки и дружески потрясая ихъ.

Панна Казимира опустилась съ нимъ на скамейку.

— Но какъ вы здѣсь, скажите? говорилъ Баклановъ.

— Я здѣсь замужемъ.

— За кѣмъ?

— За вашимъ пріятелемъ, за Ковальскимъ.

— А! произнесъ протяжно Баклановъ.

Панна Казимира посмотрѣла ему въ лицо.

— Я знала, что вы здѣсь...—сказала она, послѣ небольшого молчанія.

— Какъ же не грѣхъ было не прислать и не сказать?

Казимира стыдливо усмѣхнулась.

— И то ужъ хотѣла писать,—отвѣчала она.

— Но гдѣ жь вы живете здѣсь?—спросилъ Баклановъ.

— Я живу у однихъ Сабакѣевыхъ; съ ними въ городѣ, а мужъ мой у нихъ управляющимъ въ деревнѣ.

— Что жь вы у нихъ компаньонка, экономка?

— Да и сама не знаю: то и другое... Чудные люди, превосходные... Я вотъ такихъ васъ, Александръ, да ихъ только и знаю.

— Мерсі,—сказалъ Баклановъ и, взявъ ее опять за руки, поцѣловалъ ихъ: — какія нынче у васъ славныя руки!—прибавилъ онъ.

— Жизнь-то понѣжнѣй стала! — отвѣчала Казимира съ видимымъ удовольствіемъ.

— Стало быть, вы совершенно счастливы съ вашимъ мужемъ?

— Съ мужемъ? — спросила, какъ бы совершенно неожиданная этого вопроса, Казимира.

— Да! Какъ вы за него вышли?

— А и сама не знаю, какъ: онъ ходилъ еще при васъ, вѣдь... Вы уѣхали, я и вышла.

— И всему прошедшему, значитъ, сказали прости!

— Чему говорить-то было? Нечему!

— А мнѣ казалось, что было чему, — сказалъ Баклановъ кокетливо.

— Что было, то и осталось,—отвѣчала съ улыбкою Казимира.

— Осталось? — произнесъ Баклановъ и подошелъ къ ней поближе.

— Гм, гм! — отвѣчала Казимира.

— А шутки въ сторону,—продолжалъ Баклановъ: — дѣло теперь прошлое: скажите, любили вы меня?

— Не помню ужь,—отвѣчала Казимира.

— Ну что, Казимира, скажете, — говорилъ Баклановъ, беря ее снова за руку.

— Ну, любила!—отвѣчала она какъ-то порывисто.

— И я, вѣдь, тогда благороденъ былъ въ отношеніи къ вамъ, согласитесь съ этимъ: я многого могъ бы достигнуть.

— Были благородны, — отвѣчала Казимира.

— И за это самое, продолжалъ Баклановъ: — вы по крайней мѣрѣ теперь должны меня вознаградить.

— Чѣмъ же мнѣ вознаградить?— сказала Казимира.

— Любовью.

Казимира грустно улыбнулась.

— Теперь это немножко трудно.

— Напротивъ, теперь-то и возможно: другое дѣло, когда вы были дѣвушкой, когда отъ этого зависѣла участь всей вашей жизни, — тогда другое дѣло; но теперь, что же можетъ препятствовать нашему счастью?

Казимира качала только головой.

— Теперь какія, кромѣ самыхъ пріятныхъ, могутъ быть послѣдствія, изъ того, что вы меня полюбите?

— продолжалъ Баклановъ, опять беря ее за руку.

— А такія, — отвѣчала Казимира: — что я-то еще больше васъ полюблю, а вы и совсѣмъ меня презрять станете.

— Ей-богу, нѣтъ! — воскликнулъ Бакланавъ.

— Погодите, постойте, вонъ идутъ: — сказала Казимира, въ самомъ дѣлѣ указывая на двухъ, неторопливо проходившихъ по дорожкѣ мужчинъ. — Прощайте! — прибавила она.

— Посидите! — упрашивалъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ, нельзя!.. Посмотрите, какъ вы платье мнѣ все измяли, — говорила она вставая: — прощайте.

— Могу я, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ вамъ?

— О, пожалуйста, пріѣзжайте! — отвѣчала съ удовольствіемъ Казиміра,

— У васъ есть особенная комната?

— Есть!.. — Голосъ ея при этомъ былъ какъ-то страненъ.

Баклановъ возвратился домой въ восторгѣ: завести интригу съ Казимірой онъ рѣшился непременно.

XVIII.

Не всегда то найдешь, за чѣмъ пойдешь!

Домъ Сабакѣевыхъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ. Это рѣшительно было какое-то палаццо, отчасти даже и выстроенное въ итальянскомъ вкусѣ.

Баклановъ, ѣхавъ, всю дорогу обдумывалъ, какъ онъ будетъ разставлять сѣти паннѣ Казимірѣ. Но есть дома, въ которыхъ, точно въ храмахъ, все дышетъ благоприличіемъ и цѣломудріемъ: введенный въ мраморную, съ готическими хорами, залу, Баклановъ даже устыдился своихъ прежнихъ намѣреній.

— Г-жа Ковальская сейчасъ выйдетъ, а пока не угодно ли вамъ къ Аннѣ Михайловнѣ, — сказалъ ему вѣжливо благообразный лакей.

— Къ г-жѣ Сабакѣевой? — спросилъ Баклановъ.

— Точно такъ.

— Прошу васъ.

— Пожалуйста!

И человекъ, идя негромко впередъ, повель его на правую половину дома!

Въ совсѣмъ барской гостиной, съ коврами, съ лампами, съ масляными картинами въ золотыхъ рамахъ, Баклановъ увидѣлъ пожилую даму, просто, но изящно одѣтую, въ кружевномъ чепцѣ и въ очкахъ. Лицо ея напомнило ему добродушныя физіономіи ванъ-диковскихъ женскихъ портретовъ.

— Казимира сейчасъ выйдетъ. Присядьте, пожалуйста!— сказала ему старушка, показывая на кресло возлѣ себя.

Она что-то такое, необыкновенно тонкое, шила. На столѣ, впрочемъ, около нея лежала книга, на корешкѣ которой было написано: «Сказаніе Тирона, пнока святогорскаго».

— Вы недавно, вѣдь, здѣсь? — продолжала старушка.

— Да, недавно съ.

— И успѣли ужъ съ нѣкоторыми господами поссориться.

— Да, — отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольною усмѣшкой.

— И прекрасно!... Значить, вы честный человекъ! Старушка понюхала табаку и принялась снова за свое шитье.

— Тутъ Богъ знаетъ, что происходитъ!— продолжалъ Баклановъ.

Старушка махнула рукой.

— Я женщина, а повѣрите ли, кровью сердце обливается, слушая, что они творятъ...

Сабакѣвы, довольно богатое и самое аристократическое семейство въ городѣ, были въ открытой

непріязни съ начальникомъ края и со всѣмъ его кружкомъ.

Въ губерніяхъ, по степени приближенности къ начальству, почти безошибочно можно судить о степени честности мѣстныхъ обывателей. Чѣмъ ближе они къ этому свѣтилу, тѣмъ болѣе, значитъ, въ нихъ пятнышекъ, которыя слѣдуетъ замазать.

Къ неудовольствію Сабакѣвой на начальника края, отчасти, можетъ быть, примѣшивалось и оскорбленное самолюбіе. Вступая въ управленіе краемъ, онъ третировалъ ее, рѣшительно, какъ и другихъ дамъ.

— У отца моего, по нѣскольکو часовъ, въ передней стоялъ, а теперь вотъ какимъ господиномъ сталъ!... — не утерпѣла старушка и объяснила Бакланову.

Въ комнату, въ это время, вошла молодая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ и бѣлокурая. Баклановъ невольно привсталъ на своемъ мѣстѣ.

Если Софи Леневу можно было назвать южною красавицей, то эта была красавица сѣвера.

— Матап, какъ я тутъ навязала?— сказала она, показывая старушкѣ вязанье.

— Опять спутала!—отвѣчала та, подвигая на носу очки ближе къ глазамъ.

— Monsieur Баклановъ! Дочь моя!— познакомила она молодыхъ людей, а сама принялась разсматривать и поправлять работу.

Баклановъ поклонился, и mademoiselle Сабакѣва тоже ему поклонилась, и при этомъ нисколько не сконфузилась и не пожеманничала.

Баклановъ почти съ восторгомъ смотрѣлъ на мо-

лодную дѣвушку. Ея довольно широкое лицо было исполнено какой-то необыкновенной чистоты. Нѣсколько обнаженные руки, грудь и шея были до такой степени бѣлы и нѣжны, что какъ будто бы она черненькаго хлѣбца никогда и не кушала, а выросла на однихъ папошникахъ. Станъ у нея былъ стройный, но не воздушный. Соня Ленева, по природѣ своей, отчасти принадлежала, къ лезгинско-татарскому происхожденію. Прабабка ея, жена Маркаша Рылова, была дочь князя Мирзы-Термаламы, а Сабакѣва, напротивъ того, была чистѣйшая дочь полянъ, славянка; даже въ наружности ея было что-то напоминающее красивыхъ купеческихъ дочерей; только все это, разумѣется, было смягчено и облагорожено воспитаніемъ.

— Ну, вотъ, на, поправила, — сказала мать, давая ей работу.

— Хорошо-съ, — отвѣчала молодая дѣвушка, и не ушла, а тутъ сѣла.

Бакланову ужасно хотѣлось съ ней заговорить.

— Вы много выѣзжаете? — спросилъ онъ ее.

— Да! — отвѣчала дѣвушка спокойно.

— Она больше дома у себя танцуетъ; у насъ обыкновенно собираются... — объяснила за нее старушка.

«Нѣтъ, это не свѣтская госпожа!» подумалъ Баклановъ.

— А читать вы любите? — спросилъ онъ самое дѣвушку.

— Читаю! — сказала она и на это сповойно.

— Охотница! — подхватила мать.

«Но все-таки не синій чулокъ!» подумалъ Бак-

лановъ. «Но что же она такое?» задавалъ онъ себѣ вопросъ.

— Я сюда на югъ пріѣхалъ еще въ первый разъ... Это синее небо, этотъ воздухъ, какъ бы молокомъ пропитанный, все это чудо — что такое... — проговорилъ онъ, желая попробовать молодую дѣвушку на счетъ поэзіи.

Она выслушала его внимательно, но безъ особенно искренняго, а тѣмъ болѣе поддѣльнаго увлеченія.

— Да, здѣсь хорошо, — подтвердила она.

«И то — не то!...» подумалъ Александръ.

Панна Казимира наконецъ показалась.

— Ну вотъ и она! — сказала ей ласково старушка.

— А вотъ сейчасъ, сначала съ mademoiselle Евпраксіей расцѣлуюсь, — сказала Казимира и, совершенно по-дружески поцѣловавшись съ молодою дѣвушкой, почтительно поцѣловала руку у старушки. Она съ утра еще не выходила изъ своей комнаты, а потомъ, услышавъ о пріѣздѣ Бакланова, дѣлала свой туалетъ, и, повидимому, употребляла всѣ старанія, чтобъ одѣться къ лицу и даже немного побѣлилась и подрумянилась.

Бакланову, съ ея появленіемъ, сдѣлалось неловко. Она подала ему руку, нѣсколько сконфузившись и слегка улыбаясь.

— Вы скоро же посѣтили меня! — сказала она, садясь около него.

— Я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ, — отвѣчалъ Баклановъ.

— Merci! — сказала Казимира и еще разъ пожала у Бакланова руку.

— Вы старые знакомые? — спросила ихъ старушка.

— Я помню еще monsieur Бакланова, когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ... Мамаша ему, или онъ ей скажетъ слово, и покраситъ! — сказала Казимира.

— А я помню, — отвѣчалъ ей въ тонъ Баклановъ: — что панна Казимира не вышла и обѣдать.

— О, я имѣла на то свои причины! — сказала Казимира, вскидывая на него нѣжный взглядъ.

Вообще, она съ замѣтною сентиментальностію старалась говорить съ Баклановымъ.

— А вы помните гостинный дворъ, какъ мы разъ шли съ вами? — сказала она.

— Да, — отвѣчалъ ей Баклановъ, уже потупляясь.

— А тотъ вечеръ, когда я вдругъ ушла отъ васъ?

— Вы всегда такъ уходите, вы и вчера такъ ушли.

— Я и всегда такъ буду уходить, — отвѣчала Казимира, хоть глаза ея и говорили не то.

— Ваше дѣло! — отвѣчалъ Баклановъ и пожалъ плечами.

Впрочемъ, во все это время онъ невольно взглядывалъ на mademoiselle Сабакѣву, которая, кажется, и не слыхала ничего, а уставивъ свои голубые глаза на работу, внимательно считала.

Баклановъ наконецъ взялся за шляпу.

Старуха въ это время опять стала показывать дочери, какъ вязать.

— Погодите, я скажу имъ, чтобъ онѣ пригласили васъ на вечера; тутъ мы и можемъ видаться!... — сказала ему торопливо и шепотомъ Казимира; а потомъ, вставъ и подойдя къ старушкѣ, наклонилась къ ней и что-то ей шепнула на ухо.

— Да, разумѣется, — отвѣчала та и обратилась къ Бакланову.

— Вы, пожалуйста, пріѣзжайте къ намъ по пятницамъ вечеромъ; у насъ танцуютъ.

— Почту за величайшее удовольствіе, — отвѣчалъ Баклановъ, и, раскланиваясь, нарочно приостановилъ подбѣе свой взглядъ на mademoiselle Сабакѣвой.

— Прощайте! — сказала ему та совершенно просто.

Панна Казимира пошла было его провожать; но Баклановъ рѣшительнымъ движеніемъ руки не допустилъ ее идти за собой, и это онъ сдѣлалъ не столько изъ вѣжливости, сколько потому, что ему просто не хотѣлось оставаться съ Казимірой съ глазу на глазъ.

Его теперь исключительно беспокоилъ вопросъ: «Что такое за существо mademoiselle Евпраксія?»

XIX.

Л е д е ш о к ѣ .

У Сабакѣвыхъ собирались на вечера два-три правовѣда, нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ, нѣсколько очень милыхъ дамъ и дѣвиць. У

нихъ танцовали, гуляла въ саду, играли въ petits jeux. Баклановъ, явившійся къ нимъ въ первую же пятницу, былъ одѣтъ рѣшительно парижаниномъ: въ лѣтнихъ ботинкахъ, въ бѣломъ жилетѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Все общество сидѣло въ задней гостиной. Балконъ изъ нея выходилъ въ совершенно почти темный садъ, по средней аллеѣ котораго, впрочемъ, гуляли, какъ бѣгущія привидѣнія, дамы, въ сопровожденіи черныхъ фигуръ мужчинъ. Проходя мраморную залу, Баклановъ увидѣлъ, что по ней совершенно одиноко ходитъ небольшого роста господинъ, въ неказистомъ черномъ фракѣ. Подойдя поближе къ нему, онъ воскликнулъ: — Ковальскій!

— Ахъ, да-съ! здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ съ удовольствіемъ и какъ то церемонно.

— Вотъ, гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться! — продолжалъ Баклановъ привѣтливо.

— Да-съ! — опять повторилъ Ковальскій. Будучи поставленъ судьбою въ званіе управителя, онъ считалъ стараго своего товарища гораздо выше себя и сильно конфузился передъ нимъ.

— Вы женились на моей хорошей знакомой? — продолжалъ Баклановъ.

— Да-съ, на Казимірѣ Михайловнѣ, — отвѣчалъ и на это Ковальскій.

Баклановъ еще нѣсколько времени постоялъ около пріятеля, подаскалъ его взглядомъ, а потомъ, молодчовато тряхнувъ волосами, какъ гривой, пошелъ далѣе, а Ковальскій опять принялся снова възадъ и впередъ.

Поклонившись въ гостиной старухѣ Сабакѣевой, игравшей въ карты, Баклановъ прямо устремился

къ mademoiselle Евпраксіи, которая, въ голубомъ баржевомъ платьѣ, стояла у балкона.

На этотъ разъ она ему показалаcя Діаной, только нѣсколько полноваго.

— Голубой цвѣтъ рѣшительно созданъ для васъ! — сказалъ онъ ей, послѣ первыхъ же привѣтствій.

— Да, я люблю его, — отвѣчала дѣвушка, какъ бы не обративъ даже и вниманія на его комплиментъ.

Баклановъ придумывалъ, о чемъ бы такомъ съ ней попокиантѣе заговорить.

— Я всегда при этакомъ близкомъ разстояніи, какъ вотъ здѣсь, свѣта и темноты, — сказалъ онъ, указывая на темный садъ и свѣтлую гостиную, — всегда чувствую желаніе изъ свѣта идти въ темноту, а изъ темноты на свѣтъ: отчего это?

— Отъ нечего, я думаю, дѣлать; надобно же куда-нибудь идти, — отвѣчала Евпраксія.

— Да-съ, но это скорѣе тѣ же инстинктивное желаніе, которое человѣкъ чувствуетъ, взойдя на высоту, броситься внизъ.

— А то трусость! — сказала Евпраксія.

— Вы думаете? Сами вы, значить, трусливы?

— Напротивъ... я ничего не боюсь!

— Даже несчастій въ жизни?

— Чтѣжь?.. Я ихъ перенесу, я терпѣлива.

«Она очень не глупа, а какъ хороша-то, хороша-то, Боже ты мой!» думалъ Баклановъ.

Во все это время, изъ другой комнаты, Казиміра, по бальному одѣтая, безпрестанно взмахивала на него свои глаза. Самой отойти оттуда ей было нельзя: она разливала для гостей чай.

— Mesdames! пойдѣмте въ садъ, въ веревочку

играть! — вскричала молоденькая дама, все время ходившая съ разными мужчинами по саду и растрепавшая, зацѣпляясь за древесные сучья, всю себя прическу.

— Въ садъ! въ садъ! — повторили и находившіяся въ гостиной.

Евпраксія, впрочемъ, подошла и о чемъ-то спросила мать.

— Можно! — отвѣчала ей та.

Всѣ вышли и размѣстились на ближайшей къ балкону площадкѣ, на которой было довольно свѣтло. Первая стала въ веревочку сама Евпраксія и потомъ, сейчасъ же обернувшись, ударила Бакланова по рукѣ.

Онъ замеръ въ упоеніи отъ прикосновенія ея милой ручки и, войдя въ кругъ, хотѣлъ самъ сейчасъ же ударить Евпраксию по рукѣ; но она успѣла ее отнять, и Баклановъ ударилъ ея сосѣда-правовѣда и самъ сталъ на его мѣсто.

— Отчего вы меня перваго ударили? — спросилъ онъ Евпраксию.

Она сначала на это только улыбнулась.

— Отчего? — повторилъ Баклановъ.

— Такъ... вы очень смѣшно стояли... — сказала она и потомъ съ гораздо бѣльшимъ одушевленіемъ прибавила: — Смотрите, Хламовскій непременно ударитъ mademoiselle Catherine!.. Ну, такъ и есть! — прибавила она почти съ грустью, когда Хламовскій въ самомъ дѣлѣ ударилъ mademoiselle Catherine.

«О, она еще совсѣмъ ребенокъ! Но мила, удивительно мила!» — восхищался Баклановъ.

Напоивъ всѣхъ чаемъ, Казимира, наконецъ, вы-

шла къ играющимъ и, прислонившись къ дереву, въ нѣсколько мечтательной позѣ, начала глядѣть на Бакланова. Тому отвѣчать на ея нѣжные взгляды — было рѣшительно стыдно; а продолжать любезничать съ Евпраксіей онъ побаивался Казиміры.

Одушевленіе игры, между тѣмъ, замѣтно уменьшилось, и за веревочку держались только нѣкоторые.

— Если хотите меня видѣть, приходите въ темную аллею, — сказала вдругъ Казиміра, подходя къ Бакланову.

Онъ въ это время всею душой стремился идти за Евпраксіей, которая, съ нѣсколькими кавалерами, входила на балконъ; но какъ же, съ другой стороны, было отказаться и отъ такого рѣшительнаго предложенія?.. Однако онъ пошелъ въ комнаты!

Казиміра по крайней мѣрѣ съ часъ гуляла по аллеѣ; платье ея почти смокло отъ вечерней росы. Возвратясь въ комнаты, она увидѣла, что Баклановъ преспокойно стоялъ у колонны и смотрѣлъ на танцующихъ.

— Чтѣ же вы? — сказала она, подходя къ нему.

— Нельзя было: ко мнѣ пристали разные господа, — отвѣчалъ онъ ей съ гримасой.

— Ну, послѣ какъ-нибудь! — сказала Казиміра: она обыкновенно привыкла все прощать Александру, и даже не замѣчала, какъ онъ съ ней поступаетъ.

Герою моему, впрочемъ, судьбою было назначено въ этотъ день терпѣть отъ всей семьи Ковальскихъ.

Его нѣкогда бывший пріятель, такъ робко его на первыхъ порахъ встрѣтившій, вдругъ, къ концу вечера, выставился въ дверяхъ и сталъ его пальцемъ вызывать. Баклановъ сначала даже думалъ, что это

не къ нему относится; но Ковальскій наконецъ сдѣлалъ угрожающій жестъ и махнулъ всею рукой.

Баклановъ вышелъ.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!.. — заговорилъ Ковальскій: — у меня тамъ водочка и колбаска есть... Я вѣдь никогда на эти супе-то франсе не хожу, а у меня тамъ все свое.

— Полно, какъ возможно! я не хочу и не пью!

— Не пью, чорта съ два!.. старый студентъ! не пью! — говорилъ Ковальскій, таща Бакланова за руку сначала въ какой-то коридоръ, а потомъ въ небольшую комнату, въ которой стояла водка и закуска.

— Ну, валяй! — говорилъ Ковальскій, наливая пріятелю огромнѣйшую рюмку.

— Не могу я! — возразилъ тотъ рѣшительно.

— Ну такъ подлець, значить! — проговорилъ Ковальскій и хватилъ самъ рюмку, а потомъ и другую.

— Мало же тебя жена муштруетъ, мало! — говорилъ Баклановъ, качая головой.

— Что жена! — возразилъ мрачно Ковальскій: — какъ сегодня мужикъ, завтра баба, послѣзавтра пеня да косуля — за неволю станешь и самъ мужикъ: и сталь!

Странное дѣло, добрый этотъ человекъ ужасно тяготился жизнью въ деревнѣ и тѣмъ, что жена почти безвыѣздно держала его тамъ.

— Ужъ и въ этомъ-то небольшомъ утѣшеніе! — сказалъ Баклановъ.

— Что утѣшеніе! — возразилъ Ковальскій: — Казимира Михайловна позволяютъ не любить, когда я здѣсь

бываю... Не здоровы все онѣ, пзволите видѣть!.. а я человѣкъ... и грѣшный... не праведникъ, и не хочу имъ быть...

— Ну, разоврался ужъ очень!—проговорилъ Баклановъ, стараясь уйти.

— Да вышей хоть на прощанье-то рюмочку, — сказалъ Ковальскій.

— Не хочу, отвѣчалъ съ досадой Баклановъ.

— Ну, такъ убирайся къ чорту!—произнесъ ему вслѣдъ Ковальскій, и самъ вышилъ еще рюмки двѣ, закусилъ немного, поставилъ все это потомъ бережно въ шкафъ, заперъ его и, снова возвратясь въ залу, сталъ попрежнему похаживать, только нѣсколько болѣе развязною походкой.

Баклановъ, возвратясь въ гостиную, сталъ около одного правовѣда.

— Скажите, пожалуйста, началъ онъ, отчего это вотъ изъ вашего училища и изъ лицей молодые люди выйдутъ и сейчасъ же пристраиваются, начинаютъ какъ-то ладить съ жизнію и вообще дѣлаются людьми порядочными; а изъ университета выйдетъ человѣкъ—то ничего не дѣлаетъ, то сопьется съ кругу, то наконецъ въ болѣзни исчахнетъ.

— Не знаю -съ!..—отвѣчалъ ему съ улыбкой правовѣдъ, совершенно, кажется, никогда объ этомъ предметѣ не думавшій.

Въ это время Евпраксія танцевала мазурку, и танцевала, повидимому, съ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одному кавалеру она не улыбнулась лишняго раза, не сдѣлала ни одного рѣзкаго движенія; со всѣми была ласкова и привѣтлива, со всѣми обращалась ровно.

Баклановъ опять обратился къ правовѣду.

— Какъ вы находите mademoiselle Eupraxie? Не правда ли, мила?

— О, да,—отвѣчалъ тотъ,—*ледешокъ* только.

— Какъ *ледешокъ*?

— Такъ. Ее здѣсь всѣ такъ называютъ.

— Что жъ, холодна очень? неприступна?

— Да!—произнесъ правовѣдъ.

«*Ледешокъ!*» — повторилъ Баклановъ стократно, вдуци домой: «посмотримъ!»

XX.

Новое чувство моего героя.

У мужчинъ, послѣ первыхъ, страстныхъ и фантазіей исполненныхъ стремленийъ къ женщинѣ, или такъ называемой первой любви, въ чувствѣ этомъ всегда играетъ одну изъ главнѣйшихъ ролей любопытство. «А какъ вотъ этакая-то будетъ любить? А какъ такая-то?» обыкновенно думаютъ они.

Баклановъ, въ отношеніи къ Евпраксіи, заболѣлъ именно точно такую страстью. ¶

«Что за существо эта дѣвушка, какъ она будетъ любить?» спрашивалъ онъ самъ себя съ раздраженіемъ. Но дѣвушка, какъ нарочно, ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не обнаруживала себя.

Баклановъ рѣшился разспросить о ней Казиміру. Разъ онъ обѣдалъ у Сабакѣвыхъ, и послѣ стола Евпраксія ушла играть на фортепіано, старуха

Сабакѣева раскладывала грань-пасьянсъ, а Казиміра сидѣла въ другой комнатѣ за работой.

Баклановъ подошелъ и сѣлъ около.

— Скажите, что за субъектъ mademoiselle Eupraxie?—сказалъ онъ.

— О, чудная дѣвушка!—отвѣчала та.

— Но отчего жъ ее въ городѣ *ледешкомъ* зовутъ?

— Да потому, что никому не отдаетъ предпочтенія, а ко всѣмъ равна. Добра, богомольна, умна, продолжала объяснять Казиміра, нисколько не подозревая, что все это говорить на свою бѣдную голову.

— А что она про меня говоритъ?—спросилъ Баклановъ.

— Да про васъ я, разумѣется, рассказала имъ.

— Ну, и я знаю ужъ какъ!—перебилъ ее Баклановъ:—но что жъ она-то?

— Она и мать обѣ хвалятъ.

— А тутъ надобно маменькѣ и дочкѣ понравиться?

— Непремѣнно! Если бы кто дочери понравился, а матери нѣтъ, мать ее сейчасъ же разубѣдитъ въ этомъ человѣкѣ, и наоборотъ. Онѣ совершенно какъ какіе-то друзья между собою живутъ.

Баклановъ намоталъ это себѣ на-усъ и поспѣшилъ отойти отъ Казиміры.

Та стала, наконецъ, немножко удивляться: такимъ страстнымъ онъ съ ней встрѣтился, а теперь только добрый такой?

Баклановъ подошелъ къ старухѣ. Мать и дочь сидѣли ужъ вмѣстѣ. Обѣ онѣ показались ему двумя чистыми ангелами: одинъ былъ постарѣй, а другой —молодой!

— У васъ есть батюшка, матушка? — спросила его старуха.

— Нѣтъ-съ, никого, — отвѣчалъ Баклановъ, — только и всего, что на родинѣ имѣнье осталось.

О послѣднемъ обстоятельствѣ онъ не безъ умысла упомянулъ.

— А ваше имѣние въ здѣшней губерніи?—прибавилъ онъ.

— Отчасти, но больше я московка: тамъ родилась, выросла и замужъ вышла!

— Москва городъ очень почтенный, но странный!—произнесъ съ разстановкой Баклановъ.

— Чѣмъ же?

— Въ ней съ одной стороны существуетъ типъ Фамусовыхъ, а изъ того же общества вышли и славянофилы.

— Что жъ? Дай Богъ, чтобы больше такихъ людей выходило... Я сама вѣдь немножко славянофилка, прибавила старуха и улыбнулась.

Баклановъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

— Что у иностранцевъ мерзко, скверно, говорила она, то мы перенимаемъ, а что хорошо, того нѣтъ!

— Однако, вотъ этотъ Мурильо и эта карселевская лампа, взятые у иностранцевъ, вещи недурныя! сказалъ Баклановъ, показывая на стѣну и на столъ.

— Да вѣдь безъ этого еще жить можно, а мы живемъ, безъ чего нельзя жить!

Баклановъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Безъ Бога, безъ религіи, не уважая ни отцовъ своихъ, ни отечества, — говорила Сабакѣва.

Баклановъ все събольшимъ и большимъ уваженіемъ слушалъ ее.

— А вы раздѣляете взглядъ вашей матушки? —
обратился онъ къ Евпраксіи.

— Да!—отвѣчала она.

Баклановъ даже потупился, чтобы скрыть свое
удовольствіе.

— Она ужь въ монастырь хотѣла идти, спастись
отъ вашей иноземщины,—сказала мать.

— Нѣтъ, маман, мнѣ все равно, увѣряю васъ!
отвѣчала Евпраксія серьезно.

«Это чудныя существа», — подумалъ Баклановъ.

Почему онъ восхищался, что мать и дочь такія
именно, а не другія имѣютъ убѣжденія, на это онъ
и самъ бы не могъ отвѣтить: красота Евпраксіи,
кажется, вліяла въ этомъ случаѣ на него, такъ что
ужь ему все нравилось въ этомъ семействѣ.

XXI.

День и ночь.

Баклановъ, очень ужь хорошо понимая, что Ев-
праксія откроетъ свое сердце и любовь свою только
супругу, рѣшился жениться на ней: но присвататься
еще побаивался и проводилъ у Сабакѣвыхъ тихо-
пріятные дни.

Разъ все они собрались прокатиться на недал-
ній островокъ, верстахъ въ десяти отъ города и на-
чинающій въ послѣднее время застраиваться краси-
выми дачками. Каждый день туда ходилъ по нѣсколько
разъ пароходъ.

Вся молодежь была въ восторгѣ отъ этого намѣ-
ренія: Евпраксія, по словамъ ея, ужасно любила воду.

Казимира надѣялась, среди встрѣчающихся красотъ природы, скорѣе вызвать Бакланова на болѣе задушевный разговоръ. Она каждую минуту ожидала отъ него слышать объясненія въ любви и требованія жертвъ отъ нея.

Во время сборовъ Баклановъ невольно полюбился на Евпраксию, какъ она плотно завязала ленты своей круглой соломенной шляпы, какъ аккуратно завернула взятый на всякій случай пледъ, какъ, наконецъ, приподняла у лифа платье, чтобы смѣлѣй ходить по травѣ на острову.

— Вы, должно быть, отличная менажерка,— сказалъ онъ ей.

— А что же?—спросила она.

— У васъ все кипитъ въ рукахъ! — отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія улынулась.

— Да, я все сама умѣю дѣлать,—сказала она.

Всходя на пароходъ, чтобы взять билеты, Баклановъ вдругъ услышалъ полутихое и полуробкое восклицаніе:

— Здравствуйте, Александръ Николаичъ!

Онъ вздрогнулъ. Это говорила Софи Ленева, сидѣвшая уже на пароходѣ.

— Ахъ, bon jour!—отвѣчалъ онъ скороговоркой и пожалъ ей руку.

Софи тоже была сконфужена, но наружность ея и туалетъ были величественны.

Баклановъ успѣшилъ подать руку старухѣ Сабакѣевой и перевелъ ее съ пристани на пароходъ, подалъ также руку Евпраксіи; но та только на мигъ прикоснулась къ ней и сама проворно вбѣжала. Онъ

провелъ даже Казиміру, которая, войдя на пароходъ не опускала его руки и крѣпко-крѣпко опиралась на нее.

Софи встала и, разсѣянно походя, отошла и сѣла подальше на кормѣ. Капитанъ парохода, услышавъ, что генеральша Сабакѣва ѣдетъ съ семействомъ, велѣлъ сейчасъ же очистить имъ мѣсто на палубѣ и вынести на скамейки подушки.

Усѣлись.

— Съ какою это вы дамой здоровались? — спросила Казиміра Бакланова.

— Съ Леневою! — отвѣчалъ онъ.

— А! — произнесла Сабакѣва протяжно: — а вы какъ это знаете ее, молодой человекъ, а? — прибавила она шутливо-укоризненнымъ тономъ.

Баклановъ сконфузился.

— Она моя землячка, — сказалъ онъ.

— Какая молоденькая, хорошенькая! Ахъ, бѣдная, бѣдная! — говорила старушка, качая головой. — Подите-ка, познакомьте меня съ ней! — прибавила она скороговоркой Бакланову.

— Но, Анна Петровна, ловко ли это будетъ? — остановила было ее Казиміра.

— Э, ко мнѣ ничего не пристанетъ!.. Поэтому я и хочу приласкать ее, что всѣ ужъ на нее.

— Но ваша дочь, Анна Петровна.

— А что жъ такое? Не марайся сама, такъ другія не замараютъ. Подите-ка, скажите, если она хочетъ, пришла бы къ намъ.

Сабакѣва, всегда и во всемъ, имѣла привычку идти противъ общаго мнѣнія, особенно губернскаго.

Бакланову было несовсѣмъ пріятно исполнять это порученіе; но дѣлать нечего: онъ подошелъ въ Софи.

— Madame Сабакѣва желаетъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ, не назвавъ ее никакимъ именемъ.

— Ахъ, очень рада! отвѣчала Софи, дѣйствительно обрадовавшаяся.

— Madame Сабакѣва!.. Mademoiselle Евпрахія!.. Madame Ковальская!.. — говорилъ Баклановъ, показывая ей на свое общество.

— Madame Ленева! представилъ онъ ее.

— Здравствуйте! сказала ей старуха привѣтливо. Софи сѣла около нее.

Евпрахія съ какимъ-то, больше дѣтскимъ, вниманіемъ глядѣла на нее. Софи тоже на нее смотрѣла. Красота одной была еще дѣвственная, чистая, а другой жгучая, охватывающая. Евпрахія была мила дома, а Софи вы замѣтили бы въ толпѣ, среди тысячи другихъ женщинъ.

Баклановъ сидѣлъ, склонивъ въ упоеніи голову. Три женщины тутъ были, и для всѣхъ онъ имѣлъ значеніе. Такою широкою и со всѣхъ сторонъ охватывающею волной жизнь подплываетъ только въ двадцать семь лѣтъ.

— Вы ѣдете прокатиться? спрашивала Сабакѣва Софи.

— Нѣтъ, я тутъ на дачѣ живу. Я послѣднее время была больна и мнѣ велѣли больше быть въ деревнѣ, отвѣчала Софи.

При звукѣ этого голоса, при этихъ словахъ, Баклановъ готовъ былъ простить ей все; но очаро-

ваніе тотчасъ же было разбито: изъ буфета выходила черная фигура Эммануила Захаровича. Баклановъ и Казимира первые переглянулись между собой.

Онъ, съ огромною корзинкой конфетъ, кого-то искалъ и потомъ, увидя Софи и другихъ сидѣвшихъ съ ней дамъ, подошелъ и сталъ ихъ потчивать.

Софи взяла, не глядя; прочія тоже такъ, но онъ вдругъ вздумалъ и разсѣсться тутъ.

— Ну, онъ-то мнѣ ужъ и гадокъ! проговорила почти вслухъ Сабакѣева.

— Вамъ бы уѣхать куда-нибудь отсюда: здѣсь воздухъ нехорошъ, а люди такъ и совсѣмъ дрянные, говорила она рѣзко Софи.

— Но куда же? возражала та, почти непрерывно мѣняясь въ лицѣ. Видимо, что внутри ея пролеходили мучительныя волненія, тогда какъ Евпраксія съ ангельскимъ почти спокойствіемъ разговаривала съ Баклановымъ.

Эммануилъ Захаровичъ, видя, что имъ никто не занимается, снова спустился въ буфетъ.

Пароходъ, между тѣмъ, выйдя изъ пристани, шелъ мимо красивыхъ обрывистыхъ береговъ. На небѣ массы облаковъ, послѣ знойнаго дня, какъ-бы дымились: воздухъ блестялъ непрерывною сѣтью испареній; въ пароходныхъ колесахъ вода разсыпалась серебряною пылью.

Всѣ невольно встали — полюбоваться этою картиной. Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что на глазахъ Софи заискрились чуть-чуть замѣтныя слезинки; а Евпраксія, напротивъ, смотрѣла серьезно и только

какъ бы удивлялась въ этихъ красотахъ природы величію Бога.

Казиміра старалась стать поближе къ Бакланову и даже опереться на него.

— Задній ходъ! раздался голосъ капитана.

Никто не ожидалъ, чтобы пароходъ такъ скоро подошелъ къ островку.

Все засуетились и пошли.

— Вы ко мнѣ, конечно; не зайдете? сказала Софи, уходя, Бакланову.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Толпа ихъ раздѣлила.

XXII.

Смѣлый кормчій.

Оставивъ старушку на берегу, молодые люди углубились въ островъ. Евпраксія очень любила гулять по полямъ и по лѣсамъ: они по крайней мѣрѣ прошли версты три, и она только немножко разгорѣлась въ лицѣ.

Казиміра все надѣялась, что въ этомъ полутемномъ лѣсу Баклановъ наконецъ объяснится съ ней; но онъ какъ нарочно все шелъ и разговаривалъ съ Евпраксіей о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ; Казиміра начала неистовствовать. Она бѣгала по дугамъ, рвала цвѣты, вплетала ихъ себѣ въ волосы, бросала ихъ въ Бакланова, наконецъ увидала у берега лодку.

— Ахъ, вотъ лодка! покатаемтесь, говорила она.

— Нѣтъ! возразила было ей Евпраксія.

— Душечка! ангелъ мой! говорила Казиміра, цѣдуя ее.

— Но я сама не сказала.

— Ничего, я все на себя приму, умоляла Казиміра.

— Поѣдемте! поддержалъ и Баклановъ: ему любопытно было видѣть себя съ этою восхитительною дѣвушкой въ одной лодкѣ.

Евпраксія, наконецъ, съ своею кроткою улыбкой, согласилась.

— Я сяду на кормѣ, сказала она.

Казиміра, такъ страстно желавшая кататься, едва осмѣлилась потомъ войти въ лодку.

Баклановъ началъ грести.

Евпраксія сидѣла противъ него лицомъ къ лицу.

Казиміра расположилась около ногъ молодаго человека и безъ всякой осторожности устала на него свое влюбленное лицо.

Блѣдно-желтыя облака на западѣ становились все темнѣе и чернѣе. Вѣтеръ разыгрывался, и волненіе для маленькой лодки стало довольно чувствительно. Влюбленная Казиміра начала ужъ и покрывать.

— Не вернуться ли намъ назадъ? проговорила она.

— Зачѣмъ же было и ѣхать? возразила Евпраксія, которой, напротивъ, все это, повидимому, было пріятно.

Баклановъ, не желая подать виду, что и онъ не съ большимъ удовольствіемъ катается, началъ грести сильнѣе.

Лодку очень уж покачивало. Казимира безпрестанно кричала, и сидя, какъ тетеря, распутившись, хваталась то за тотъ край лодки, то за другой. Лицо Евпраксіи было совершенно спокойно.

Отвѣхавъ отъ острова, они попали на еще болѣе сильное теченіе, которое, встрѣчаясь съ противнымъ вѣтромъ, кипѣло, какъ въ котлѣ; волны чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ становились выше и выше. Лодку, какъ щепку, перебрасывало черезъ нихъ. У Бакланова почти силъ не доставало грести.

— Держите въ разрѣзъ волнъ, сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Знаю! отвѣчала Евпраксія, и въ самомъ дѣлѣ такъ держала. Онъ видѣлъ, что правая рука ея, управлявшая рулемъ, налилась вся до крови отъ напряженія; но Евпраксія ни на минуту не ослабила шнурка.

Панна Казимира плакала и молплаась.

— Матка Боска! матка Боска! вопіяла она ужъ по-польски.

Баклановъ чувствовалъ, что онъ блѣденъ какъ смерть. Вся штука теперь состояла въ томъ, какъ повернуть лодку и ѣхать назадъ къ острову.

— Гребите не такъ сильно, я стану поворачивать, — сказала Евпраксія, рѣшительно не потерявшаяся.

Баклановъ поослабилъ. Евпраксія тоже поослабила шнурокъ, и лодка стала забирать вправо. Маленькая торопливость, и ихъ залеснуло бы волной, которыя и безъ того уже брызгали черезъ бортъ. Еще минута, и лодка очутилась носомъ къ берегу.

— Ну, теперь сильнѣе! сказала Евпраксія.

Баклановъ при видѣ такой храбрости въ дѣвухѣ, почувствовалъ въ себѣ силы льва. Онъ почти до половины заускалъ весла въ волны.

Евпраксія опять ни разу не ошиблась, и все перерѣзывала волны поперекъ.

Послѣдняя волна почти выкинула ихъ на берегъ.

— Никогда не стану никого слушать! проговорила Евпраксія, вставъ и отряхая сплошь покрытое водяною пѣной платье; ручка ея, которою она держала руль, была ссажена.

Баклановъ тоже не вдругъ могъ придти въ себя отъ пережитаго имъ страха. Панну Казиміру онъ только-что не безъ чувствъ вынулъ изъ лодки.

Возратившись къ матерѣ, Евпраксія все ей рассказала, перемѣнивъ только то, что это она сама затѣяла кататься, а не Казиміра.

Та сначала попеняла было, но потомъ сейчасъ же и прибавила: — Никто, какъ Богъ; не убережешься отъ всего.

По случаю намокшихъ дамскихъ платьевъ, домой поѣхали сейчасъ же.

Когда островъ сталъ порядочно удаляться, успокоившаяся Казиміра указала Бакланову на дорогу, идущую кругомъ всего берега. Тамъ неся экипажъ съ дамой, и за нимъ уродливо скакалъ верховой въ англійскомъ рейтъ-фрактѣ и лаковыхъ сапогахъ.

— Это, вѣдь, Ленева и Галкинъ! сказала она; но Баклановъ не обратилъ на это никакого вниманія.

«Такъ вотъ она какая! вотъ какая!» думалъ онъ все объ Евпраксіи.

XXIII.

Несовсѣмъ обыкновенная сваха.

Прошло съ полгода. Сердечныя дѣла Бакланова плохо подвигались впередъ: Евпраксія на іоту не допускала его ближе къ себѣ. Оставалось одно послѣднее средство: присвататься къ ней. Баклановъ рѣшился возложить это на Казиміру. Объ ея собственномъ сердцѣ онъ въ эти минуты нисколько даже и не помышлялъ: злоупотреблять этимъ кроткимъ существомъ онъ точно считалъ какимъ-то своимъ правомъ!

Онъ нарочно пришелъ къ Сабакѣевымъ, когда зналъ, что онѣ обѣдали у однихъ своихъ знакомыхъ, и пришелъ прямо въ комнату къ Казимірѣ.

— Ахъ, вотъ это кто! воскликнула та, по обыкновенію обрадовавшись: — пойдемте однако въ тѣ комнаты, а то эти людишки Богъ знаетъ что наболтаютъ!

Она все еще ожидала опасности со стороны Бакланова, и по возможности, разумѣется, думала этому противиться.

Они прошли въ большую гостиную и сѣли на диванъ подъ Мурильо.

— Ну-съ? начала Казиміра.

— Ну-съ! повторилъ за ней Баклановъ: — во-первыхъ, начну высокимъ слогомъ: жизнь для меня «садъ, заглохшій подъ дикими, бесплодными травами».

— Слыхала это не сегодня, отвѣчала кокетливо Казиміра.

— Вслѣдствіе сихъ и оныхъ обстоятельствъ, продолжалъ Баклановъ: — я рѣшился жениться.

— А! произнесла Казимира.

— На комъ же? прибавила она, высоко, высоко выпрямляя грудь.

— Разумѣется, на mademoiselle Евпрахія! отвѣчалъ Баклановъ.

Если бы пудовой камень упалъ въ эти минуты на голову Казимиры, такъ она меньше была бы ошеломлена.

— Ну что жь? Желаю вамъ!...—сказала она, по наружности спокойно; но въ самомъ дѣлѣ, все это, стоявшее передъ ней: мебель, окна и картины, слилось для ея глазъ, мгновенно наполнившихся слезами, въ какую-то пеструю рѣшетку.

Баклановъ сдѣлалъ видъ, какъ будто-бы ничего этого не замѣчалъ.

— Къ вамъ собственно просьба моя въ томъ, чтобы вы разузнали, какъ онѣ примутъ мое желаніе.

— Я-я? — спросила, протянувъ, Казимира.

— Да! отвѣчалъ Баклановъ, опять какъ бы не понявъ этого вопроса. — Отъ этого рѣшительно теперь зависитъ все мое будущее счастье, — продолжалъ онъ: — Евпраксія именно такая дѣвушка, какую я желалъ имѣть женой своею: она умна, скромна, ну и, нечего грѣха таить, богата и со связями; а все это очень мнѣ теперь не лишнее въ жизни!...

Казимира слушала его, какъ бы совсѣмъ оглупѣвшая.

— И я надѣюсь, что вы, мой старый, добрый другъ, не откажетесь посодѣйствовать мнѣ въ томъ, — заключилъ Баклановъ и взялъ было ее за руку.

— Нѣтъ, не могу, не могу, не могу!— проговорила она скороговоркой и закрыла лицо руками.

— Богъ, значить, съ вами! сказалъ Баклановъ съ грустною улыбкой.

— Но, другъ мой! воскликнула вдругъ Казимира, протягивая къ нему руки: — я сама васъ люблю, прибавила она и встала передъ Баклановымъ на колѣни.

Тотъ хотѣлъ было ее поднять.

— Казимира! — говорилъ онъ.

— Нѣтъ, погоди, постой! говорила она: — дай мнѣ хоть разъ въ жизни выплакаться передъ тобой, высказать, что чувствуетъ душа моя!— И безумная женщина цѣловала при этомъ руки своего идола.

Баклановъ не зналъ, что и дѣлать.

— Казимира! повторялъ онъ.

— Погоди, постой! говорила она: — требуй какой хочешь отъ меня жертвы: отдайся тебѣ, развестись съ мужемъ, но только не этого, нѣтъ!

— Казимира!... уснойтесь, — говорилъ ей Баклановъ, тоже беря ея руки и прижимая ихъ къ груди.

— А я не могу... не могу сама своими руками отдать тебя! говорила она и, склонивъ голову на колѣни Александра, рыдала.

Слезы, какъ извѣстно, сильно облегчаютъ женщинъ.

Наплакавшись, Казимира встала и сѣла.

— Послушай, — начала она, — когда ты женишься, уговоръ одинъ: не прогоняй меня, дай мнѣ жить около васъ.

— О, Бога ради, Казимира! воскликнулъ Баклановъ: — какъ вамъ не грѣхъ было это думать! Вы на-

всегда останетесь другомъ нашего семейства, и жизнь ваша навсегда будетъ обезпечена.

— Да, я хочу только тебя видѣть, видѣть, больше ничего! — Ну, а теперь поцѣлуй меня въ послѣдній разъ... знаешь, пламеннѣй, пламеннѣй, какъ ее будешь цѣловать. — И она сама обняла Бакланова и замерла на его губахъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Сегодня ты еще принадлежишь мнѣ, говорила она и гладила Бакланову волосы, лицо, и цѣловала его. Онъ сидѣлъ какъ школьникъ въ ея объятіяхъ. Потомъ она, какъ бы совсѣмъ обезпамятѣвъ, вскочила и убѣжала.

Къ этимъ внезапнымъ ея уходамъ Баклановъ давно уже привыкъ. Просидѣвъ немного и думая, что дѣло его совершенно испорчено, онъ уѣхалъ домой... Онъ не зналъ еще, до какой степени любящее сердце Казиміры было исполнено самоотверженія.

Она спала въ одной комнатѣ съ Евпраксіей, и ту же ночь до самаго утра говорила съ ней о Баклановѣ.

А Евпраксія, прикинувъ своею хорошенькою головкой къ батистовому бѣлью подушки, лежала молча, но не спала!

XXIV.

Немного словъ, но много дѣла.

Въ семействѣ Сабакѣевыхъ все происходило какъ-то необыкновенно просто.

Казимира сдѣлала Евпраксіи рѣшительное предложеніе отъ Бакланова. Евпраксія поутру сказала о томъ матери. Не смотря на это, въ домѣ не было ни шушуканья, ни тайственныхъ лицъ. Старуха также, какъ и каждодневно, сходила къ обѣднѣ; дочь также, какъ и прежде, взяла урокъ на фортепіано.

Казимира начала ужь замирать въ радости, что авось онѣ не примутъ предложенія Бакланова; но вечеромъ, однако, она нечаянно подслушала разговоръ между матерью и дочерью.

— Онъ очень, кажется, честный человѣкъ! говорила Евпраксія.

— Да, подтвердила мать; потомъ, помолчавъ, прибавила: — все во власти Божіей!

Разговоръ на нѣкоторое время пресѣкъся.

— И онъ, наконецъ, здѣсь лучше всѣхъ, кого я знаю,— прибавила дочь.

— Да, — подтвердила и мать опять.

Разговоръ снова прервался.

— Тебѣ отдамъ этотъ домъ, а сама перетащусь опять въ Москву, — заговорила снова старуха.

— Зачѣмъ же!... Это будетъ очень скучно мнѣ, возразила дочь, но совершенно какъ бы слегка.

— Нѣтъ! нѣтъ! перебила ее старуха. — Матери въ бракъ только помѣха: — ничего отъ насъ добра не бываетъ.

— Не знаю, я этого еще не испытала, — сказала дочь съ улыбкой.

— Потому-то и говоришь, что не знаешь, — подтвердила мать.

И снова молчаніе.

— Вы мнѣ здѣшнее имѣніе отдадите? спросила дочь, совершенно не женируясь.

— Да, тебѣ здѣшнее, а московское Валерьяну, — отвѣчала старуха, тоже по-видимому не удивленная нисколько этимъ вопросомъ.

Валерьянъ былъ младшій ея сынъ и учился въ Москвѣ.

На этомъ разговоръ совершенно прекратился.

Старуха сѣла за грань-пасьянсъ, а Евпраксія пошла заниматься музыкой. Недаромъ, видно, ее въ городѣ называли ледешкомъ, а мать философюю.

Казиміра, что бы ни чувствовало собственное сердце ея, написала обо всемъ этомъ разговорѣ Бакланову.

Онъ не замедлилъ сію же минуту пріѣхать.

Старуха все еще продолжала раскладывать грань-пасьянсъ.

Баклановъ сѣлъ противъ нея.

Но какъ тутъ съ этою спокойною физиономіей было заговорить?

— Погадайте ка на мои мысли! сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ бы самой надо ваши мысли отгадать, отвѣчала старушка полушутя.

— О, онѣ совершенно чисты и открыты передъ вами! воскликнулъ Баклановъ.

— Ну, то-то же, смотрите! сказала она, и погрозила ему пальцемъ.

— Такъ какъ же, Анна Петровна, да или нѣтъ? спросилъ ужъ Баклановъ.

— Что-й-то, да поди — у ней спрашивай; я ужъ за тебя не пойду, сказала Сабакѣва.

— Значить, можно? воскликнулъ Баклановъ, и пошелъ въ ту комнату, гдѣ Евпраксія сидѣла за работой. Напротивъ ея помѣщалась Казимира, почти нечесаная и врядъ-ли въ засегнутомъ платьѣ. Она цѣлый день жаловалась то на занятія, то на нездоровье.

Баклановъ подмигнулъ ей. Она, потупивъ голову и съ грустною усмѣшкой, вышла.

У Александра губы и щеки дрожали.

— Евпраксія Арсеньевна, началъ онъ, — я имѣлъ честь дѣлать вамъ предложеніе. Скажите вы мнѣ прямо и откровенно, какъ пряма и откровенна ваша прекрасная натура, нравлюсь ли я вамъ и согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце!

Евпраксія нѣсколько времени смотрѣла ему прямо въ лицо.

— А вы будете любить меня? спросила она, и какъ-бы нарочно послѣшила улыбнуться, чтобы смягчить свой недовѣрчивый вопросъ.

— Я буду васъ любить всю жизнь, если бы вы даже не любили и разлюбили меня, проговорилъ Баклановъ съ чувствомъ.

— Ну, я-то ужъ не разлюблю, кого полюблю, сказала Евпраксія и слегка покраснѣла.

— О, и я! ручку вашу! да?

— Ну, смотрите же, не обманите меня! сказала Евпраксія, подавая ему руку. — Я въ васъ съ перваго же раза почувствовала какую-то вѣру.

— Вѣру?

— Да! Подите къ татамъ, я должна одѣваться! Баклановъ хотѣлъ попросить у ней подѣлуя, но не посмѣлъ.

Въ тотъ день была пятница, и часовъ въ девять начали съѣзжаться гости.

Баклановъ съѣздилъ домой и надѣлъ фракъ.

За ужиномъ было объявлено, что mademoiselle Еургахіе помолвлена за monsieur Бакланова.

XXI.

Испытаніе.

Въ городъ про Евпраксію говорили: «это невѣста не пылкая и не страстная.» Баклановъ тоже, желая съ ней сблизиться, не могъ достигнуть этого въ той степени, въ какой желалъ бы.

— Ты любишь меня? спрашивалъ онъ ее.

— Люблю! отвѣчала односложно Евпраксія.

— Но, знаешь, нѣсколько очень ужъ спокойно: хоть бы поревновала меня или покапризничала надо мной!...

— Да зачѣмъ же? возразила Евпраксія съ улыбкой: — если бы ревновать была причина, такъ я бы лучше не пошла за тебя, а если бы я капризна была, такъ ты бы, вѣроятно, не женился на мнѣ.

Баклановъ долженъ былъ согласиться, что все это весьма справедливо и умно.

Разъ онъ принесъ къ ней *Бориса Годунова* Пушкина и сталъ ей читать сцену у фонтана.

— Ты хладнокровная Марина Мнишекъ, а я пылкій Самозванецъ!— говорилъ онъ ей, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Григорій приходитъ въ себя, онъ даже вскочилъ и продекламировалъ передъ невѣстой:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Наслѣдникомъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы ополчила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я.

Баклановъ при этомъ замѣтилъ, что Евпраксія усмѣхнулась.

— Тебѣ смѣшно только! проговорилъ онъ съ досадой.

— Да какъ же не смѣшно! Вдругъ я Марина Мнишекъ, а онъ Самозванецъ! Тутъ и въ чувствахъ даже ничего нѣтъ общаго.

«Она чортъ знаетъ какъ умна!» подумалъ Баклановъ; но вслухъ однако проговорилъ:

— Очень ужъ вы, Евпраксія Арсеньевна, разсудительны.

— Не разсудительна, а только словъ пустыхъ не люблю, — отвѣчала она, по обыкновенію своему, спокойно.

Больше еще всего, кажется, Евпраксія любила музыку. Она играла правильно, отчетливо, со смысломъ; но и тутъ Бакланову казалось, что она мало увлекается, а только проиграетъ иногда огромную піесу, и потомъ на нѣсколько минутъ глубоко, глубоко задумается.

Что она въ эти минуты думала, Богъ ее знаетъ: никогда не сказывала, хоть Баклановъ и часто спрашивалъ ее.

— Не люблю я про это говорить, отвѣчала она.

— Вообще про то, что чувствуешь?

— Да! отвѣчала Евпраксія.

Баклановъ, оставаясь съ невѣстой наединѣ, при-

нимался ее цѣловать въ лицо и въ шею. Евпраксія, нисколько не женируясь, отвѣчала ему тоже поцѣлуями.

Однажды онъ сталъ передъ ней на колѣни и прильнулъ губами къ ея выставившейся ножкѣ.

Евпраксія, кажется, и не поняла этого страстнаго съ его стороны движенія и только посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Передъ уходомъ Бацлановъ обыкновенно прижималъ ее къ груди своей и долго, долго цѣловалъ ее въ лобъ.

Евпраксія ему повиновалась.

XXVI.

Банковый билетъ.

Послѣднее время Софи цѣлые дни сидѣла дома. О, какъ она была печальна!

Разъ, вечеромъ, къ ней вошла Иродіада.

— Куда ты цѣлый день пропадаешь? говорила ей съ досадою Софи: — довольно ужъ этою любовью своей заниматься.

— По городу немножко погуляла: на свадьбу смотрѣла-съ, — отвѣчала та.

— На чью?

— Нашего Александра Николаича.

Софи поблѣднѣла.

— А сегодня свадьба?

— Сегодня-съ! Сейчасъ вѣнчать будутъ у Спаса.

— А что, меня въ церковь пустятъ?— спросила Софи, устремляя на горничную какой-то странный взглядъ.

— Отчего жъ не пустить? — отвѣчала та.

— Давай мнѣ одѣваться... дай все лучшее!... — говорила Софи, и начала сама приводить въ порядокъ свои волосы. Дѣло это горѣло у нея въ рукахъ: ни одинъ парикмахеръ не сдумѣлъ бы такъ скоро и такъ къ лицу причесать ея роскошные локоны. Иродіада принесла ей великолѣпнѣйшее визитное платье.

— Выкупили бы, сударыня, ваши вещи-то, а то надѣтъ вамъ нечего!— говорила она, подавая госпожѣ въ самомъ дѣлѣ всего одну небольшую брошку.— Все выкуплю, все! не на радость только! — отвѣчала Софи, небрежно застегивая этою брошкой платье на груди. Надѣвая французскія перчатки, она одну изъ нихъ изорвала. Толстыя ботинки ея громко стучали по паркету.

Въ этомъ нарядѣ Софи, казалось, точно сейчасъ только воротилась съ какого-нибудь вакхическаго вечера.

Коляска ея уже была подана къ крыльцу

— Къ Спасу, — сказала она.

Вѣнчанье Бакланова происходило въ небольшомъ, темноватомъ придѣлѣ приходской церкви.

Софи, войдя, остановилась у колонны, почти въ самыхъ дверяхъ.

Всю церемонію она простояла неподвижная, какъ статуя.

Вѣнчалъ духовникъ старухи Сабакѣевой, высокій, сухощавый, съ мрачнымъ и неподвижнымъ ли-

цомъ священникъ. Въ концѣ онъ говорилъ проповѣдь, и все страдалъ новобрачныхъ, если не будутъ любить другъ друга, страшными адскими муками.

Выходя, молодые прямо очутились лицомъ къ лицу противъ Софи.

— Je vous félicite, monsieur Баклановъ! сказала она. — Je vous félicite, madame!— прибавила она и молодой.

Баклановъ поблѣднѣлъ. На лицѣ Евпраксіи тоже отразилось безпокойство: ее очень поразила великолѣпная и, въ одно и то же время, печальная наружность Софи.

Баклановъ поспѣшилъ усадить жену въ карету и самъ вскочилъ за нею.

Софи вышла вслѣдъ за ними на паперть. Небрежно убранные волосы ея развѣвались вѣтромъ; заколотая въ платьѣ брошка разстегнулась и повисла.

— Madame, вы потеряете вашу вещь!— сказалъ было ей одинъ изъ молодыхъ людей.

— Merci, — сказала Софи, врядъ ли и слышавшая, что ей сказали, и такъ, не поправивъ брошки, сѣла въ экипажъ.

Приѣхавъ домой и войдя въ будуаръ, она порывисто сбросила съ себя шаль и начала разрывать платьѣ, корсетъ, а потомъ, залившись вся слезами, упала на постель.

— Хотѣла бы я быть порядочнымъ существомъ, но Богъ не привелъ,—стонала она.

— Полноге-ка, сударыня! есть о чемъ плакать! утѣшала ее Иродіада.

— Есть, Иродіада, есть! Теперь я совсѣмъ несчастная, — отвѣчала Софи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ коммерческій банкъ отъ неизвѣстнаго лица было внесено на имя дѣйствительной статской совѣтницы Леновой двѣсти тысячъ рублей серебромъ.

Оглавление VIII-го тома.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ.

	СТР.
Часть первая	1
Часть вторая	134
Часть третья	262

F

24.186/s-9